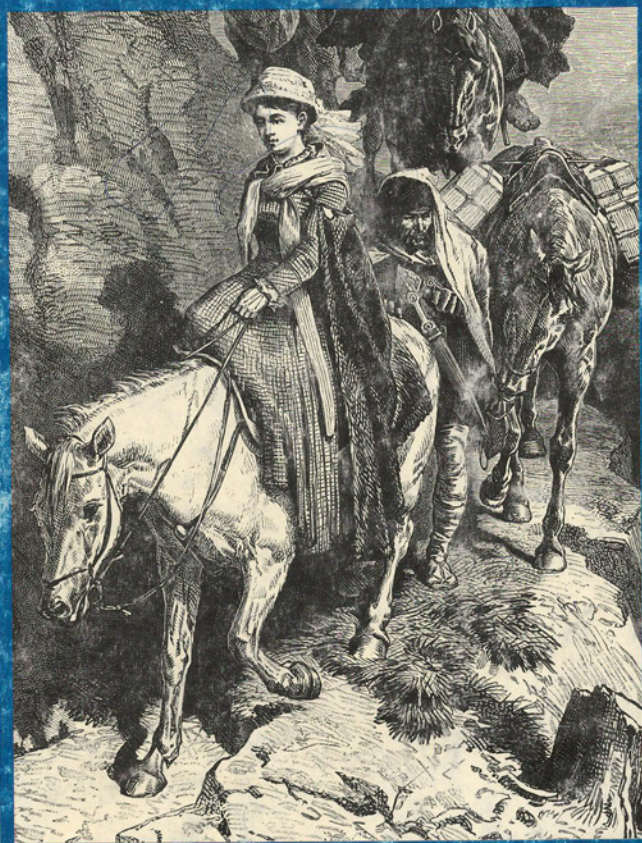


Карла Серена

ПУТЕШЕСТВИЕ  
ПО АБХАЗИИ



100

Карла Серена

# Путешествие по Абхазии



Москва  
1899

21/IV - 2012 - 15.

63.3(5А6х) + 63.52(5А6х)

УДК [93/99+39](=946.113)  
ББК 63.3(Гру=6А6х)+635  
С32

Спонсор издания  
**Вахтанг Кецба**

Автор проекта и редактор,  
предисловие и комментарии:  
**Денис Чачхалиа**

Итальянская исследовательница Карла Серена путешествовала по Кавказу в конце 70-х и начале 80-х годов XIX столетия. Ее путевые заметки по Абхазии, в свое время опубликованные на французском, впервые переведены на русский язык. Книга одинаково интересна, как для широкого читателя, так и для специалиста по истории и этнографии Кавказа.

Перевод с французского **Риммы Черниковой**

© ЦГИ "Абаза", 1999 г.

к/р

63.3(5А6х)

С32

24

Центр гуманитарных исследований «АБАЗА»

**Карла Серена**

249626

## Путешествие по Абхазии

Москва  
1999

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА  
АБХАЗИИ им. И. Г. БАПАСКИР

## Абхазские экскурсии Серены

(от редактора)

**М**атериалы путешествий Карлы Серены по Абхазии прежде не использовались в отечественном кавказоведении ни полно, ни в виде цитат. Исключение составляла перепечатка нескольких фотографий путешественницы в книгах редких авторов. Словом, настоящее издание является первой русской публикацией путешествий К. Серены, причем лишь абхазской их части. Автор побывала прежде на Северном Кавказе, в Кахетии, Мингрелии, по которым также были опубликованы путевые заметки.

Карла Серена была итальянка. Однако кавказские ее путешествия, в том числе и та их часть, которую мы предлагаем читателю, были опубликованы на французском языке в известном парижском журнале «Le Tour du Monde» («Всемирный путешественник»). По завершению серии ее кавказских экскурсий король Италии удостоил Карлу Серену высокой государственной награды. На большой, специально выпущенной по этому случаю, золотой медали был отчеканен портрет путешественницы и выгравирована надпись: «A Karla Serena benemerite degli studi etnografici. Esploratrice coraggiosa delle regioni Caucasee. 1882.» («Карле Серене за заслуги в деле этнографии. Отважной исследовательнице Кавказского региона. 1882.»).

Нам мало что известно о человеческой и научной судьбе Серены. Доступные нам энциклопедии Франции и Италии, как главные, так и отраслевые, в том числе и биографические, не содержали сведений о путешественнице. Этот

пробел мы надеемся восполнить в будущем, возможно при повторном и более полном издании абхазских экскурсий. Дело в том, что Серена была в Абхазии дважды. Первый раз лишь в восточной, приграничной с Мингрелией части страны, называемой Самурзаканом. К некоторым впечатлениям о той поездке автор возвращается в описании своего повторного посещения Абхазии.

Путевые записки К. Серены 1881 года под названием «Excursion au Samourzakan et en Abkasie» («Путешествия по Самурзакану и Абхазии») были опубликованы частями в четырех номерах журнала «Тур дю Мوند» и снабжены множеством замечательных иллюстраций.

Второе посещение Абхазии К. Сереной состоялось в 1881-м году, то есть четыре года спустя после первого. Однако за этот небольшой период здесь произошли серьезные изменения, принятые называть катаклизмами. На фоне русско-турецкой войны, театром действий которой стала и Абхазия, изгнанные или бежавшие в Турцию за время русского завоевания Кавказа абхазы предприняли отчаянные действия по возвращению на историческую родину. Сделать это было возможно лишь вступив в противоборство с русскими войсками, что и было предпринято. Население Абхазии поддержало законные устремления соотечественников. Оно восстало против русской администрации за возвращение беженцев и изгнанников. Россия расценила выступление абхазов как бунт своих поданных, подавила восстание и объявила абхазов виновным населением, ограничив их в гражданских правах. Таким образом еще большая, чем прежние, волна беженцев ушла в Турцию, еще больше опустошив Абхазию. Таким стал итог русско-турецкой войны 1877–1878 годов для Абхазии. Именно такую страну посетила К. Серена в 1881-м году.

Прежде, чем пуститься в путешествие, К. Серена ознакомилась с научной литературой по Кавказу, в частности с произведениями писателей классической древности. Она была знакома с кавказоведческими трудами современников, что помогло исследовательнице ориентироваться порой в непростых исторических реалиях новооткрываемого края. Однако в некоторых случаях здесь писательнице подстерегали неточности при цитировании древних авторов, порой неизбежное повторение ошибок предшественников, ссылка на ошибочные суждения и недостоверные свидетельства. Отсюда – не всегда верные интерпретации увиденных или услышанных эпизодов из жизни описываемого народа.

Определенную негативную роль в информировании Серены играли несколько факторов. Первое: начальную информацию о современной Абхазии и абхазах она получила в Тифлисе, где официальная администрация могла дать и наверняка дала пристрастную характеристику абхазам, как неблагонадежному населению со всеми вытекающими из такой политической оценки подробностями. Схожую информацию путешественница могла дополнительно получать от чиновников

кутаисского губернаторства и представителей знати по пути следования из Мингрелии в Абхазию, исторически соперничавших и враждовавших друг с другом.

Среди переводчиков и проводников Серены, объяснявших ей те или иные исторические события, обряды и обычаи абхазов, не было ни одного абхаза. То есть сами абхазы не имели возможности рассказать о себе. Абхазские аристократы из ближнего окружения бывшего владельца, знавшие языки, к этому времени были или уже убиты или бежали в Турцию. Те, что остались, были морально сломлены и унижены.

В течение предшествовавшего полувека Абхазия перенесла десятки потрясений, но последняя война и последняя волна изгнания повергли оставшихся абхазов в депрессию. «Виновному населению» неясна была его дальнейшая судьба. Такое положение способствовало сильному экономическому, и как следствие — культурному упадку края. К сожалению, К. Серена не всегда учитывает эту реальность в своих суждениях и сравнивает быт абхазов с бытом мингрелов или грузин, разумеется, не в пользу первых. Такие оценки несправедливы в силу того, что Мингрелия и Кахетия не сопротивлялись России, соответственно не несли потерь, не разорялись, не изгонялись, не ущемлялись в правах и не изолировались.

Эти факторы следует учитывать читателю предлагаемой книги — увлекательной и ценной с научной точки зрения. Ведь Карла Серена была первой иностранкой и вообще первым исследователем, посетившим Абхазию после русско-турецкой войны 1877—1878 годов. Пять лет спустя сюда приедет замечательный ботаник Альбов и проведет большую научную работу и оставит яркие этнографические наблюдения. Но К. Серена, заметки которой мы прежде не знали, побывала в Абхазии прежде всех, по свежим следам войны и разорения.

Особо следует отметить коллекцию замечательных фотографий, запечатлевших памятники абхазской старины, виды местностей, типы жителей. Это, пожалуй, наиболее достоверные свидетельства, добытые Сереной в Абхазии... Причем, подавляющее большинство иллюстраций гравировано по фотографиям самой путешественницы, которой пришлось специально освоить фотодело перед своей поездкой в Абхазию.

Официальные чины в Вене и Тифлисе отговаривали Серену от поездки в мятежный край, а фотографы отказались сопровождать ее в рискованной поездке. Но молодая исследовательница пренебрегла разумными предостережениями во имя достижения намеченной цели и была сполна вознаграждена за это. Край оказался на редкость мирным и гостеприимным. Некоторые стороны быта абхазов она находит достаточно целомудренными и достойными подражания. Исследо-

вательница собрала экзотичный для европейцев и богатый материал. Подвиг ее был оправдан.

Благодаря К. Серене мы впервые видим изображения станции индо-британского телеграфа в Оцарце, школы в Окуме, самого поселка Окум, развалины владетельского дворца в Очамчире, деревянной церкви в Кутоле, обряда вызывания дождя... Впервые мы читаем описание сероводородных ванн в Ткварчале, обустроенных владельцем Михаилом, узнаем об исполнителе убийства правителя Абхазии Дмитрия, подробности территориально-административного оформления Самурзакана, этой приграничной с Мингрелией территорией Абхазии.

Не только широкий читатель или любитель истории, но и профессиональные исследователи истории Кавказа найдут в книге К. Серены достойные внимания свидетельства и ценные этнографические зарисовки.

Конкретные комментарии и поправки к наблюдениям и суждениям К. Серены даются нами непосредственно в сносках к тексту.

Звездочками (\*) обозначены примечания самой К. Серены.

Пояснения переводчика к некоторым французским терминам отмечены соответственно — (прим. перевод.).

Денис Чачхалиа



Река Ингур

## ПУТЕШЕСТВИЕ ПО САМУРЗАКАНУ И АБХАЗИИ

Читатели журнала «Тур дю Монд», следившие за моим путешествием по Мингрелии, возможно помнят мои первые шаги в сторону Абхазии, которые я совершила, преодолев вброд реку Ингур. Полное отсутствие фотографий внутренних районов Абхазии задержало публикацию продолжения этого путешествия. Надой нависла угроза остаться совсем без иллюстраций, поскольку кавказские фотографы отказывались отправляться в Абхазию, не желая рисковать своей жизнью в этой дикой и мятежной провинции. Я находилась в Вене в октябре прошлого года, когда получила окончательный и категоричный отказ. Желая однако увидеть продолжение моего рассказа в «Тур дю Монд», я решила сама стать фотографом и вторично отправилась в Абхазию, одна, пренебрегая опасностями и трудностями, особенно теми, которые представляло столь позднее время года. Мое предприятие увенчалось успехом: публикуемые здесь рисунки являются репродукциями сделанных мною снимков.

Для меня Абхазия представляется страной лишений. Я уже провела в ней три месяца, не разговаривая. Теперь снова я оказалась там на три недели почти без сна, потому что из-за коротких

дней приходилось совершать переходы ночью, чтобы к свету успеть оказаться в местах фотосъемок.

Я уехала из Вены 16 октября, а вернулась 12 декабря к дню празднования юбилея Географического общества, на которое была приглашена. Само празднование состоялось позднее из-за катастрофы, постигшей Ринг-Театр.

Дорога из Вены в Тифлис и обратно заняла у меня месяц. Остальное время я скакала по Абхазии и фотографировала. С той же целью я заезжала и в Кахетию. В нижеследующем тексте местами вкраплено по несколько строк, относящихся к этой последней поездке (1881 г.), добавившейся к первой, совершенной в 1876 году.

### I.

Первый опыт фотографии. — Остановки в Тифлисе, Ново-Сенаки, Зугдиди. — Завтрак у подножия крепости Рухи. — Переправа через Ингур. — Исторический экскурс. — Левый берег Ингура и крепость Оцарце. — Почтовая станция и милиционеры. — Село Саберия. — Гостеприимное угощение. — Суеверия. — Раздел земель. — Местная знать. — Особенности нравов. — Городок Окум. — Этнические типы региона.

Когда решение об отъезде было принято, мне едва хватило времени сделать приготовления, необходимые для моего смелого предприятия, поскольку я хотела воспользоваться пароходом, идущим от Вены до Константинополя.

Став новоявленным фотографом, я уезжала, не успев испытать свои способности в этом деле. Беспokoясь за успех моего предприятия, по прибытии в Батум я выбрала объектом моей первой фотоработы пароход «Леда» австрийского отделения компании Ллойда, на котором сама и приехала. Я использовала сухие желатинированные пластинки. Мне стоило трудов найти в Тифлисе фотографа, знакомого с этой системой. Однако мне это удалось, и я не могу выразить свою радость, когда увидела, как светлая и прекрасная «Леда» выходит из ванны с кислотой. Мои последующие опыты еще более меня обнадежили.

В Тифлисе меня отговаривали от поездки в Абхазию, но, исполненная решимости, я добилась необходимой поддержки властей; однако, генерал Старосельский, начальник главного управления наместника Кавказа, не преминул мне заметить: «Ваш героизм граничит с безумием».

Сначала проливной дождь задержал меня в Тифлисе. Я добралась до Ново-Сенаки; дороги были размыты. Волей-неволей я стала гостьей уездного начальника, знатного грузина, регулярно предававшегося сиесте<sup>1</sup> с сигарой в руке. Его слуга, великолепный мингрел, постоянно пытался ее зажечь. Я сделала портрет моего почивающего хозяина.

К великой радости лягушек дождь продолжал меня преследовать и в Зугдиди. Воспользовавшись прояснением, я поехала в Рухи, где мои спутники угостили меня завтраком. Один из них принес мне совсем горячего жареного цыпленка, деликатно держа его двумя пальцами.

Наконец я вновь пересекла мой Рубикон, переправившись через Ингур, на сей раз в грубо сколоченной лодке из тех, что используют, когда вода в реке прибывает. Веселый луч солнца приветствовал меня, когда я ступила на берег.

Бурный Ингур отделяет Мингрелию от Самурказана. Эти провинции часто воевали друг с другом, вожди той и другой стороны не раз пытались расширить свои владения за счет соседа. Самурзакан был прежде частью Абхазии; в этой соседней с ним земле правили представители рода Шервашидзе. Один из князей этого рода, Джикешия<sup>2</sup>, поручил своему сыну Мурзакану<sup>3</sup> управление дальними уделами, о которых и идет речь; после смерти отца сын стал владыкой территорий, которыми прежде только управлял, и на-

<sup>1</sup> Отдых и сон после обеда (лат.).

<sup>2</sup> Джикешия Чачба-Шервашидзе (конец XVII – нач. XVIII вв.) – владетель Абжуа (Центральной Абхазии), области между реками Кодор и Гализга. Сын владетельного князя Абхазии – Зегнака (1665–1700).

<sup>3</sup> Более вероятна версия, по которой Мурзакан был сыном Квапу, владетеля той же самой восточной (Гальской) области Абхазии, которой правил его отец и которую он впоследствии унаследовал.

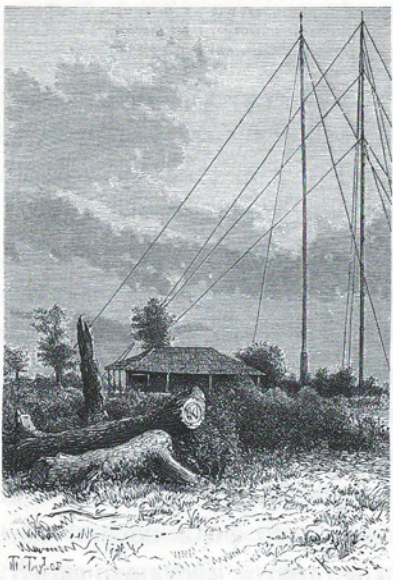
звал их своим именем Са-Мурзакан (префикс «са» указывает на собственность).

Шесть князей его рода правили после него этим краем. Последний из них, Манучар, был убит одним из своих слуг в 1812 году. От брака с дочерью Дадиана Мингрельского, Тариэла, у него осталось двое сыновей, Александр и Димитрий, но родственник по материнской линии, стремившийся к власти над Самурзаканом, постарался отделаться от племянников, в чем и преуспел. Первый, обвиненный им в мятеже против наместника Кавказа (с 1808 года эти земли вошли под владычество России), был сослан в Сибирь, где и умер; второго же он заманил в ловушку и убил. С тех пор Самурзаканом управлял Дадиан Мингрельский под российским протекторатом.

В это же время в Абхазии правил Георгий Шервашидзе, иначе Сафар Бей, так как царствующие князья этого рода носили одновременно два имени – одно христианское, другое мусульманское<sup>4</sup>. Будучи тоже через жену породнен с владыкой Мингрелии, Сафар Бей позволил ему править Самурзаканом в свое удовольствие; но после его смерти его второй сын Хамуд Бей, Михаил Шервашидзе (старший сын умер всего через несколько месяцев правления) пожелал вернуть себе власть над этим краем. Последовал конфликт, который Россия уладила, взяв управление Самурзаканом на себя и посадив там своего пристава. Как слабое утешение Мингрелия получила семь самурзаканских сел; Абхазии, в свою очередь, отошли территории, расположенные между реками Гализга и Охурей. Таким образом, после этого раздела, произошедшего в 1836 году, ее от Самурзакана стала отделять вторая из этих рек, а не первая, как раньше. Наконец, в 1867 году эта последняя территория, имевшая до этого собственного правителя, была присоединена к Абхазии.

С административной точки зрения Абхазия еще не полностью интегрирована с другими провинциями Кавказа; она не имеет своего

<sup>4</sup> Это явление в периоды усиления турецкого или иранского владычества не было чуждо, к примеру, для грузинской аристократии, многие из которых носили мусульманские имена – Теймураз, Булат, Амир, Мурзакан и при этом имели их христианские заменители. Аналогичное можно наблюдать и в именнике армянской знати.



Столбы индо-британского телеграфа  
около Оцарце

суда и гражданских органов власти, как там, а подчиняется военному режиму. К тому же между Самурзаканом и Мингрелией до сих пор живы старые споры относительно границ, настолько живы, что недавно для точного проведения пограничной линии была создана объединенная комиссия, в которую вошли члены кутаисского правительства (которому подчиняется Мингрелия) и администрации Абхазии (частью которой, как мы видели, является Самурзакан). Река Ингур, протекающая между этими провинциями, сама является предметом спора, поскольку ее быстрые и капризные воды часто затопляют низ-

менные прибрежные территории, нанося значительный ущерб, и бывает трудно определить, какой из сторон принадлежат острова, образующиеся в русле реки<sup>5</sup>.

Выше я описывала руины крепости Рухи, возвышающиеся на мингрельском берегу Ингура; на противоположном берегу тоже находятся развалины крепости, известной под названием Оцарце. Эти потерявшие свое значение останки, кажется, до сих пор бросают с одного берега на другой гордый вызов друг другу. Я также уже говорила о гигантских столбах, поддерживающих в этих местах воз-

душные линии индо-британского телеграфа, связывающего Лондон с Калькуттой и проходящего вдоль побережья Черного моря. Столб самурзаканского берега, хоть и немного ниже, чем его двойник со стороны Рухи, тем не менее, впечатляет своей семидесятифутовой высотой; он, как и его мингрельский собрат, надежно защищен от капризов бурной реки. Издали эти два огромных столба кажутся мачтами исполинского корабля с канатами снастей. Тихо и неуловимо скользят человеческие мысли по электрическим проводам, фантастическим образом перекинутым по воздуху, и лихорадочное движение телеграмм, таинственно и незаметно пересекающих туда и обратно эти пустынные края, кажется диалогом невидимых духов, тихо беседующих через пространство.

На той же площадке в нескольких метрах установлен железный столб, сообщающийся с остальными, деревянными, вытянувшимися в одну главную линию и связанными с большой мачтой возле крепости Рухи, так что в Оцарце образуется как бы две отдельные ветви. Столб, поднимающийся на этом месте, носит номер 602 и имена тех, кто руководил столь трудными работами в этом лишенном всякой помощи краю. Вдоль телеграфной линии на определенном расстоянии друг от друга расположены станции наблюдения, предназначенные для исправления возможных повреждений. От Керчи (на Черном море) до границы с Персией насчитывается двадцать таких постов, осуществляющих контроль за линией с семи часов утра до десяти вечера. В кавказских отделениях, в особенности на побережье Черного моря, нет ночной службы ввиду невозможности, даже в случае обнаружения обрыва линии связи, прибыть в темноте на нужное место в этом краю почти непроходимых дорог, к тому же пересеченных водными преградами. В обязанность контролера входит каждый час проверять движения иглы гальваноскопа; ее положение показывает, нет ли обрыва на линии и не должны ли на промежуточной станции исправить повреждение. Эти ежедневные наблюдения заносятся в журнал, который раз в месяц отсылается в центральное отделение в Тифлис.

<sup>5</sup> В 1799 году владетельный князь Абхазии Келешбей Чачба пошел войной на Мингрелию, в результате чего мингрельские владетели Григорий и Манучар Даддани были принуждены заключить с ним мир. По условиям мирного соглашения мингрельская сторона признавала власть абхазского владетеля на Самурзаканом и Анаклией (местность и порт на мингрельском берегу Ингура). Все последующие время вплоть до упразднения Мингрельского княжества в 1856 г. князья Даддани интриговали против Абхазии и подталкивали царских наместников на Кавказе и влиятельных чиновников к пересмотру условий этого договора в свою пользу. Абхазские владетели выдвигали свои требования. В результате этих интриг Самурзакан был подчинен непосредственно русскому управлению и превращен в приставство.

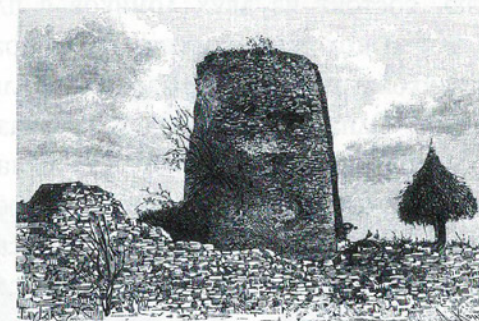
Мои спутники были сильно удивлены, увидев, что я поднимаюсь на стену крепости Оцарце, чтобы снять открывающиеся с нее виды. Два чапара (милиционера) последовали за мной, чтобы поддержать меня. Дул сильный ветер, и удивление этих мужчин при виде моего бесстрашия равнялось лишь их испугу, так как там было действительно опасно.

Местоположение бывшей крепости Оцарце просто великолепно: с одной стороны Кавказские горы, с другой — равнины Мингрелии. Ничего более грандиозного и вообразить нельзя. Массив развалин, окруженных стенами, бегущей вдоль реки, состоит из высокой квадратной башни в несколько этажей, построенной из обкатанных Ингуром валунов и снабженной подземными ходами, в которых некогда по традиции местные князья прятали свои сокровища. Когда попадаешь в крепость со стороны суши, справа от стены, окружающей подножие башни, обнаруживаешь сводчатое помещение, вход в которое представляет собой хорошо сохранившуюся арку. В самой башне расположена другая, более просторная комната, тоже сводчатая, служившая, похоже, часовней, и из которой можно попасть на верхний этаж.

Слева, со стороны реки, сразу за круговой крепостной стеной начинается коридор, в который попадаешь через стрельчатый проем. Он ведет через систему подземных ходов в другие окрестные крепости, связанные таким образом между собой. Все эти оборонительные сооружения, как в Абхазии и Самурзакане, так и на мингрельской и имеретинской территории, являются ровесниками греческих и генуэзских поселений у подножия Кавказа. Позднее мусульманское нашествие вынуждено было сломить их сопротивление.

Другим древним оплотом христианства в этих местах была крепость Сатанджо<sup>6</sup>, расположенная на одноименной горе в нескольких верстах от Оцарце; говорят, недавно был открыт потайной ход между этими крепостями.

Вокруг Оцарце, как и везде в этом краю, богатейшая растительность. Сплошные ковры диких цветов, фруктовые деревья, обремененные плодами лишь щедротам природы, виноградные лозы, длинные побеги которых добираются до самых верхних ветвей столетних раскидистых дубов, лип, ореха и каштана, — все это рождено плодородной землей Кавказа. А под всем этим грандиозным великолепием стремительно течет Ингур в своем каменистом русле, разделенном на несколько рукавов. И когда во время паводков его течение ворочает огромные валуны, вырванные из горных ущелий, грохот взбешенных волн напоминает гром океанского шторма. Этот грохот наводит ужас на прибрежных жителей, которые знают все оттенки голоса реки и никогда не ошибаются в приближении беды.



Крепость Оцарце

Вершины, господствующие над бурным потоком, пребывают с ним в полной гармонии. На заднем плане вздымается покрытая вечными снегами горная цепь, окаймляющая Самурзакан и Сванетию. Ниже нее начинается рельеф Абста Саберия (Саберийский выгон)<sup>7</sup>, где летом всегда в изобилии растет корм для скота. Саберия — это название местности, а также расположенного под горой села; на здешнем языке это слово означает «собрание монахов», однако никаких монахов тут нет. Наконец, рядом с укреплением находится бывшее поселение русских казаков; затем, неподалеку — почтовая станция, которую обслуживают мирные местные милиционеры, чья обязанностью является предоставление лошадей для казенной службы. За каждую лошадь наниматель платит из расчета пять копеек с версты (одна копейка приблизительно равна одному су). Милиционеры исполняют также обязанности почтальонов. Их месячный ок-

<sup>6</sup> От названия бывшей здесь в XIII–XVI вв. генуэзской фактории — Санта Анджело (Святой Ангел).

<sup>7</sup> Абста Саберия — от слова «апста» (абх.) речная долина. Такие урочища действительно использовались для выпаса скота.

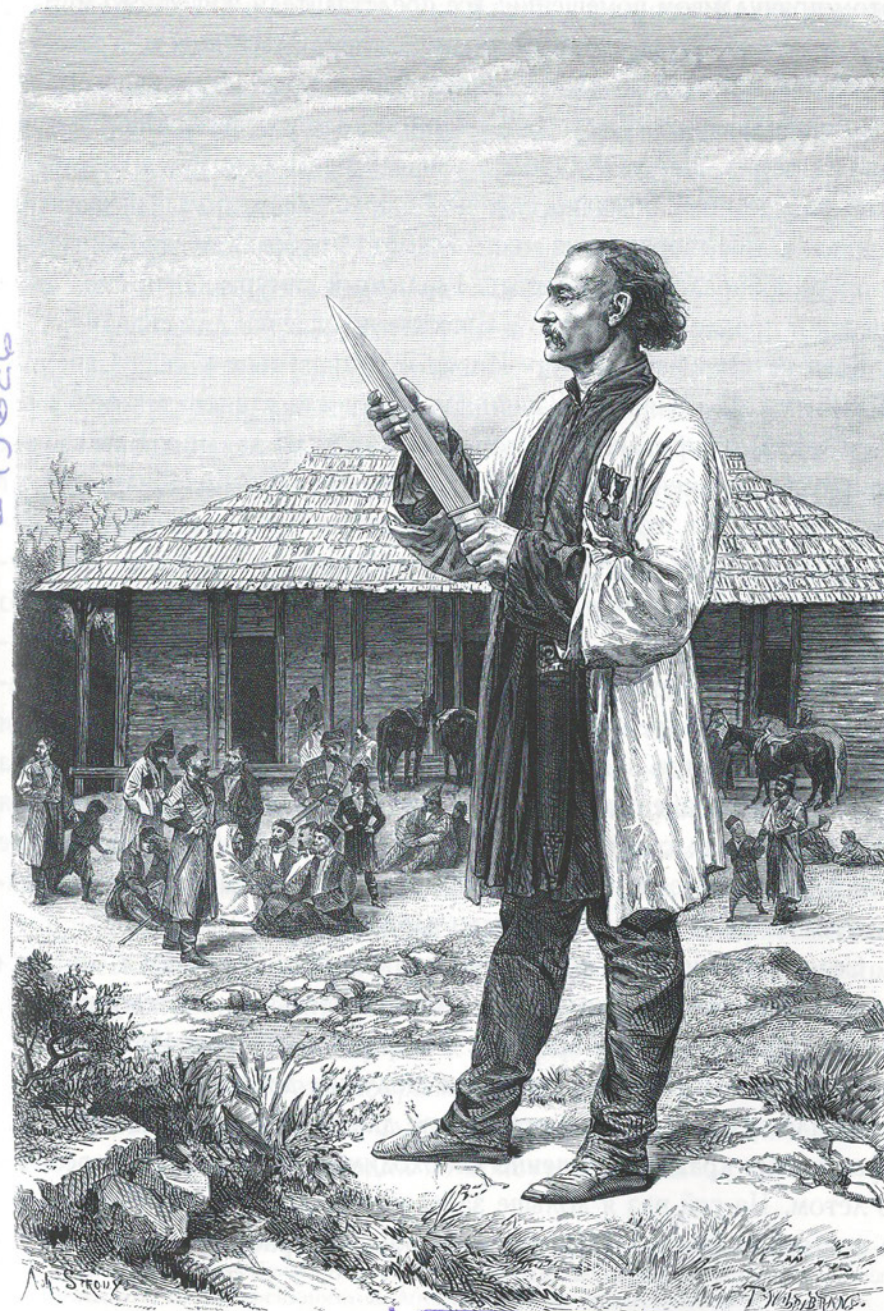
лад — десять рублей на человека плюс питание. Они единственные из всего кавказского населения, всегда до зубов вооруженного саблями, пистолетами, револьверами и кинжалами, имеют право носить ружье; именно это отличает национального солдата от простого гражданина. Каждая из почтовых станций, о которых я рассказываю, состоит из двух домиков с плетеными стенами, называемых *пачка*<sup>8</sup> и похожих на большие квадратные корзины. Крыша сделана из сухой травы, материала в изобилии растущего на окрестных болотах. Одна из этих лачуг предназначена служить жилищем для людей, вторая — конюшней для лошадей. Но в действительности лошади днем и ночью находятся на соседних полях и в лесах, так что путешественник, которому требуется смена лошадей, должен позаботиться о том, чтобы заранее послать предупреждение станционным зрителям.

Большинство милиционеров принадлежит к дворянскому сословию. Этой службы добиваются даже местные князья. Почти никаких обязанностей, внешний лоск военного обмундирования — это больше, чем надо, чтобы соблазнить кавказскую аристократию, у которой в крови призвание к *farniente*\* и любовь к лохмотьям. Эти гордые оборванцы обязаны также охранять дороги, на которых, должна признать, теперь стало столь же безопасно, насколько опасно было всего несколько лет назад.

На почтовой станции Оцарце, кроме милицейского персонала из восьми человек, обитает владелец духана со своей семьей. Духан — это совершенно типичное заведение, одновременно являющееся гостиницей, трактиром, винной лавкой, продуктовым складом — словом, предлагающее все услуги деревенской корчмы; к несчастью, один вид разнообразных объектов, содержащихся в четырех стенах этой пахучей таверны, способен усмирить самый буйный аппетит. Невозможно даже представить себе чудеса антисанитарии, царящие

<sup>8</sup> Правильней — апахха (абх.). Плетенное жилище. У состоятельных абхазов — кухонное помещение, в котором семья проводит основное дневное время. Дощатый дом, стоящий обычно рядом, предназначен для сна и для приема гостей.

\* Ничего неделание (ит.).



Самурзаканский дворянин, пробующий кинжал. В гостинице духан.

в этом причудливом помещении; все представители животного мира — собаки, кошки, куры, утки и свиньи — живут здесь вместе в нежном согласии и могли бы служить примером жителям обоих берегов, так давно враждующим между собой. При выходе из башни Оцарце меня ждал сюрприз. Перед духаном я увидела разложенный на земле завтрак по местному обычаю. Главным блюдом была большая жареная индейка. Один дворянин из моего эскорта пробовал лезвие кинжала, которым собирался ее разрезать. Галантный самурзаканец снял свой башлык и предложил мне его в качестве подушечки для сидения.

Если от Оцарце покинуть Ингур и направиться к селу Саберия, пейзаж тут же меняется. Равнинная местность становится более населенной и культивированной, в то время как виды дальних Кавказских гор предлагают меньше разнообразия. На равнине в изобилии растет кукуруза. То тут, то там встречаются также поля пшеницы, урожаем с которых пользуются только по особым случаям, таким как свадебное или поминальное угощение, для выпечки хлеба, называемого лаваш. Обычная же еда, как богача, так и бедняка — это каша из кукурузной муки, которую абхазцы называют абсуабста<sup>9</sup>. Если в Самурзакане и Мингрелии пшеница еще кое-где растет, то в Абхазии она не встречается вовсе. Всего несколько лет как кукуруза стала здесь распространенной культурой; раньше этот злак выращивался только на полях самых богатых людей, и к ним обращались менее зажиточные жители, когда им приходилось принимать какого-нибудь гостя. Зато мяса и вина было вдоволь.

Село Саберия, несколько выше которого находятся остатки укреплений, некогда входивших в оборонительную систему района, являет собой радостное зрелище. Во время моего первого путешествия я выехала из Оцарце утром и к полудню добралась до Саберии. Я сделала тут трехчасовой привал как для еды, так и для сиесты, которая в этих краях совершенно необходима в это время дня, особенно летом. На сей раз я дольше задержалась в Саберии. Я снова стала гостьей главного здешнего лица, князя Зураба Чхотуа и его се-

<sup>9</sup> Правильней — апсуа быста (абх.). Означает — абхазская мамалыга, т. е. мамалыга, приготовленная по-абхазски.

мьи, которые приняли меня как старую знакомую. Князь проводил меня по своим обширным полям кукурузы и показал вместительный магаза, где хранится урожай. Чтобы забраться в такой амбар, нужна лестница, так как строение несколько приподнято от земли для предохранения от сырости.

Каждый день повар берет там необходимое для приготовления каши количество муки. Не надо и говорить, что чужестранец, не знающий ни дорог, ни языка, не может в одиночку пускаться в эти нецивилизованные края; поэтому он должен иметь своего проводника, официального или добровольного, который заранее сообщает о нем в места, выбранные для остановок или привалов, и поскольку долг гостеприимства на Кавказе священен как для бедного, так и для богатого, на чьем бы пороге не появился путник, его ожидает сердечный прием.

Несмотря на такой прием, мне часто приходилось преодолевать мои предубеждения в вопросах чистоты и деликатного обхождения. Я сумела сдержаться и не отпрянуть в ужасе, когда перед едой ко мне приблизился босоногий абориген, одетый в отвратительные лохмотья, и протянул в качестве таза металлическую миску, заскоружную от грязи. Впрочем, ничто не заставляло меня дотрагиваться до этого невероятного сосуда, поданного столь странным лакеем. Когда следом за первым аборигеном появился второй, во всем на него похожий, и полил на руки каждому из присутствующих по несколько капель воды из почерневшего металлического кувшина, в то время как первый держал вышеупомянутую миску, ничто опять-таки не заставляло меня поступиться своей совестью и прикоснуться к коварно предложенному мне семейному полотенцу; это покрытое пятнами знамя я заменила своим собственным носовым платком, предметом, о назначении которого не подозревал ни один из присутствующих<sup>10</sup>.

<sup>10</sup> Носовые платки, конечно, не были в диковинку в ту пору на черноморском побережье Кавказа. Они составляли часть не только дамского, но и мужского туалета. Однако следует учитывать, что К. Серена посетила Абхазию в крайне неблагоприятное время и не могла застать настоящих абхазских аристократов, которым далеко не чуждо было щегольство. В этом легко убедиться, посмотрев кавказские рисунки Г. Гагарина середины XIX в.

Завершив эти приготовления, мы сели за длинный деревянный стол, на котором были расставлены порции кукурузной каши с порциями мяса, огромные куски которого свидетельствовали как о щедрости нашего гостеприимного хозяина, так и о солидном аппети-



Карта Абхазии и Мингрелии (фрагмент)

те сотрапезников. Кроме этого основного блюда, было подано рагу из барашка или цыпленка и в довершение этого неизменного местного меню – пирог из кукурузной муки с сыром из молока буйволиц (хачапури) и кислое молоко того же происхождения, называемое марцвени<sup>11</sup>. Пальцы – это единственный инструмент для подхватывания пищи. С помощью ножа с острым лезвием, являющегося составной частью арсенала, носимого при себе каждым аборигеном, едоки так ловко обрабатывают любую покрытую мясом кость, что от нее остается лишь голый скелет. Одна чаша слу-

жит для всех присутствующих, она беспрестанно наполняется вином черпием и пускается по кругу. Сколько бы вина не было выпито, оно вызывает лишь оживление за столом, но не опьянение. Трапеза завершается, как и открывалась, появлением все тех же сосудов для омовения, само собой разумеется еще немного более грязных, чем прежде.

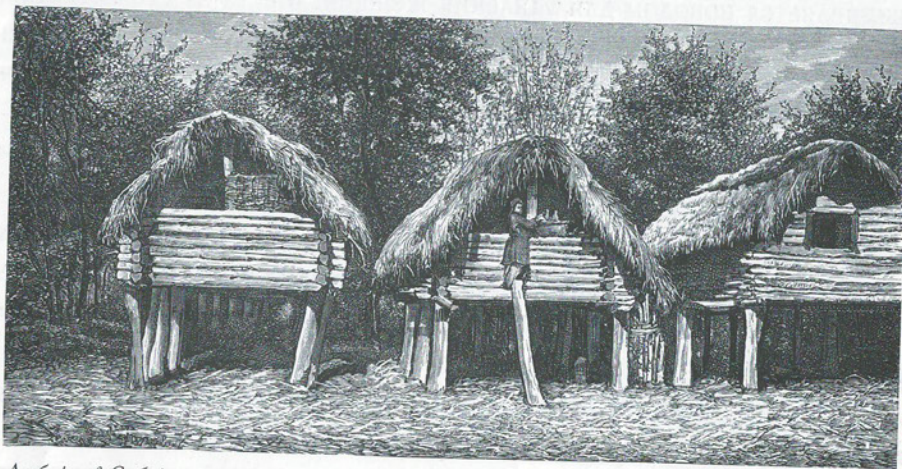
Присутствие иностранных гостей, даже если среди них есть дамы, является поводом для удаления женщин. Места за столом занимают одни мужчины. Этикет также запрещает женщинам сидеть при гостях или гостях. Что касается хозяина, то все время, пока длится трапеза, он, стоя, обслуживает своих гостей.

Как и все представители восточных народов, кавказцы рассыпаются в любезностях перед иностранцами. Когда те покидают гостеприимный дом, глава семьи в напыщенных выражениях благодарит их за то, что они соблаговолили остановиться под его крышей. Можно подумать, что благодарным чувствует себя тот, кто оказал услугу.

За селом Саберия пейзаж снова меняется: на смену равнинам приходят лесистые холмы, вид которых местами напоминает виды живописной и дикой Штирии (Австрия), граничащей со знаменитым местом паломничества Марицеллем. В густых лесах растут высокие раскидистые деревья. Дубы, липы, платаны и орех образуют прекрасный зеленый свод, своего рода концертный зал, откликающийся бесконечным эхом, в котором чаще всего звучат мелодичные трели соловья и славки. И пернатые певцы могут неустанно распевать свой радостный гимн природе, не боясь, что придет человек и нарушит эту гармонию громом смертоносного оружия. В этих краях не охотятся на пернатых, и я уже говорила, что никто, кроме милиционеров, не имеет права ходить с ружьем. Старинная соколиная охота к великой радости мелких птиц приходит в упадок. Однако крылатых хищников продолжают дрессировать, особенно в горских племенах. В итоге, хотя окрестные леса и реки полны любой дичи, местное население не рвется за нею – кукуруза удовлетворяет все их потребности в пище.

<sup>11</sup>Приводятся мингрельские термины. Хачапури (груз.) – пирог с сыром, но не из кукурузной, а из пшеничной муки. Пирог с сыром из кукурузной муки, характерный для абхазской кухни, называется амгял.

В этих местах, пересеченных бурными и глубокими реками, для путешественника важно быть опытным и умелым пловцом. Одна деталь скажет все: например, реку Эрти-Цкали, берущую начало на горе Гралая, возле Саберии, и впадающую в Черное море неподалеку от села Гудава, нужно семь раз переходить вброд на отрезке в 15 верст от села Саберия до селения Чири, где кончается эта территория. Мостов просто не существует.



Амбары в Саберии.

Когда вода прибывает, людям и животным зачастую приходится бороться с течением, и насчитывается немало жертв, чья смерть иногда долго остается никому не известной. Сколько раз мне не хватало храбрости при переправе на лошади через эти большие реки!

Самурзаканские села не являют собой тесных групп. Дома разбросаны далеко друг от друга, как в Мингрелии, Имеретии, Гурии, и окружены полями кукурузы. Только эти жилища сделаны не из дерева, как большинство домов в вышеназванных провинциях, а из переплетенных прутьев, и напоминают изделия наших корзинщиков. Раньше тут все дома были такими, и только последний местный правитель, желая ввести какие-нибудь новшества цивилизации, велел выстроить деревню, где дома были

бы деревянные. Деревню назвали Акваска, впоследствии так стали называться все дома такого типа<sup>12</sup>. Плетеные дома представляют собой четыре стены, образующие квадрат, под покатой крышей из высушенных на солнце стеблей и листьев; никаких окон, свет в жилище попадает через низкий вход; отверстие в крыше дает доступ свежему воздуху и служит дымоходом; очагом является камень, над которым на железном крюке подвешивается котелок для варки кукурузы — единственная кухонная утварь, грубые деревянные скамьи, на которых на ночь расстилаются сделанные женщинами примитивные матрасы, служат ложем для всей семьи. Иногда навес крыши, поддерживаемый деревянными столбами, образует веранду, составляющую как бы дополнительное помещение.

В Чири мало жилищ такого типа. Зато буйная природа гармонично сочетается с примитивным образом жизни здешнего населения. Идет постоянный процесс прорастания. Едва падает срубленное дерево, как его ствол скрывается за свежей листвой молодой поросли. Река Окум является границей принадлежащих селу территорий. Его русло, полное огромных камней, принесенных течением с гор, напоминает то улицу, то какие-то архитектурные фантазии из причудливо нагроможденных валунов.

Эта река — приток Эрти-Цкали, в которую она впадает метров за триста до Черного моря; ее устье находится возле села Гудава. На самурзаканском берегу Окума расположено селение с тем же названием — административный центр уезда. Оно раскинулось там, где река образует живописную излучину. Из Саберии нас провожал сын хозяина до самых границ его владений, где меня уже ждал старши-

<sup>12</sup> Действительно в конце 50-х — начале 60-х годов XIX столетия владетельный князь Абхазии Михаил Георгиевич стал обустраиваться в Очамчире, где построил трехэтажный дворец. На пути к горному селу Ткварчал, где он обустроил серо-водородный источник и принимал лечебные ванны, он отстроил себе резиденцию, которая служила ему и перевалочным пунктом во время поездок в Ткварчал и местом охоты. Дощатый особняк владетеля (по абхазски — акваска) дал название образовавшемуся здесь селению, состоявшему из управляющего с его семьей и большого числа разнообразной прислуги. Возможно, и другие постройки подворья, а также дома управляющих и егерей были аквасками — характерными дощатыми абхазскими домами на сваях и с верандой.

на<sup>13</sup> соседнего селения Чири, до которого я и добралась с наступлением ночи. На пороге своей хижины меня ожидал важный господин, отвоевавший честь предложить мне гостеприимство. Я отличала его от остальных по огромному эполету, который украшал его лохмотья. Я узнала, что он заслужил его во время последнего восстания в Абхазии, командуя отрядом милиции. Этот сельский дворянин меня очень позабавил. «Я юнкер Лакербей, — сказал он мне на плохом русском языке, — в моем лице вы приветствуете местного князя»<sup>14</sup>. На следующий день я видела его за чистой початков кукурузы, на нем был все тот же эполет. Он был очень польщен, когда я попросила его попозировать мне со своим эполетом, но в ответственный момент он шевельнулся, и этот знак отличия не попал на портрет.

Многие обычаи этого района Кавказа напоминают итальянские; можно предположить, что их появление датируется приходом генуэзцев в эти края. То же самое касается и некоторых суеверий, которые так же встречаются в Италии, особенно в южных провинциях. Такова, например, вера в *jettatore* — духа, наделенного «дурным глазом», которого в Самурзакане и Абхазии называют *рапапи*<sup>15</sup>. Главная идея состоит в том, что этот *рапапи*, живущий в тайном месте *Табашона*, имеет на земле своих приверженцев и помощников, называемых *мазакали*<sup>16</sup>.

Каждый год, 14 августа армия нечистых духов собирается на всеобщий сход к своему предводителю. Накануне вечером духи при бьются к его пещере по воздуху, кто верхом на волке, кто на дикой кошке, кто в железной ступе или большом котле, — беспорядочная, зловещая процессия, производящая на лету ужа-

<sup>13</sup>Представитель русской администрации на селе, избранный из числа местных свободных крестьян. Обеспечивал исполнение распоряжений вышестоящих инстанций, общественный порядок, улаживал внутриобщинные конфликты, имел при себе писаря и скреплял официальной печатью различные исходящие документы. Среди сельских старшин Абхазии было много незаурядных личностей, о которых бытует немало интересных, чаще поучительного характера, рассказов.

<sup>14</sup>Лакербай (Лакрба, Айлакрба) — дворянский род, поместья которого имелись во всех областях княжеской Абхазии. В данном случае, возможно, речь идет об одном из обедневших представителей знатного рода.

<sup>15</sup>по-абхазски правильной — арупап.

<sup>16</sup>Слово мингрельское. Правильней — мазакваль. По-абхазски — авистаа.



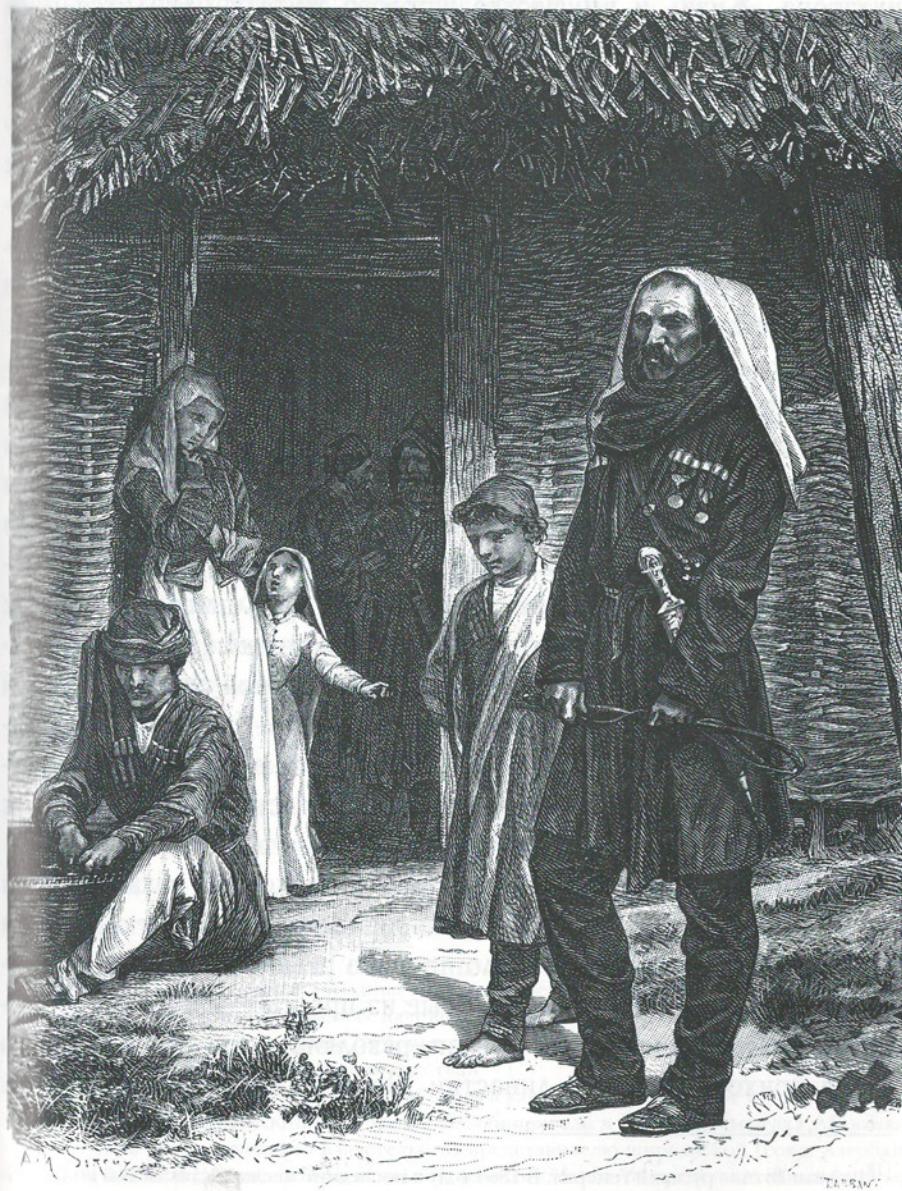
Самурзаканское жилище

сающий шум. И в каждый визит банда приносит рапапи человеческое сердце — это и есть цель сего торжественного собрания. Целый год мазакали рыщут по земле в поисках желанной добычи. По поверью эти существа могут вырвать сердце у спящего человека и заменить его каким-нибудь лоскутком или куском бурки (по-абхазски опа)<sup>17</sup>. Наделенный необыкновенной силой, рапапи мог бы уничтожить все человечество, если бы Бог, дабы помешать ему использовать эту вредную силу, не держал его прикованным к железному колу, вкопанному в землю. На мазакали, который приходит на сборище в Табашоне с пустыми руками, рапапи набрасывается с тяжелым молотом; но в этот момент маленькая длиннохвостая птичка сенитика садится на кол. Желая ее достать, рапапи обрушивает на нее удар своего молота, но вместо птички попадает в кол, забивая его с каждым разом все глубже в землю.

Сенитика почитается верующими как божественное существо. Вечером того дня, когда мазакали несутся по воздуху к пещере своего хозяина, суеверный народ собирает кукурузные стебли и разжигает большие костры. Каждый должен трижды перепрыгнуть через пламя, назначение которого — обжечь крылья пролетающим злым демонам и не дать им добраться до Табашоны. Всю ночь с 13 на 14 августа все население бодрствует, распевая и танцуя. Все бдительно следят за тем, чтобы никто не заснул, пока не рассеется тьма, боясь, что мазакали воспользуются этим, чтобы похитить сердце неосторожного человека, застигнутого в момент, когда он совсем беззащитен. Кроме этого, каждый глава семьи стреляет в воздух, приговаривая: «Пусть эта пуля попадет в злого духа, чтобы он не смог навредить мне!» Перед каждым домом установлены деревянные кресты — символы, которых особо не любят рапапи и его приспешники.

Сохранение военного режима в Абхазии не способствует материальному и моральному прогрессу. Единый командующий, наделенный всей полнотой власти, правит, как ему заблагорассудит-

<sup>17</sup>Правильней — ауапа.



В доме юнкера Лакербея

ся, и все обязаны подчиниться малейшему мановению руки этого диктатора. Жизнь и имущество каждого жителя находится буквально в руках этого человека, который не всегда бывает справедливым и честным, и против творимых им беззаконий никому нет защиты; малейшее высказанное против него недовольство расценивается как мятеж, и достаточно одного его слова, чтобы смельчак оказался в Сибири. Обычно он старается заглушить или перехватить все жалобы, пока они не достигли ушей того, кто мог бы быть в этом заинтересован, и, узнав о них, несомненно восстановил бы справедливость.

Грустно думать о том, что абхазская земля, так щедро наделенная природой, отдана на милость деспота, который выжимает из нее все соки и вместе со своими ставленниками обладает лучшими поместьями. В краю совершенно нет дорог, но легко находятся средства, чтобы проложить их к владениям этого правителя. Один из предшествующих губернаторов, генерал Гиман<sup>18</sup>, человек честный и уважаемый, собрал сумму денег для прокладки подъездных дорог к каменоломням. Что сделал его преемник? Просто-напросто употребил все средства на постройку мощеной дороги к своей собственной резиденции в окрестностях Сухум-Кале. Короче, Абхазия для него — это недвижимое имущество, которое он использует в целях личного обогащения, не заботясь об общественных интересах, блюсти которые ему и доверено\*.

Несмотря на все вышесказанное, перед этим благодатным краем, веками остававшимся нецивилизованным, приоткрывается новое будущее. В 1876 году было принято решение произвести раздел земли между жителями, которые из простых землепашцев станут землевладельцами. Это целая революция для края, где со времен прихода к власти династии Шервашидзе ни один простой

<sup>18</sup>Гейман В. А. — русский генерал. В 1864 году в последние месяцы Кавказской войны отличился жестокими действиями против убыхов и сочи-адлерских абхазов по их изгнанию в Турцию. В 1866 сменил убитого полковника Коньяра на посту начальника Сухумского отдела.

\* Генерал Кравченко, не сумевший защитить Сухум-Кале, захваченный турками в последней войне, и принесший много вреда Абхазии.

человек не владел ни пядью земли, ибо только князья имели исключительное право ею распоряжаться<sup>19</sup>.

Род Шервашидзе происходит из Персии. Первый его представитель появился в Абхазии в качестве правителя, когда царь Александр I разделил Грузию между своими тремя сыновьями (1440—1442). Абхазы наделили его званием ах, что на их языке значит глава. Что касается этимологии фамилии Шервашидзе, она идет от названия Ширван. Поскольку этот первый правитель был родом из персидской провинции Ширван, в то время подчинявшейся Грузии, достаточно было добавить к ней суффикс шидзе, означавший сын, потомок, чтобы получилось слово Шерва-шидзе<sup>20</sup>.

Но вернемся к земельному вопросу. Деспотически управляемые и живущие при феодальном строе абхазцы, я повторяю это, не имели никакого права собственности на землю. В любой день по приказу князя их могли согнать с поля, в которое они вложили свой труд и пот. При присоединении к России, возделанные земли остались в руках эксплуататоров, которые ими владели и раньше, а необработанные были временно конфискованы с тем, чтобы позже разделить их между жителями края; вот этот-то раздел сейчас и осуществляется. Прежде всего эта мера приведет к прекращению постоянных споров между абхазцами из-за любого клочка земли, не имеющего законного хозяина; кроме того, она обогатит край введением в хозяйственный оборот многочисленных плодородных земель, до этого остававшихся непродуктивными. Конечно, аграрная комиссия<sup>21</sup>, ко-

<sup>19</sup>Неверное утверждение. Свободные абхазские крестьяне (анхаю) не только владели землей, но порой даже продавали ее излишки. Причем покупателями нередко бывали аристократы. Кроме того свыше 70% всего сословия ахашал (рабов) находилось в распоряжении свободных абхазских крестьян.

<sup>20</sup>Первый Шервашидзе «появился в Абхазии в качестве правителя» не в сер. XV, а в нач. XII в. Абхазо-грузинский царь Давид Возобновитель в 1124 году передал Абхазии в качестве наследственного владения представителю ширванской (совр. Азербайджан) ветви абхазской великокняжеской фамилии Чачба. За представителями этой ветви Чачба, предки которых были наместниками в ширванской провинции, закрепилось прозвище Ширваншис-дзе (т. е. Ширванские), впоследствии ставшее их фамилией в виде Шарвашидзе или Шервашидзе (мингр. вариант — Шарашия).

<sup>21</sup>Речь идет о Сухумской сословно-поземельной комиссии, учрежденной в 1867 году под председательством полковника Краевича.

торой поручено заниматься разделом, не сможет быть абсолютно безупречной; не имея безошибочного критерия, она будет действовать по своему усмотрению, содействуя одному в ущерб другому; в результате, однако, свершится тот важный факт, что отныне каждый в той или иной мере станет землевладельцем. Дворяне получают долю, пропорциональную их званиям и наградам, а также числу крепостных, приписанных к каждому поместью. За потомками бывшего



Школа в Окуме

удельного князя будет признано безоговорочное право владеть теми землями, которые они сами определяют. Затем будут окончательно установлены границы каждой земельной общины, а местные князья и дворяне вольются в ряды аристократии остальной империи.

При феодальном строе население Абхазии делилось на многочисленные категории. Прежде всего несколько разных подгрупп существовало среди знати: в первую входили правящий князь, его жена, сыновья и дочери; во вторую — лица приближенные к семье аха, который имел право распоряжаться их жизнью и смертью; в третью входили остальные княжеские семьи, а в четвертую — простые

дворяне. Между аристократией и народом существовал промежуточный класс шинакма, своего рода милиция, обязанность которой всегда быть наготове и при оружии<sup>22</sup>. Наконец, простонародье тоже делилось на категории; сначала шли анхаю или земледельцы, вольные располагать своим временем, кроме периодов сева и сбора урожая, и имеющие право менять господина; ступенью ниже стояли ахою — женатые рабы (крепостные), которые из шести рабочих дней недели три должны были отработать на господина; это они давили виноград, который доставляли земледельцы; наконец, в самом низу были ахашалы — настоящие рабы, ценимые меньше, чем скот. Зачастую это были пленники, захваченные во время военных действий. Это название, ахашалы, купленные рабы носили до достижения пятнадцати лет. Вступив в брак (долгом хозяина было купить им, соответственно полу, мужа или жену) они поднимались на одну ступеньку, становились ахою и только тогда получали право владеть собственностью\*.

С 1871 года освобожденные от крепостной зависимости крестьяне стали равны между собой; однако не видно, чтобы они как-то осознавали произошедшие в их судьбе изменения; они остались робкими и покорными, как во времена рабства. Раздел земли между ними, как и между дворянами, должен осуществляться согласно их званию. В то время как каждая княжеская семья получит от ста до двухсот пятидесяти десятин земли (эта мера площади чуть больше одного гектара), а каждая дворянская — от двадцати пяти до ста пятидесяти, семье анхаю будет выделено от десяти до двенадцати десятин, а каждому ахашалу индивидуально от трех до пяти десятин. Причина, по которой эти последние наделяются щедрее, чем земледельцы, в том, что те, кто обрабатывал землю, могли извлекать выгоду из своего труда, в то время как рабы не имели права ни на что и не могли сделать никаких накоплений.

После последней войны имел место новый передел земель в результате того, что многие абхазцы покинули край, оставив свои

<sup>22</sup>Своего рода мушкетеры, личные гвардейцы владетельного князя и удельных владельцев. Клас ашинакма формировался из привилегированных, состоятельных крестьян, а главное — выказавших верноподданничество.

\* Абхазские слова записаны здесь по звучанию, т. к. язык не имеет своей письменности.

наделы. Нищета, царящая здесь в настоящее время, вызвана тем, что эти брошенные земли пока еще ничего не приносят.

Заметим, что из всех закавказских районов Абхазия позже всех ощутит благотворные плоды освобождения личности. Это вызвано тем, что последний ах, приняв российское владычество, получил разрешение продолжать править краем; естественно, им не было внесено никаких изменений в существующий на протяжении четырех столетий уклад. Отсюда невероятная дикость, в которой до сих пор пребывает этот край. Абхазы, как я уже говорила, не имеют своей письменности; их язык, непонятный ближайшим соседям (в Самурзакане говорят по-мингрельски), представляет собой набор гортанных и свистящих звуков, это — наречие, в котором очень мало слов, что связано с чрезвычайной бедностью понятий и потребностей этого пребывающего в полупервобытном состоянии народа\*. Ему не хватает выражений для обозначения самых простых вещей. Абхазы не знают ни единиц времени, ни времен года; день для них начинается с восходом солнца и кончается с его закатом. Они отличают зиму от лета, но не весну от осени. Короче, местное дворянство, которое Абхазия обещает влить в ряды российской аристократии, не сможет отличаться особой изысканностью в этой элите российского общества. Абхазский дворянин — это совершенно особая личность, которую трудно себе представить, даже если ты знаком с обстановкой бесхозяйственности, невежества и бескультурия, в которой живет этот феноменальный индивидуум<sup>23</sup>. Отметим, что эта местная привилегированная каста не имеет ни удостоверений, ни

\* Тщетными остались попытки передать буквами эти свистящие звуки.

<sup>23</sup> Самурзакань в то время по большей части еще говорила на абхазском языке, о чем свидетельствуют и приведенные К. Сереной термины из быта этой провинции. Относительно выразительных возможностей абхазского языка есть высказывания ее современников, причем языковедов, совершенно противоположного свойства. Дипломатическое и судопроизводительное араторство абхазов говорило о высокой степени разработанности лексики, весьма богатой для ведения публичной общественной деятельности. Абхазы прекрасно знали и знают единицы времени и времена года. Причем названий времен года имеется множество вариаций. Одни из них построены на церковном календаре и содержат названия главных православных праздников, другие из сельскохозяйственного разряда и отражают смену полевых работ, третьи связаны с метеороизменениями, четвертые — с изменениями в растительной природе и т. д.

дипломов; все титулы записаны просто в местной устной традиции; так что не раз во время работы вышеупомянутой комиссии этим князьям в рубище и дворянам в лохмотьях приходилось для подтверждения своих прав обращаться к живому реестру, каковым является народная память: *Vox populi, vox Dei!*\*

Если сравнить три соседние области: Мингрелию, Самурзакан и Абхазию, то можно сказать, что уровень их культурного развития соотносится между собой, как уровень сельскохозяйственного освоения окружающих их горных склонов. Мингрелия, идущая впереди по социальному развитию, имеет возделанные, обработанные склоны; более отсталый Самурзакан представляет собой полудикий рельеф; наконец, Абхазия, пребывающая в почти первобытном состоянии, есть ни что иное, как лабиринт необработанных склонов, которых почти не касалась рука человека<sup>24</sup>.

Хотя и более грубые по типу и характеру, чем мингрелы, которые, проживая в более доступных местах, могут общаться с людьми из соседних районов, самурзаканские горцы тем не менее ближе к жителям древней Колхиды, чем абхазы. Я уже говорила, что их языком является мингрельский, — наречие, производное от грузинского языка и пользующееся тем же алфавитом. К тому же тот и другой народ — православные христиане, тогда как религия абхазов представляет собой смешение двух вер, по очереди господствовавших в этом краю — магометанской и христианской.

Нерелигиозный по натуре и не разбирающийся в службе самурзаканец редко бывает в церкви. Радующее взор селение Окум на одноименной реке является административным центром края. В мае 1876 г. оно насчитывало около трех тысяч душ населения, состоявшего большей частью из князей и дворян, владевших чудными землями, но, к несчастью, не умеющих их эксплуатировать. Кукуруза, ме-

\* Глас народа — глас Божий! (лат.)

<sup>24</sup> Три переселенческие волны в течение 60-летнего покорения Кавказа и русско-турецких войн сильно опустошили страну. Некогда густо населенная и возделанная Абхазия предстала перед К. Сереной в том виде, в котором она ее нам описывает. В лучшие же времена Абхазия в большом количестве экспортировала фрукты, мед, воск, свинину, шкуры, дрессированных соколов, самшит, вино.

стами немного пшеницы — вот, повторяю, единственный продукт этой превосходно орошаемой земли, которая при должном уходе могла бы давать неисчислимые богатства. Достоинством местных крестьян является скот; глядя на их пасущиеся стада, вспоминаешь библейских пастухов, от которых они, кстати, почти ничем не отличаются. Козы и овцы являются объектом постоянного и пристального присмотра, тогда как лошади, коровы и буйволы бродят свободно, — отсюда частые и легкие кражи, вызывающие ответные кражи, о чем я уже имела случай рассказывать.

Чрезвычайно суеверные и постоянно боящиеся «сглаза» пастухи выполняют всякого рода обряды, которые считаются у них наиболее эффективными. Например, когда они пригоняют скот к морю лизать соль, они сначала сами выпивают глоток соленой морской воды. Продавая животное, они вырывают у него клочок шерсти — талисман, который должен уберечь остальное стадо от всякого зла. Деньги у них не в ходу; они пользуются натуральным обменом, меняя некоторое количество кислого молока на курицу, столько-то поросят на одежду, ткань для которой спряли и соткали женщины.

Подобно двум своим соседям: мингрелам и абхазам, любящие безделье и празднотание самурзаканцы являются знаменитыми конокрадами: эта страсть — бич и позор всего края. Чтобы покончить с этим злом, правительство придумало назначить кару, которая была бы ужасна для этих горцев, а именно высылку в Россию. При одной мысли о жизни вдали от семьи, в какой-нибудь внутренней губернии, под надзором полиции, среди внушающих страх русских, горец чувствует, как душа уходит у него в пятки. Подобные пенитенциарные колонии населены в основном князьями и дворянами, поскольку именно этот слой общества дает больше всего правонарушителей, пойманных на упомянутых кражах. Если ссыльный располагает средствами, он живет за свой счет, в противном случае его кормит государство, не принуждая, впрочем, ни к какой работе.

Для многих высланных самурзаканцев вынужденное пребывание в России служит к их некоторому «обтесыванию»; это как бы



Знатный самурзаканец-конокрад

первое приобщение к начальным понятиям цивилизации. Некоторые из них, но не многие, так хорошо приспособляются к ссылке, что, едва вернувшись в родные горы, спешат повторить свой проступок с единственной целью снова быть сосланными в тот отдаленный уезд, которого, до знакомства с ним, боялись почти так же, как Сибири.

При населении почти в 24 тысячи человек в Самурзакане в 1876 году было шесть школ для мальчиков и столько же домов при них, где проживали дети из дальних селений. Школ для девочек не было вовсе ни в Самурзакане, ни в Абхазии, кроме Сухум-Кале. Окумскую школу посещало тогда 76 учеников; прилегающий пансион, построенный на средства окрестных жителей, рассчитан на сорок человек. Этот кров, необходимый в краю, где плохое состояние дорог и паводки часто препятствуют посещению школы, предназначен для самых бедных детей и содержится на добровольные взносы, так что на каждого приходится своя доля. Все это доказательство того, что ценность образования и его положительные свойства живо ощущаются местными жителями.

В окумской школе, построенной тридцать лет назад и прекрасно управляемой, программа была настолько полная, насколько это возможно в столь отдаленном от больших центров селении; чтение, письмо, арифметика, начала геометрии, рисование, география, священная история, диктанты, сочинения на библейские темы – вот различные предметы, которые преподавали по-русски два учителя. Один из них – самурзаканец, получивший образование в Тифлисе и в России. Грузинский священник дает религиозное воспитание и объясняет закон Божий по-грузински. Кроме того проводятся занятия по пению и гимнастическим упражнениям. Каждое утро, после молитвы делается переключка учеников. Родители, дети которых прогуливают без уважительной причины, наказываются штрафом в десять копеек, вносимым в школьную кассу. Во время моего первого посещения учеников заставили петь оду Пушкина, посвященную императору, а также несколько мингрельских и грузинских песен;

должна сказать, в хоре напрочь отсутствовала гармония, похоже, этот народ не наделен музыкальностью<sup>25</sup>.

Из окумской школы, где образование бесплатное, ученики обычно переходят в сухумскую, а оттуда в ставропольскую школу, если только не заканчивают свое образование в какой-нибудь российской гимназии.

В Окуме также есть красивая церковь, которую обслуживают два священника: русский и грузин; этот последний является главой всех самурзаканских церквей, основанных, как и школы, обществом, находящимся в Тифлисе. В селении есть также базар, где большинство торговцев – мингрелы. Самурзаканцы не занимаются никакими ремеслами: местные пекарь и слесарь – греки. Турок здесь нет, но они встречаются в Абхазии, в Сухуме, Очамчире, Гудауте и в районе



Суд в Окуме

<sup>25</sup> Музыкальное творчество абхазов, в том числе и самурзаканцев, представляет собой богатое наследие. Струнные, щипковые, ударные инструменты широко использовались талантливыми исполнителями различных времен. Шедевры абхазской хоровой полифонии – «Песня Скале», «Песня Ранения» и другие покоряли взыскательные европейские аудитории.



Окумский базар

Пицунды. Каждая самурзаканская семья, сколько бы в ней не было членов, платит два рубля в год правительственных налогов. Воинская повинность еще не установлена, но в случае войны каждый становится воином. Местная милиция известна своей отвагой: она доказывала ее в различных обстоятельствах, и особенно во время восстания в Дале (1840), соседней с Черкессией области приблизительно в шестидесяти верстах от Сухум-Кале<sup>26</sup>. По этому случаю она даже была награждена императором знаменем из красного шелка с изображением святого Георгия, поражающего дракона, и двойной надписью, по-русски и по-грузински, повествующей о происхождении подарка. Рассматривается вопрос о создании в Самурзакане отряда регулярной милиции, подобного тем, что существуют в Кутаиси и Дагестане.

<sup>26</sup> Карательной экспедицией, в которой участвовал и владетель Абхазии со своим отрядом, командовал Н. Н. Муравьев. Впервые эту горную область, конкретно Цебельду, русские усмиряли в 1835 году, затем – в 1837.

Окум – это создание России. Местные князья из рода Шервашидзе селились в Набакеви на берегу Ингура, между Оцарце и устьем реки. Селение расположено в живописном месте: с одной стороны почти на 25 верст до самого Черного моря расстилается равнина; с трех других сторон поднимаются горы, покрытые густым лесом; на одной из них в изобилии произрастает разновидность злака<sup>27</sup>, который используется для покрытия крыш домов, и за ним приходят люди отовсюду. Недалеко от этой самой горы находятся развалины крепости Реч.

Со времени последней войны в Окуме произошли печальные изменения. Население поредело, поля пришли в разорение, базар опустел, кругом царит нищета. В школе нет больше своих преподавателей, остался один учитель, проживающий в Бедиа, сын знаменитого конокрада, у которого я останавливалась в 1876 году. Ответшавший дом при школе во время войны служил лазаретом.

Если я встречала сердечный прием у местных князей, то не менее радушно принимали меня русские начальники различных округов, которые я пересекала. И каким приятным сюрпризом для меня, после долгой поездки, во время которой под крышей дворянина, как и под крышей крестьянина, я не встречала другого меню, кроме вечной кукурузной каши и некоего загадочного рагу, в которое макали толстые куски лепешки вместе с пальцами, была возможность сесть за стол в условиях, где на сцену возвращалась цивилизация. Первый раз это случилось в Окуме, в доме окружного начальника, у которого был повар-казак по имени Адам, чьи кулинарные таланты составили бы славу любому мастеру кастрюли. И наконец у меня снова была настоящая еда и настоящая кровать, а не деревянные скамьи, чистые простыни, наволочка, не оскверненная ничьим грязным прикосновением, и незапятнанное полотенце! И в довершение всего со мной теперь была жена окружного начальника, которая говорила по-французски, по-мингрельски, по-русски и служила моим чичероне. Она же ввела меня

<sup>27</sup> На самом деле это разновидность кавказской осоки. Крыша из этого тростника служит долго и не протекает. А прокопченная и сцементированная очажным дымом такая кровля не пробивается даже пулей. Эта осока по-абхазски называется айсыр. Места, на которых она произрастает в большом количестве, получают обычно название Айсырра. Гора с таким названием, к примеру, возвышается над современным городом Ткварчал.

в курс нескольких местных тяжб, которые судил этот важный чиновник. С этой целью несколько раз в месяц имеющие какое-то судебное дело окрестные жители собирались на лугу перед канцелярией, слушавшей также судом, чтобы выслушать из уст переводчика приговор русского начальника, который обычно не знал их языка.

В этих местах, где иностранцы встречаются не часто, мой приезд стал сенсацией: все теснились на моем пути со сдержанным любопытством. Должна сказать, что вежливые и уважительные манеры, сдержанные и почтительный вид доказывают, что у этого народа, едва вышедшего из младенчества, есть как бы интуитивное чувство приличия и врожденное достоинство.

Самурзаканец представляет собой прекрасный тип, часто напоминающий англо-саксонский. Несмотря на плохое питание, мужчины в основном крепкие, белокожие и как правило голубоглазые. Как и мингрелы, они носят черкесскую чоку и башлык (капюшон). У женщин нет своего национального костюма, они одеваются по-европейски, но жалким образом. Они заплетают волосы в свободновисающие косы и покрывают голову цветным платком или, в торжественных случаях, белой вуалью. Естественное кокетство, присущее их полу, подсказало им коварный способ делать себе красивее — они чрезмерно злоупотребляют румянами. Их «белила» сделаны на основе бараньего жира с добавлением оловянной пудры и чуточки серебра. Эта мазь приводит к пожелтению кожи и появлению морщин, так что, когда их лица не накрашены, они обычно выглядят желтыми, как айва. Для подкрашивания бровей они используют отвар плодов кипариса. И, наконец, «помадой» им служит сок ягоды, которая имеет местное название алашиспери. Все эти ингредиенты заботливо заворачиваются в грязное тряпье и прячутся в ту часть одежды, которую англичане называют «невыразимой». Зеркалом нашим красавицам служит соседний ручей, и нередко случается, что идя сюда, чтобы тайком «припомадиться», они неожиданно сталкиваются на берегу прозрачного потока. Добавим, что женщины не занимаются здесь никакой грубой работой, что не мешает им быть очень деятельными и работать больше, чем мужчины. Надо надеяться, что скоро блага образования распространятся и на них.

## II.

Села Эшкети и Бедиа. — Группы и жанровые сцены. — У местного князя. — Танцы и развлечения. — Бывший Бедийский монастырь. — Антон Шервашидзе. — Горами и ущельями. — Серные ванны Ткварчели. — Абхазская свадьба.

Вот дороги в Самурзакане редкость, зато природа не скупится на великолепии, дабы соблазнить путника. Нет ничего богаче по разнообразию растительности, чем эти леса и рощи, увитые диким виноградом, образующие как бы бесконечную череду парков, через густую листву которых нелегко проложить себе дорогу. В довершение всего, при выходе из селения Окум нужно пересечь вброд одноименную реку, которая, беря начало в соседних горах, вскоре превращается в стремительный и бурный поток, несущийся по ощетилившемуся огромными камнями руслу. Это еще одна возможность для путешественника, не являющегося опытным наездником, закалиться в борьбе с опасностью, так как, сидя на лошади посреди бурного течения, он не всегда чувствует себя уверенно. Так было и со мной, когда в прошлом ноябре мне пришлось переправляться через Окум ночью, чтобы к восходу солнца добраться к тому месту, где я хотела сделать несколько снимков. В связи с этим случаем я не могу нахвалиться сопровождавшим меня чапаром Бахуа Сургуладзе, который своей ловкостью спас мне жизнь. Вообще, если опустить трудности передвижения, то, как я уже говорила, эти места совершенно безопасны. Нечего бояться со стороны населения, по существу доброго и миролюбивого. Никаких бродяг на дорогах, ни тени разбойников на горизонте. Стычки случаются гораздо реже, чем в Европе, и хотя каждый абориген вооружен, среди них редки объяснения с помощью пистолета или кинжала.

Несмотря на недостаток цивилизации, этот край полностью обжит. Это всего лишь маленькие деревушки с деревянными домишками или плетеными лачугами, окруженные широкими полями, по большей части невозделанными. Эти земли переходили от отца к сыну, но новые поколения почти не вносили изменений.

На некотором расстоянии от Окума на равнине можно видеть кладбище Лакербеев, одного из главных местных родов. Многие роды, как и этот, имеют свои собственные места захоронения. Подобно жилищам они рассыпаны по всему краю. Настоящий глава



Село Эшкыт

рода Лакербеев показал мне могилу своего отца, которую он воздвиг рядом с могилой кормилицы покойного. Я уже говорила, с каким почитанием семьи относятся к женщинам, воспитавших их детей.

Неподалеку видна строящаяся церковь, которую возводит князь Эмухвари.

Эти места вечного успокоения совсем не наводят грусти. Ни мавзолеи, ни надгробные камни не скрывают землю. Заросшие буйными травами могилы окружены квадратными оградками из дерева или из веток, подобно стенкам домов. Иногда покойников погребают на фамильных участках неподалеку от жилья живых. Наверное, есть не-

кое меланхолическое очарование для тех, кто потерял любимого человека, сознавать, что он покоится совсем рядом.

Погода была теплая и прекрасная, я воспользовалась лунной ночью, чтобы добраться до Эшкети<sup>28</sup>, очаровательного селения. О моем прибытии было сообщено заранее, и в доме помощника старшины, куда я приехала очень поздно, все было подготовлено к моему приему. Никто еще не ложился. Посреди хижины был разведен яркий огонь. Шло приготовление позднего ужина, и вскоре мне подали превосходную жареную курицу, неизбежную кукурузную кашу и отличное вино. Хотя мой приезд вызвал много хлопот, все лица были приветливые и радушные.

Хозяйка отвела меня к месту ночлега — в почетную хижину, предназначенную для гостей. Люди из моего эскорта расположились снаружи на расставленных вокруг хижины скамьях. Я быстро заснула, убаюканная монотонным пением моих проводников.

На рассвете я воспользовалась живописной картиной, которую представляли собой женщины и дети, сидевшие у порога дома и занимавшиеся собранным с соседних полей хлопком. Мне довольно трудно было заставить их позировать для снимков. Их первым побуждением было убежать, так как мой аппарат внушал им страх.

В то утро я завтракала на соседней поляне, где летом проходит Томаша<sup>29</sup>. Сидя на травке под сенью роскошной виноградной лозы, с которой мои проводники срывали свежие ягоды с мелкими темно-фиолетовыми косточками, я чудесно позавтракала (15 ноября 1881 г.).

Старшина каждой общины обязан предоставлять лошадей и чапаров тем, кто путешествует под покровительством властей. Поэтому я везде находила верховую лошадь и проводников.

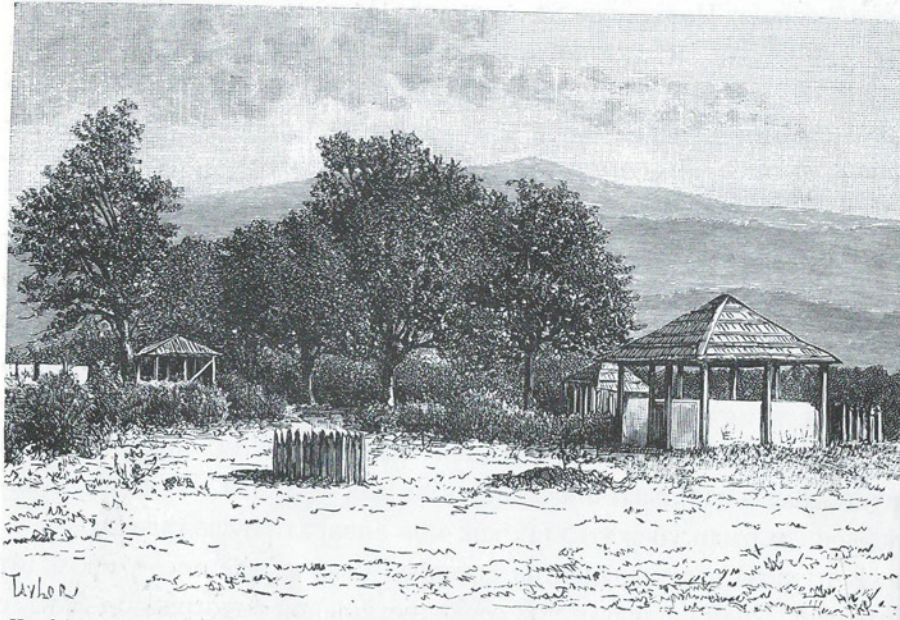
В утро моего отъезда из Эшкети старшина доверил меня bravому чапару, говорившему по-русски, с которым я могла беседовать.

От Эшкети дорога идет через очень пересеченную и живописную местность, меняющую свой характер при приближении к селу Бедиа,

<sup>28</sup>Правильно — Эшкыт, т. е. «Село Эшбовых» (абх.). Эшба — абхазский дворянский род.

<sup>29</sup>От индийского «тамаша» — игрище, ристалище, песенно-танцевальные представления периода маратхских войн (XVII в.).

расположенному в долине. Этот населенный пункт, имевший раньше своего епископа, который носил звание Беделиам, сначала назывался Эгри, по имени Эгроса, сына грузинского царя Таргамоса, бывшего его основателем; позднее другой местный владыка, царь Фарнаваз, очарованный красотой селения, устроил здесь свою рези-



Кладбище семьи Лакербей в окрестностях Окума

денцию и изменил первоначальное название на Бедиа, что значит «счастье». Прекрасный монастырь, развалины которого существуют и поныне, был построен Багратом V, четвертым царем Грузии, который здесь был и похоронен<sup>30</sup>.

Как повсюду в Самурзакане, сборным пунктом населения является группа строений, включающая в себя школу с прилегающим домом для учеников и канцелярию старшины. Подобно древним грекам и римлянам, жители собираются на поляне для обсуждения текущих

<sup>30</sup> Название Бедиа происходит от латинского слова *badia*, что означает монастырь, аббатство. Бедийский храм построен Багратом II, царем Абхазским, в конце X в.

дел и своих мелких личных интересов. И надо видеть, как их быстрые группы стягиваются вокруг старшины (мэра), который длинной бородой и почтенной головой в белом башлыке, спадающем причудливыми складками, в круглой меховой бурке (опа) на плечах, со сверкающим на поясе оружием, напоминает древнего вождя в окружении своего народа. Старик восседает у своих дверей на одной из деревянных скамей, находящихся на галерее, которая украшает фасад любого самурзаканского дома, а почтительная толпа стоит вокруг, обнажив головы.

Рядом в тени величественного орехового дерева предстает не менее живописная картина: группа отдыхающих всадников и их лошадей. Князья, дворяне, крестьяне — все тут, равные между собой, явившиеся из соседнего села зачастую с тем, чтобы обвинить друг друга, кого в конокрадстве, кого в похищении скота. Они встречаются, раскланиваются и в ожидании решения спорного вопроса продолжают дружеские взаимоотношения. Все эти люди — признанные мастера в искусстве управлять самыми норовистыми скакунами, и вид еще одной подъезжающей кавалькады этих несущихся во

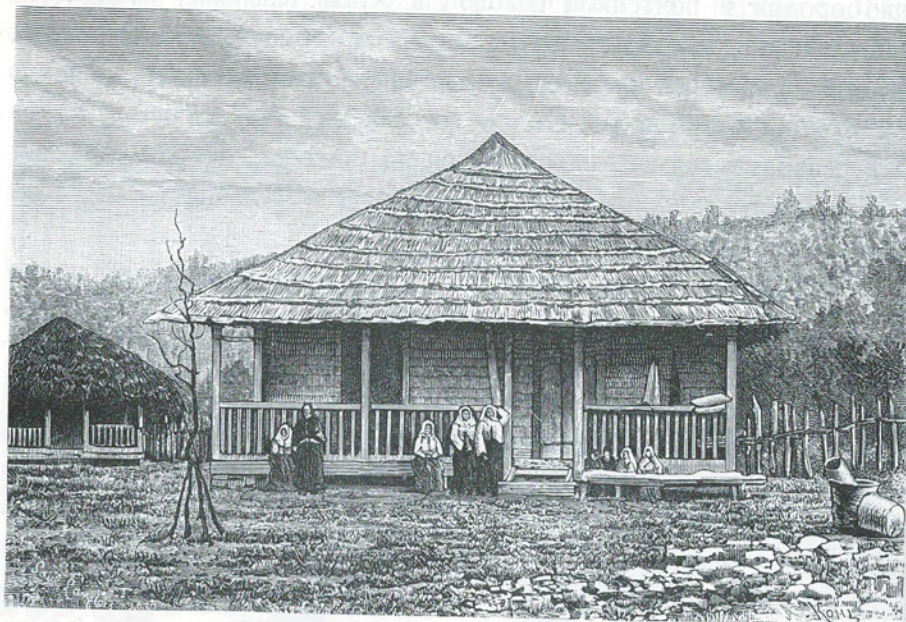
весь опор всадников представляет собой прекрасное зрелище. Человек, не имеющий коня, не пользуется здесь уважением, он считается самым бедным. Вот почему при первой же представившейся возможности он не преминет обжа-



Самурзаканские слуги

вестись скакуном за счет того, кто в этом отношении наделен щедрее. Селению Бедиа принадлежит честь обладать самым знаменитым конокрадом всего района. Похоже, что этот отпрыск бывшего царского рода нажил основное свое состояние торговлей уведенными им конями. За свои подвиги он получил четыре года ссылки в

Россию. Но этот урок его не исправил, и вернувшись домой, он с еще большим рвением взялся за свою прибыльную торговлю.



*Дом старшины в Эшкыте*

Именно под гостеприимным кровом этого знатного конокрада я останавливалась во время моего первого посещения Бедиа. В отсутствие семьи меня радушно принимал ее глава. Между усадьбами родовитых и простых жителей нет большой разницы. Это всегда группа небольших домиков и деревянных или решетчатых хибарок посреди огороженного участка, где вперемешку растут прекрасные фруктовые деревья. В одном домике живет семья, другой предназначен для гостей, остальные заняты многочисленной челядью. Кухня, вино, продукты имеют свои отдельные помещения, которые одновременно служат для сна разным домашним работникам. Если приезжает иностранец, его принимают в покоях хозяина дома, которые обычно состоят из двух комнат без окон, но зато с двумя дверями, одна против другой. Стол накрывается в главной комнате, и если гость особо важный, он пользуется исключительной честью

там же и ночевать. Менее важных иностранцев определяют на ночлег в другое место.

В этих княжеских жилищах вся обстановка состоит из грубосколоченных деревянных скамей, иногда покрытых старым выцветшим дырявым ковром. В высоких каминах, которые есть в каждой комнате, лежат кучи золы и всяческих обьедков, включая обглоданные кости; в них роются голодные собаки, которых всегда много в этих хижинах, потому что рядом днем и ночью бродят дикие звери. В часы трапез вносятся низкие столы с порциями кукурузы и кусками мяса; их ставят перед скамьями, на которых сидят сотрапезники. Вопреки правилам, которые требуют, чтобы во время еды хозяин дома, стоя, обслуживал своих гостей, наш амфитрион, стараясь показать, что за время пребывания в России его не обошли веяния «цивилизации», сел за стол вместе с нами. Я никогда не забуду молодого кавказца, выполнявшего при князе обязанности слуги, для которого «не существует великих людей». Этот лакей, подававший нам принадлежности для омовения, насчет которых я уже просветила читателя, представлял собой аномалию в своей расе. Возрастом около пятнадцати лет, худой, длинный, с большой бритой головой, невероятно грубыми руками, ногами, ртом и лицом, и в довершение всего с выражением выдающейся глупости, он являл собой законченный тип урода в краю, где уродство практически не знакомо. Костюм его тоже не красил. На нем был архалук — род жилета с рукавами из белой хлопчатобумажной ткани изначально в черную крапинку, но в результате долгой службы покрывшийся такими разводами и узорами, что под ними скрылся исходный фон. Обтрепанные понизу полотняные штаны, сквозь дыры которых нескромно проглядывало смуглое тело, полотняный мешок, накинутый на голову в качестве башлыка и выполнявший также роль полотенца, черная опа, завязанная у шеи красным кожаным ремешком и болтающаяся на плечах, дополняли нелепый наряд этого юного слуги, который был приближенным лицом князя и делил с виночерпием (по-мингрельски мерикипе), столь же грязным, но поразительно красивым юношей, честь находиться рядом с хозяином во время трапезы. Именно он

принес почетное блюдо (голову и внутренности барашка), куски которого хозяин предлагает гостям своими руками, что является верхом почтительного отношения.

Самый маленький самурзаканский князь имеет многочисленную свиту, и задаешься вопросом, каковы могут быть обязанности всех этих людей, окружающих гостя, стоит ему ступить на землю, и которые в своих грязных лохмотьях следуют по пятам за хозяином дома или часами безмолвно и неподвижно сидят, опершись о стену, возле камина или в дверном проеме, с кнутом в одной руке, другую положив на рукоятку кинжала, который каждый из них носит на поясе. При виде этих живых статуй можно подумать, что это бронзовые фигуры, которыми у нас украшают углы гостиных или уступы карнизов. В сущности, это изобилие «слуг» является пережитком феодального строя, еще вчера процветавшего в стране. Эти вооруженные люди напоминают класс шинакма, вечно бдящих охранников, о которых мы уже говорили. Это украшение и в некотором роде обязательный атрибут любого княжеского или дворянского дома, как в Самурзакане, так и в Абхазии. Многие из них ти-



Всадники, ожидающие решения их споров на поляне в Бедиа.

тулованы. По окончании трапезы главных гостей эти пансионеры обслуживаются за тем же столом согласно их рангу. Сначала дворяне, затем люди простого звания.

Затем юный слуга приготовил в почетной комнате предназначенную для меня постель, но после одного взгляда на простыню, усеянную красными пятнышками — следами пребывания здесь определенных насекомых, я предпочла не ложиться на нее. Завершение перехода стала бессонная ночь. Не для всех Бедиа оказалось «счастливым» местом.

В этом районе Самурзакана, до сих пор почти неисследованном, царит, я повторяю, такой дух гостеприимства, что любой путешественник может быть уверен, что по приезде его встретит старшина селения и предложит остановиться либо под своей собственной крышей, либо у другого жителя, если сочтет, что там гостю будет лучше. И любой застигнутый врасплох хозяин почтет себя польщенным выбором и разобьется в лепешку, чтобы достойно принять незнакомца, пожелавшего довериться его заботам.

В мае 1876 года в одно воскресенье на закате дня я застала всех местных жителей собравшихся на большой поляне, как в Мингрелии. Только в Самурзакане народ гораздо менее веселый, и развлечения менее шумные. Эти люди лишены присущего мингрельцам кокетства, проявляющегося в стремлении показать себя в выгодном свете и приодеться в свой самый новый и блестящий наряд. Нарядный самурзаканец почти не отличается от ненарядного; всегда одна и та же демонстрация грязных лохмотьев — можно подумать, что на этот счет между обоими полами заключено соглашение.

Популярный здесь танец — это абхазский танец. Он исполняется одним танцором или парой. Отрывистый, подпрыгивающий шаг (всегда с приземлением на кончики пальцев), под крики присутствующих. Этот вокальный оркестр смолкает, лишь когда сам танцор выбивается из сил. В сущности, это дикое верчение не лишено оригинальности. Сопровождающие его пронзительные выкрики напоминают свист ветра в лесу. Местные женщины, более сдержанные в манерах, чем их соседки мингрелки, лишь изредка предаются радо-

стям тамаша. Потребовалось мое присутствие в Бедиа, чтобы молодые девушки преодолели в тот день свойственную им робость.

Увеселение, данное в мою честь, носило особый характер. Танец открыл старшина, и, несмотря на свои семьдесят лет, долго соперничал с партнершей, невестой своего внука. Эта синеглазая блондинка с заплетенными в толстые косы волосами, падающими на плечи из-под завязанного под подбородком платка, представляла собой совершенный тип.



Фрески Бедийского собора

Гретхен, идеализированный образ немецкой поэзией. Только это была Гретхен в лохмотьях: сквозь дыры ветхого корсажа было видно, как бьется сердце девственницы.левой рукой она придерживала на талии приподнятую юбку, в правой держала платок, как бы скрывая за ним свое лицо, — обязательная поза абхазского танца.

Первую пару сменили другие, и праздник продолжался до самой ночи. Никогда еще бальная зала не освещалась так, как была освещена в этот вечер поляна в Бедиа лучами заходящего солнца. Воспроизвести волшебное сияние этих небес, посылающих разноцветные и беспрестанно меняющиеся отблески на дрожащие склоны гор, было бы трудной задачей как для кисти, так и для пера. Горизонт, охваченный фантастическим сиянием, покрытая цветами широкая поляна, служащая паркетом танцорам, купы величественных деревьев с длинными свисающими плетями винограда и в центре этой величественной декорации круг оживленных зрителей, криками и жестами подбадривающих пары танцоров, — все имело характер странный и грандиозный, отнимавший у меня чувство реальности и переносящий в идеальный мир.

По контрасту, по другую сторону равнины, на вершине горы задумчиво и величественно вставали руины бывшего Бедийского монастыря.

С равнины к развалинам ведет крутая трудная тропа. На некоторой высоте тропа становится столь извилистой, что лошади не могут по ней подниматься, и приходится карабкаться, чтобы забраться на вершину утеса, где находится старинная церковь.

Эта церковь великолепной архитектуры имеет купол, напоминающий в уменьшенном виде купол Святой Софии в Константинополе. Скульптурные детали, как внутри, так и снаружи, хорошо сохранились, и было бы легко восстановить это старинное здание, которое превосходит по красоте и церковь в Галати в Имеретии, и церковь мингрельского монастыря в Мартвили. Один из боковых приделов почти не тронут. Поврежден только свод над главным входом напротив алтаря. Через пролом проникают побеги дикого плюща и ветки громадного фигового дерева; вцепившись в каменную кладку и образуя на стенах как бы ковер с неровным рисунком, они служат приютом многочисленным птицам — единственным певчим, чей голос раздается в этом пустынном храме.

Расположенный в плохо изученном районе, далеко от проложенных дорог, этот древний монастырь ушел от внимания большинства исследователей Кавказа, в то время как он по праву заслуживает интереса художников<sup>31</sup>. Надписи на грузинском языке прекрасно читаемы. Сохранилось также несколько фресок, на одной из которых самаритянка предлагает воду Христу. Самаритянка изображена стоя. Ее левая рука поддерживает амфору желтоватого цвета, стоящую на колодце из красного камня, отделанном поверху белым мрамором с прожилками, на который бросает тень раскидистое дерево. Правая рука прижата к груди. На ней синее платье с двойной юбкой, верхняя несколько темнее, чем нижняя. Она отликает серым и отде-

<sup>31</sup> Первоначальный Бедийский храм в результате неизвестных событий был частично или полностью разрушен. Нынешний храм стоит на фундаменте старого. Но он меньше своего предшественника по размерам и совсем иной по типу. Потому нынешний Бедийский храм нельзя отождествлять с постройкой Баграта II.

лана чем-то вроде золотого позумента. Спаситель в синих одеждах и с поднятой правой рукой сидит перед колодцем. Эта фреска, помещенная рядом с дверью, занимает половину стены, разделенной на двое узким стрельчатым окном. Сверху нарисованы шесть ликов святых. Третий справа хорошо сохранился. Судя по тонкости черт, это должно быть женское лицо. Фигура одета в коричневый плащ с капюшоном, в сложенных руках она держит крест.

Внешние стены церкви, купол, окна, портал и боковые входы украшены замечательно тонкой резьбой, хорошо сохранившейся. Короче, нет предела удивлению при встрече в этой дикой и отсталой провинции с подобным архитектурным шедевром, свидетелем исчезнувшей цивилизации. Вокруг церкви расположено кладбище с несколькими мавзолеями, на которых выбиты имена бывших удельных князей края. Над одной из могил огромная липа образует навес двадцати метров в окружности.

Напротив храма находится еще одно здание, которое, видимо, служило жилищем монахам и в которое попадаешь через арочный вход. Видны остатки окружающей стены. Отсюда открывается роскошная перспектива. На заднем плане высятся абхазские горы, почти всегда покрытые снегом. В день моего первого посещения 25 мая, несмотря на сильную жару, все вершины были белые. Ниже линии вечных снегов над плодородной долиной вздымаются лесистые холмы; дно долины тут и там покрыто густыми садами. У подножия скалистого утеса, на который взобрался старинный монастырь, пасутся неисчислимые стада черных коз особой местной породы, которые с этой гордой высоты кажутся легионами больших муравьев, суетливо копошащихся на нежно-зеленом ковре.

С запада на горизонте расстилается море, чьи сверкающие волны можно различить вдалеке. К нему через равнины вьется река Оходжи (что значит бык)<sup>32</sup>, серебристые воды которой орошают обширные поля кукурузы, вырастающей в рост человека. Слева от глади древнего Понта Эвксинского вздымаются другие лесистые холмы,

<sup>32</sup>От ахуаджа (абх. устар.) – селение. То же, что Хваже (Кува) у абaziнов или квадже у адыгов (ср. Чемитоквадже, Залукоквадже и т. д.).

над которыми можно различить вершину горы Сатанджо у берегов Ингура, там, где находится одноименная крепость.

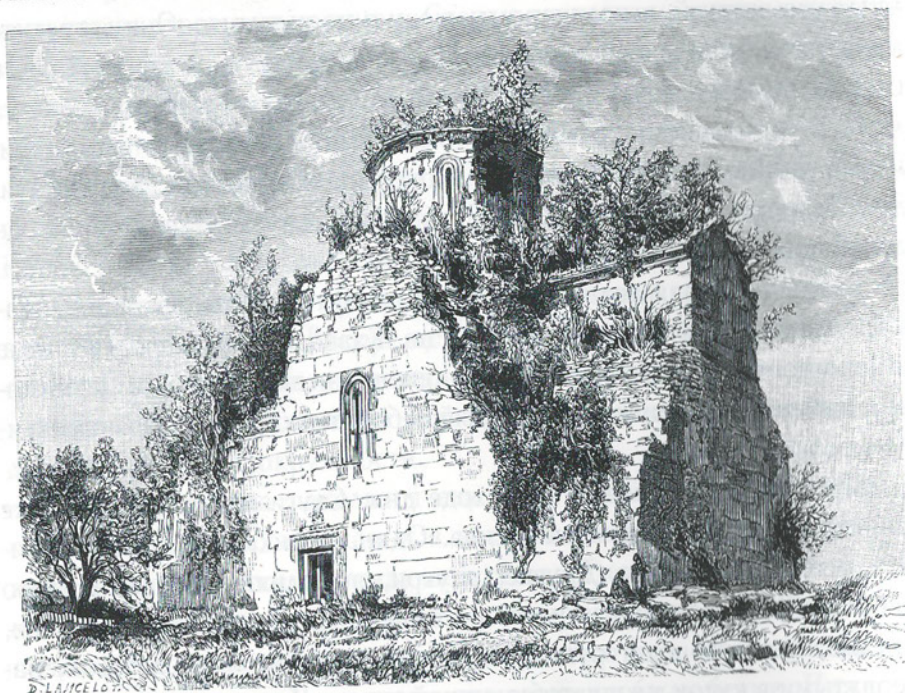
Мой чапар жил в селении Бедиа. Ему очень хотелось, чтобы я стала его гостьей, и предупредил жену о моем визите. Она встретила меня на пороге своей хижины вместе с дочерью, очаровательной светловолосой девочкой с синими глазами, которые она таращила на меня с удивлением, сравнимым лишь с застенчивостью ее матери. Перед моим хозяином почтительно предстал мальчик лет десяти. Это был его воспитанник, сын одного из его друзей, как и он дворянина.

Взамен старшая дочь чапара была принята в семью его друга. Такие усыновления распространены на Кавказе. Эти неродственные связи иногда прочнее семейных. В течение нескольких лет воспитанник живет в доме опекуна, который заботится о нем, как о собственном ребенке.

Мы приехали в Бедиа на исходе дня. Слуги моего хозяина уже занимались приготовлением ужина. Один из них, сидя перед хижинной, чистил кукурузу. Другие, внутри, выполняли разную другую работу. Жена хозяина, желая, несомненно, сделать мне приятное, предложила мне свои румяна, которые хранила под одеждой, завернутыми в кусок хлопчатобумажной ткани. Чапар, в свою очередь, нарвал винограда и принес мне его в своем башлыке. Это был красивый мужчина с загорелым лицом. За свою храбрость во время последней войны он получил две медали.

Каждый вечер, по приезде в хижину, где я проводила ночь, я меняла пластинки в рамках аппарата, чтобы на следующий день снова фотографировать. Во время этой операции я пользовалась фонарем с красными стеклами, ибо, как известно, желатиновый состав требует больших предосторожностей для предохранения от света. Моя фотокамера везде вызывала настоящее изумление. Но нигде оно не проявлялось столь явно, как в хижине моего чапара, когда я вечером принялась за дело. Мне стоило больших трудов убедить окружающих, что я не помощница Вельзевула.

Новость о моем прибытии быстро распространилась, и все жители хотели на меня посмотреть. Успокоившись насчет моих близких отношений с Сатаной, самые боязливые настолько осмелели, что



Бедийский храм

мне очень трудно было удерживать их на расстоянии от моего аппарата, который они хотели посмотреть и потрогать. Желая от них избавиться, я велела им собраться у входа в монастырь, пообещав сделать их портрет. Они послушно ждали там, пока я снимала руины святого храма и окружающие пейзажи.

Поскольку Бедийский монастырь представлял особый интерес для фотографирования, я пожелала выполнить работу возможно более полно. Поэтому я покинула селение на заре в сопровождении чапара, нагруженного моим багажом. До плато, где расположен монастырь со своими службами, я добралась с первыми лучами солнца. Никогда мне не забыть и не описать величественное зрелище, представшее перед моими глазами! Я была совершенно ошеломлена!

Я была на краю кладбища, чапар следовал за мной, но мы не смогли сделать ни шагу, так как высокая трава и густые кустарники преграждали дорогу. Нужно было их вырубить, чтобы продвинуться вперед и поставить мой аппарат. Задача была нелегкая. Мой проводник это понял и предложил сходить за подмогой. Я согласилась и стала ждать его возвращения.

Я долго сидела на краю этого древнего погоста и на досуге размышляла о месте, где находилась, и об исключительной оригинальности моего положения. Прошло несколько часов, так как солнце уже стояло у меня над головой, когда вернулся мой чапар в сопровождении целого батальона мужчин, которые тут же принялись безжалостно вырубать все растения, заслонявшие мне дорогу. Импровизированные дровосеки закончили работу, лишь когда солнце собиралось скрыться за горизонтом. Так я потеряла один день.

Мне пришлось вернуться в селение и на следующий день опять совершить это нелегкое восхождение. Но на этот раз меня сопровождал целый кортеж любопытствующих.

Наконец я начала работу, которая оказалась исключительно сложной. Внутри церкви мне пришлось убрать кучи обломков, прежде чем я смогла установить аппарат, шатавшийся на неровностях почвы. Время от времени со стен срывались обломки, и только благодаря моему смелому чапару меня не задел большой камень, падение которого он задержал.

На кладбище, несмотря на то, что высокие травы были срезаны, оставшихся было достаточно, чтобы цепляться за штатив моего аппарата. Я также заметила много высоких зарослей ромашки: это единственное место в этом краю, где я видела эти цветы.

Мои фотопробы удались. Вы видите результат. Я сделала достаточное количество снимков, чтобы во всех ракурсах представить интерьер Бедийской церкви, который никогда прежде нигде не изображался, хотя представляет огромный интерес для археологов<sup>33</sup>.

<sup>33</sup> Более, чем за тридцать лет до путешествия К. Серены этот храм посещался академиком М. И. Броссе, был подробно описан им и зарисован. Однако фотогравюры К. Серены бесценны для науки и существенно обогащают представление о прежнем состоянии памятника.

День клонился к концу, когда я вернулась к любопытным аборигенам, которые послушно ждали меня два дня подряд у входа в монастырь. Они сидели на каменных гудах, поросших бесконечным количеством источающих аромат трав (в этих местах богатейшая и разнообразнейшая флора). Они сидели такими живописными группами, что я так их и сфотографировала. Но некоторые мои натурщики вышли на фото зажавшими нос между большим и указательным пальцами — способ сморкаться, к которому они прибегают каждую минуту. Чтобы устранить эту неприятность, я приказала им сцепить руки за спиной и запретила менять позу. Они послушались.

Эти два дня, 16 и 17 ноября 1881 года, которые я провела на развалинах Бедийского монастыря, одни из самых интересных в моем путешествии импровизированного фотографа.

Когда я спускалась с этой крутой скалы, передо мной шла маленькая пешая армия мужчин, женщин и детей. Позади моей лошади шагал человек, нагруженный кофрами с моим аппаратом. За ним шел чапар, помощь которого мне так пригодилась. Однако, одна вещь мне в нем крайне не нравилась. Он не выпускал трубку изо рта. Она все время была зажата у него между зубами. Мне кажется, он даже во сне не расставался с ней. Наверное, у него их было при себе несколько, потому что он постоянно где-то ронял их и чаще всего те, кого он посылал на поиски, не находили их. По его словам, это было огорчением всей его жизни.

У подножия горы стоит маленькая одинокая хижина — скромный кров, под которым живет правнук того, кто дал свое имя Самурзакану. Этот отпрыск княжеского рода по имени Антон Шервашидзе вдвойне заслуживает упоминания<sup>34</sup>. Уроженец Бедиа, в возрасте двадцати трех лет он уехал в Россию и был одним из тех, кто в 1812 году видел в Санкт-Петербурге иллюминацию в ознаменование отступления Великой армии.

<sup>34</sup> Антон Леванович — праправнук Мурзакана Чачба в четвертом поколении (Мурзакан — Хутуня — Соломон — Леван — Антон).

Этот старик, который сообщил мне любопытные подробности о своей стране (в 1876 г.), живет одиноко и бедно в своей хижине размером шесть на шесть футов; несколько одеял и подушек, таган и



Семья моего чапара в Бедиа

железный котелок для варки кукурузы — вот его единственное имущество. На стенах висят две вырезанные картинки: на одной Наполеон, на другой памятник Петру I — воспоминания о юности и, возможно, о счастье, изображения, радующие задумчивый взгляд отшельника. Слишком слабый, чтобы обрабатывать несколько арпанов земли, окружающих его хижину, этот потомок древнего рода, которого все его родственники, в основном богатые люди, давно оставили, все еще ждет обещанной ему пенсии. Его единственным развлечением является посещение могилы матери, похороненной как раз в том мавзолее, который осеняет гигантская липа. Его собственный могильный холм будет более скромным. Позднее, я узнала о его

смерти и во время моего последнего посещения видела его заброшенную хижину.

Чтобы попасть из Бедиа в Абхазию, надо пересечь реку Охурей, границу Самурзакана. Маленький дощатый мостик переброшен через поток, который в этом месте очень узок. Живописная равнина, осеняемая тенью вековых деревьев, является входом в Абхазию. Этот украшенный природой перистиль ведет в великолепный лес, где дубы и ореховые деревья связаны фестонами виноградных лоз.



*Интерьер храма*

На абхазской стороне находится караульный пост. Это плетеная из веток будка с покатою крышей, покрытой сверху соломой. Этот военный пост был занят абхазами во время последней войны. Оба берега Охурея прекрасны. Приблизительно в двух верстах от моста расположено первое абхазское селение Поквеш, насчитывающее 170 дворов.

В лесу я видела несколько абхазских семей и была поражена их отличием от самурзаканцев, с которыми у них даже разные языки.

Бедиа — последнее самурзаканское селение на границе с Абхазией. В окрестных горах прекрасные пастбища и летом их склоны населены стадами и пастухами, которые беззаботно и мирно существуют, не требуя другого счастья. Буйволицы дают молоко, которое ценится выше коровьего. Из него делают сыр, который вместе с кукурузной кашей и творогом, сдобренным местным медом, составляют основу питания пастухов.

Между горами Самурзакана и Сванетии на высоком плато находится большое озеро Могуц-ирха<sup>35</sup>, с которым связано одно суеверие. Никто не отваживается купаться в его ледяной воде, которая, как считается, бьет из подземного источника, из опасения вызвать ненастье и разрушительную для посевов грозу. Любопытная вещь — разбавленное этой водой молоко быстрее нагревается и кипит. Хорошо бы сделать анализ этого источника, который подобно многим высокогорным ключам, возможно обладает целебными свойствами.

Покидая Бедийскую равнину, дорога становится все более дикой и непроходимой и превращается в козью тропу, по которой местами приходится карабкаться на четвереньках, подобно этому легконогому животному, а нередко и прорубать себе путь через густой кустарник с помощью кинжалов, которыми вооружены аборигены. Тяжелая задача — провести горячих местных лошадей по этим крутым узким откосам, обрывающимся пропастью! Здесь для верховой езды боязливому путешественнику подошли бы буйволы с их тяжелым ленивым шагом. Эти суровые ущелья выводят к роскошным лесам, где в изобилии растут всевозможные фрукты: абрикосы, персики, яблоки, виноград. При виде такого богатства природы можно подумать, что находишься в раю. Только эти фрукты, выросшие без ухода, имеют не тот вкус, что у нас, и Ева, возможно, побрезговала бы ими, что, между прочим, избавило бы человечество от многих невзгод.

Мы едем верхом по горам, по долинам рек, тут и там образующих живописные водопады, и чем дальше мы продвигаемся в глубь Абхазии, тем заметнее становится двойная дикость земли и ее народа. Сразу видно, что это область, в которую русские проникли позже, чем в Самурзакан. В одной из складок горного рельефа приютилось село Ткварчели<sup>36</sup>, давшее свое имя соседним минеральным водам, и главным богатством которого является мед, собираемый несчетными роями пчел в окрестных лесах. Выехав из Бедиа

<sup>35</sup> Абхазский топоним. Означает — «Долина Могуца».

<sup>36</sup> Ткварчал (абх.).

рано утром, я добралась в это селение в середине дня. Чапар, посланный предупредить местного старшину, задержался, и наша кавалькада свалилась, как снег на голову, хозяину, у которого я должна была остановиться на обед во время моего первого посещения. Отсюда и обед, как говорится «чем Бог послал», позволивший мне лучше познакомиться с обычным местным рационом.

Мой гостеприимный хозяин был как раз потомком того самого Анчабадзе<sup>37</sup>, ссора которого с Дадианом Леваном Мингрельским послужила, по инициативе этого последнего, предлогом к введению русских войск. Причиной вражды между двумя князьями был отказ первого оказать услугу, о которой просил второй. Разгневанный Дадиан поднял трость на своего вассала (Абхазия в те времена подчинялась мингрельским князьям)<sup>38</sup>. Чтобы защититься Анчабадзе выхватил кинжал, но тут же был схвачен и посажен в крепость. Позже он бежал из темницы и укрылся в Самурзакане, откуда неоднократно нападал на мингрельскую территорию. Оказавшись слабее, Дадиан тщетно призывал на помощь своих соседей, цебельдинских горцев. Они были заодно с князем Анчабадзе, так что Леван был вынужден обратиться к русским. Именно тогда (1832 г.) они воздвигли



Вход в Бедийский монастырь

на берегу Ингура крепость Аттанджело, которую местные жители назвали Сантанджо. Но эта цитадель оказалась бессильна защитить границу Самурзакана. Уставший от войны Дадиан Мингрельский решил помириться со своим вассалом. Результат распри — еще один форт

на кавказской земле и вторжение русских солдат в страну, возможно даже, к великому неудовольствию того, кто их позвал.

Анчабадзе из Ткварчели, чьим гостеприимством я воспользовалась, представлял собой типичного для этих мест сельского князя. Лет шестидесяти, сухой, высокий, худой, седые волосы и длинная белая борода подчеркивали его загорелую кожу. Синие глаза — преобладающий цвет у местных жителей — и непомерно длинный нос придавали его лицу совершенно особенный вид. В его костюме не было ничего княжеского: драная чока, спадающая на серые полотняные штаны на штрипках. Туфли из бараньей шкуры без подметок, подвязанные ремешками и позволяющие видеть пальцы (с чулками здесь не знакомы). Высокая папаха из черного сукна, отороченная каракулем — таков был более чем небрежный наряд, казалось, еще сильнее удлинявший и без того высокую фигуру этого человека.

Его жена княгиня была одета соответственно: рваное серовато-черное платье с обтрепанным от долгой носки подолом, глубокий по местной моде вырез платья открывал нижнюю блузку, определить первоначальный цвет которой не представлялось возможным. Такой же, как платье, платок покрывал ее голову и лоб. Отпрыск этой неприхотливой четы был одет в точности как отец, за исключением головного убора, — шапка из козьей шкуры, покрывающая его нечесанную шевелюру, делала его немного похожим на Робинзона.

Как обычно появление иностранной гостьи вызвало приток со всех сторон массы любопытствующих, князей и княгинь всех рангов, живущих здесь или неподалеку, слуг и крестьян поместья — странную мешанину лиц и лохмотьев, которую мое перо отказывается описывать. На всех женщинах были длинные широкие шаровары на турецкий манер, которые, как я уже говорила, являются тут излюбленным предметом одежды, легко различимым сквозь неизменно дырявые юбки. Эти юбки европейского фасона, но плохого покроя обшиты понизу обтрепанной оборкой, которая вечно волочится сзади шлейфом по пыли и грязи. Иногда женщины носят глубоко вырезанный спереди корсаж, застегнутый красивыми метал-

<sup>37</sup> Абхазская княжеская фамилия, оформленная на грузинский манер с окончанием на «дзе».

<sup>38</sup> Речь может идти лишь о некотором политическом влиянии мингрельского владетеля, причем не на всю Абхазию, а лишь на порубежный Самурзакан.

лическим аграфами. Головной убор каждой из них состоит из нескольких цветных лоскутов, покрывающих голову вместо платка. Ноги босые или обутое в самодельную обувь без подметок, сшитую из одного куска кожи самими женщинами, которые в этих краях знают все ремесла и проявляют гораздо больше активности и ума, чем мужчины.

Именно они ткут шерстяные и полотняные ткани, из которых шьют одежду для мужчин и белье для дома, которого, кстати, больше и в лучшем состоянии находится у крестьян, нежели у князей. Именно женщины делают гетры и седла, плетут корзины для сбора винограда, которые они красят хитроумным способом, подвешивая их над очагом с котлом кипящей кукурузы, так что роль краски выполняет дым.

Двор абхазского князя был похож на все местные дворы. Там как раз в это время строили деревянный дом (акваска), составлявший большую заботу хозяина. В ожидании окончания строительства семья ютилась в апахе или резервной хижине, где по обыкновению все спали в одной комнате без различия пола. После трапезы, в которой по упомянутой причине отсутствовала парадная курица, на траве устроили импровизированную абхазскую тамашу, в которой принял участие и отпрыск князя.

В десятке верст от села Ткварчели находятся серные источники с тем же названием. Туда можно попасть по дороге, по обе стороны которой зияют пропасти. Тропа столь узкая, что по ней едва может пройти лошадь. Источник бьет из скалы на склоне горы и падает в расположенный в шести метрах от него бассейн-резервуар глубиной больше метра, построенный из камня, но с деревянным полом. В этом бассейне, защищенном от солнца грубосколоченной крышей на столбах, могут купаться сразу несколько человек. Рядом есть отапливаемое при необходимости помещение, которое служит для переодевания. Эти ванны бесплатны. Они были оборудованы последним ахом Абхазии Михаилом Шервашидзе, который лечился тут от мочекаменной болезни и имел здесь в горах жилище, уничтоженное позднее пожаром. Этот самый ах, желая, чтобы местное население



Возвращение из Бедийского монастыря

могло пользоваться этими целебными водами, помогающими при многих болезнях, выстроил для удобства купальщиков здание в дюжине метров от резервуара.

Источник в Ткварчели является термальным и имеет много общего с тифлисским. Как и тот, он испускает сильнейший запах. Неподалеку от бассейна между двумя высокими горными склонами течет река Гализга, которая, с жутким грохотом падая со скалистых уступов, дополняет дикий облик этого места. Каждое лето в самые жаркие месяцы (июнь, июль и август) больные посещают эту примитивную бальнеологическую станцию. Особой популярностью она пользуется у мингрелов. Эти купальщики неприхотливы. Скала им служит ложем, а грот — убежищем. Живущий в соседней хижине сторож выполняет обязанности ресторатора. Разве мало здесь горных пастухов, поставляющих ему кислое буйволиное молоко и сыр для столования гостей? Прибавьте к этому большой котел, в котором кипит мамалыга, и еще один, где варится только что забитый барашек, и вы получите полное представление о жизни этой скромной колонии недужных, которые едят все вместе на траве или в тени какого-нибудь раскидистого дуба. У них есть даже свой оркестр: звуки мингрельской чонгури и абхазской абхерцы (гитары с двумя шелковыми струнами)<sup>39</sup> отзываются эхом в ущельях. После каждой трапезы начинается развлечение тамаша.

Что сказать? Целомудрие аборигенов вызвало к жизни целый свод правил, дабы обеспечить в бассейне Ткварчели соблюдение законов приличия: одна половина бассейна предназначена для мужчин, другая — для женщин. Представители обоих полов купаются вместе, но повернувшись друг к другу спинами и как бы не видя друг друга. Более того, манера входить в бассейн и выходить из него тоже заранее регламентирована. Входить нужно пятясь, а выходить, наоборот, лицом вперед, поскольку все купаются без одежды. Не правда ли, самые простые люди зачастую могут служить примером самым утонченным?

Я не посетила воды Ткварчели в минувшем ноябре, потому что ведущая туда дорога зимой становится непроходимой. Поэтому фотографии этой местности у меня отсутствуют.

Река Гализга, берущая начало недалеко от ткварчельского источника, пересекает часть Абхазии и впадает в Черное море между Очамчирой и Илором. Ее течение очень стремительно, а русло каменистое. Его приходится шесть раз переходить вброд по дороге из селения Поквеш в село Ткварчели, расстояние между которыми около двенадцати верст. Пеквеш — довольно большое селение, обладающее богатыми угодьями на берегу реки. Все жилища одного типа — плетеные хижины посреди огороженных участков. Расположенное в долине кладбище с квадратами зелени и окруженными деревянными галереями могилами, вид которых соответствует большему или меньшему достатку тех, кто их соорудил, приятно радует глаз.

Поскольку в Поквеше нет своего базара, где окрестные жители могли бы торговать своим продуктом, рассматривается вопрос об организации там ежегодной ярмарки. Для края это будет нововведением. Кроме того, местные жители, не чуждые прогресса, предложили построить на их средства ипподром и учредить призы для конных скачек, которые будут проходить во время ярмарок, — еще одно новшество для Кавказа, где до сих пор подобные развлечения не имели официального разрешения. До 1881 года ни один из этих проектов еще не был осуществлен. Опустошившая край война создала жителям массу других забот. И однако, какой народ более способен к подобным состязаниям, чем местные жители, превосходно, как мы видели, владеющие верховой ездой (это, в сущности, единственное искусство, которое им близко), и, так сказать, не расстающиеся с кнутом — символом их наезднических талантов? В этом отношении женщины ни в чем не уступают мужчинам. Они ловко управляют самыми необузданными скакунами, лихо сидят верхом в обычном мужском седле и в скачке зачастую обгоняют сопровождающих их наездников-мужчин<sup>40</sup>. Здесь не бывает ни одного празд-

<sup>39</sup>Правильно — апхярца. Род скрипки или, точнее — виолы.

<sup>40</sup>Абхазские женщины пользовались женскими седлами, при которых обе ноги наездницы устанавливались по одну (левую) сторону лошади.

ника без конных игр, и эти упражнения оставляют далеко позади так называемую «высшую школу верховой езды», которой мы аплодируем в цирке. Только в них привнесены дикие и варварские элементы, которые стоило бы запретить. На определенном расстоянии на дистанции ставятся верховые, которые подстегивают несущихся мимо участвующих в состязании коней не только криками, но и выстрелами и жестокими ударами. Нередко скакун погибает в результате этого бешеного стипль-чеза, которым увлекается и стар и млад<sup>41</sup>.

На равнине Поквеша, орошаемой водами Гализги, можно встретить живописные группки селянок с большими кувшинами, которые они наполняют у реки. Какая благородная поступь, какая врожденная грация у этих сельских жительниц, и как они отличаются от большинства наших западных крестьянок! Я говорила, что абхазские женщины гораздо меньше показываются на людях, чем самурзаканки или мингрелки. Это происходит оттого, что ислам, бывший ранее местной религией, оставил свои следы в нравах этого края и даже примешивается к христианству, которое здесь сейчас исповедуют. Несмотря на это, супруга, недовольная своим мужем, имеет право его покинуть и вернуться в свою семью, и он никоим образом не смеет ей препятствовать. Кроме того, женщина является царицей в своем доме. Мужчина относится к ней с большим вниманием и уважением и избавляет ее почти от всей утомительной работы.

Свадьба — большой праздник в этих краях. О предстоящей свадьбе, как и в Мингрелии, родственников и друзей извещают конные гонцы. Поскольку как раз в это время старшина Поквеша<sup>42</sup> выдавал замуж свою пятнадцатилетнюю дочь, я имела оказию увидеть весь ритуал воочию. Приближаясь к жилищу, гости оповещают о своем прибытии выстрелами и громким пением без слов, определенными монотонными модуляциями, меняющимися в зависимости от обстоя-

<sup>41</sup> Этот вид подстрекания уставшего скакуна был известен многим народам Кавказа. По-абхазски он называется — атшыхара.

<sup>42</sup> В то время старшиной села Поквеш был Наурыз Чачхалиа.

тельств: триумфальная рулада конокрада, надежно спрятавшего свою добычу, воинственный клич при приближении неприятеля; громкие и радостные вопли свадебного кортежа, конечно, непривычное ухо легко путает эти оттенки и не схватывает характер различий.

Заезжая во двор, всадники по обычаю приветствуют собравшихся, гарцуя на лошади, и с каждым новым прибывающим гостем церемония повторяется. Затем все садятся за столы под навесами, женщины отдельно от мужчин, в противном случае это будет оскорбление приличий. В конце трапезы из рук в руки передается огромный рог вместимостью в три бутылки вина, а иногда и больше. Каждый гость обязан его осушить под угрозой быть исключенным из общества. Этот «стаканчик на посошок», выпитый после поглощения устрашающего количества пищи (четвертей быка, барана, ягненка, кур, кукурузных лепешек, буйволиного сыра), окончательно приводит гостей, не скажу, чтобы в опьянение — абхазские головы крепки, но в состояние приподнятости и веселья, что и подобает данным обстоятельствам.

Затем, громкими хлопками в ладоши, подают сигнал к танцам, потом к танцам прибавляются конные игры, о которых я уже говорила, и эти игры, пляски и возлияния продолжаются добрую часть ночи. На следующий день праздник возобновляется. Гости подносят подарки новобрачной, которая принимает их стоя, укрытая вуалью. Она снимает ее лишь после того, как родители преподнесут ей свой подарок. Новобрачная не сразу покидает родительский дом; муж живет здесь с ней, пока не будет готово предназначено для них жилье. Иногда молодой человек остается жить вдали от жены и становится фактически ее мужем лишь в день, когда родные привозят ее к нему. По этому случаю свадебные увеселения начинаются снова уже в доме жениха<sup>43</sup>.

<sup>43</sup> Когда невесту увозят непосредственно из родительского дома, то ее везут в дом родителей жениха. Отец жениха обычно строит для молодоженов отдельную хижину здесь же во дворе, куда они позднее переселяются на весь начальный брачный период. Жить в доме родителей жены (быть примаком) — для зятя большой позор.

Новая хозяйка приносит свое приданое, постельные принадлежности, изготовленные ее руками с помощью подруг. Муж доставляет мебель, одинаково простую как у князя, так и у крестьянина, с той однако разницей, что у зажиточных крестьян обычно больше чистоты и комфорта, чем у титулованных особ. Так в Поквеше в доме моего хозяина старшины не было и следов той бесхозяйственности и неряшливости, которые, увы, портят гостеприимство важных абхазских персон.

От Поквеша до Беслахубы — села, подчиненного общине Очамчиры — всего несколько верст пути, которые приятно проехать, особенно вечером на заходе солнца, когда пламенеющие вершины гор бросают свой отблеск на воды, леса, луга, освещая все вокруг феерическим сиянием. В Беслахубе я остановилась у богатого крестьянина, помощника местного мэра, и каково же было мое удовлетворение, когда в завершение такого интересного и наполненного дня я нашла под этим новым кровом белое полотенце, сверкающий столовый прибор, отличную жареную курицу и хозяев, одетых не в лохмотья.

На следующий день в селе состоялась церемония, к которой прибегают во время засухи, чтобы вызвать дождь. Абхазцы, я повторяю, очень суеверны. Это трапеза, которая заканчивается пением и танцами, затем все участники длинной процессией направляются к реке. Во главе процессии на муле везут чучело, по обеим сторонам от которого идут юноши и девушки. И на протяжении всего пути люди поют молитву, обращенную к богу реки: «Вот кукла, кукла. Дочь аха (владельца) хочет пить. Она не пьет вина и ей не хватает воды, потому что река почти иссякла.» С этими песнопениями мула заводят в воду, и весь кортеж тоже заходит в реку. Каждый присутствующий брызгает водой на чучело, которое затем погружают в воду. Эту церемонию повторяют весь день; вечером имеет место вторая трапеза, сопровождаемая обычными увеселениями. Если, несмотря на эти заклинания, дождь так и не проливается, то прибегают к другому способу, которым пользуются лишь в крайнем случае, поскольку он считается греховным. На поле бросают двух

лягушек, которые здесь пользуются славой нечистых животных, после чего никто не сомневается, что речной бог непременно вымоет землю сильным дождем от столь оскверняющего контакта.

На этом примере видно, на каком уровне наивного невежества и суеверия остался абхазский народ благодаря изоляции, в которой жил на протяжении веков.

Очамчира находится приблизительно в семи верстах от Беслахубы. Дорога туда ведет через естественный природный парк, который превосходит великолепием все, что могло бы создать искусство. Не-



Процессия с чучелом

возможно даже представить себе более прекрасные аллеи, более разнообразные и густые рощи, чем те, что встречаешь на этом пути. Величавые дубы, платаны и липы дают тень зарослям золотистых азалий, и этот пейзаж сильно контрастирует с теми, совсем дикими местами, которые мы только что покинули. Так мы продвигаемся от удивления к восторгу. И вдруг, при выходе из зеленого массива, нашему взору открывается Черное море — мы в Очамчире.

Когда в минувшем ноябре я повторила этот маршрут, то оказалась ночью перед рекой Гализга. Мой чапар предложил подождать дня для переправы через реку. Но я хотела двигаться вперед, чтобы не терять времени и успеть уехать со следующим пароходом, идущим в Поти. Для безопасности при переправе он обвязал мою талию своим кнутом, создав между нами страховочную связь. С этой поддержкой я встала в седле на колени, чтобы не замочиться. Когда мы достигли противоположного берега, чапар признался, что мы пересекли очень опасный брод. Еще раз, благодаря его сноровке, я счастливо преодолела опасное место.

### III.

Старая Очамчира и руины дворца аха Михаила Шервашидзе. – Население поселка. – Общий взгляд на район. – Мой приезд в новую Очамчиру. – Вылазки по окрестностям. – Илорская церковь и бык святого Георгия. – Ночь у абхазской вдовы. – В Мухури. – Кавалькада. – Праздник в Мокве; развалины монастыря и храм. – Гора Агарда.

Около полувека назад, в том месте, где сейчас находится Очамчира, простирался большой самшитовый лес, принадлежавший князьям Анчибея, старинному черкесскому роду, одна ветвь которого до сих пор живет в Самурзакане<sup>44</sup>. Эти князья, которых в их краю звали Лоу, дали свое имя маленькому закавказскому селеньицу, где они поселились (Чи-Лоу по-абхазски значит «поместье Лоу»)<sup>45</sup>. Потом они продали свое владение последнему аху (владельцу) Михаилу Шервашидзе, который вырубил строевой лес и изменил название местности на Очамчира (место, засаженное самшитом)<sup>46</sup>. На этом пустынном берегу Черного моря ах пожелал возвести роскошный дворец в восточном стиле. С этой целью он пригласил из Турции архитектора и рабочих, которые к его великому удовлетворению справились с этой задачей. Весьма известная легенда добавляет, что по окончании строительства дворца архитектор был убит: по приказу султана, говорят одни, за то, что принес свое искусство в чужую землю; самим ахом, утверждают другие, чтобы мастер не смог повторить свой шедевр где-нибудь еще<sup>47</sup>.

<sup>44</sup>Правильно Анчба (или Ачба). Один из древнейших абхазских княжеских родов, давший начало многим аристократическим фамилиям Западного и даже Центрального Кавказа.

<sup>45</sup>Абхазские князья династического рода Лоо вели свое происхождение от царя Леона I (Лоо, Лоу, Алоу), правившего в середине VIII в. и были ответвлением фамилии Ач(ба). Соединенные вместе фамилия-родительница Ач и фамилия-отрасль Лоу дали название селу Члоу (совр. Очамчирский р/н), который действительно принадлежал Ачбовым из поколения Леонидов (Лоо). Это предание широко известно и в современной Абхазии. Особенно оно распространено среди жителей самого села Члоу.

<sup>46</sup>Название Очамчира (правильней – Ачамчира) действительно происходит от турецкого чамчир (самшит).

<sup>47</sup>Вероятней всего, что дворец владельца строили те же трапезундские (турецкие) греки, которые по заказу и на средства Михаила Георгиевича реконструировали Моквский храм.

Расположенное посреди широкой равнины, по краю которой протекает Адзиква (это слово по-абхазски значит «река»), квадратное в плане здание в три этажа, с бельведером, балконом и верандой представляло собой прелестный ансамбль, украшенный тонкой резьбой и изящными арабесками. Нижний этаж был каменный, остальная часть здания — из тщательно отделанного каштана, а колонны, поддерживавшие веранду, — из красного дерева. Интерьер здания соответствовал его внешней элегантности. Многочисленные залы имели резные потолки, двери были сделаны из красного кавказского самшита<sup>48</sup>, а камин — из белого мрамора. Такая постройка была бы замечена везде, в этом же отсталом краю она была настоящим чудом. Единственная деталь, омрачающая картину, — это то, что подвалы дворца служили тюрьмой несчастным, посмевающим вызвать гнев владыки, законом для которого был лишь его собственный каприз.

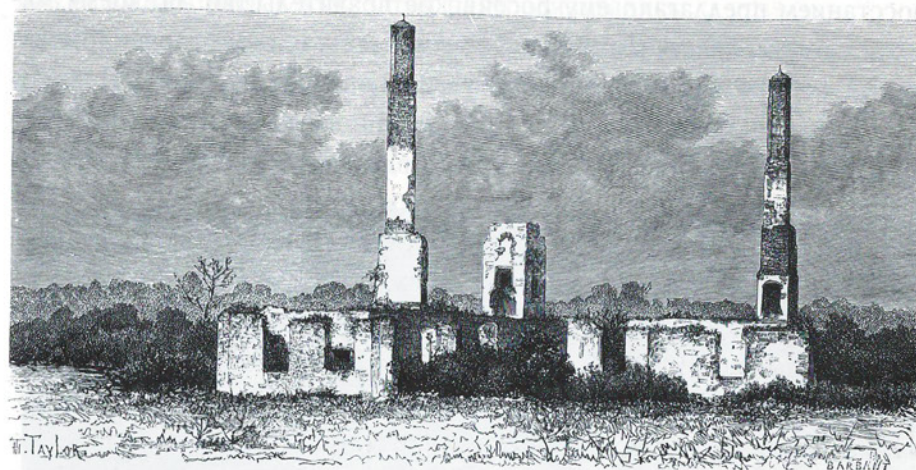
Как только роскошная резиденция в Очамчире была построена, ах поспешил покинуть свое прежнее жилище, расположенное в шести верстах отсюда и открытое для вражеских набегов. Он перебрался в Очамчиру, где и провел последние двадцать лет своего правления. Чтобы заселить эту местность, он уступил часть леса тем, кто брался вырубать деревья. Так вокруг княжеского дворца образовалась группа деревянных хижин, из которой и вырос современный поселок.

Некогда роскошно обставленный дворец ныне был пуст и заброшен. Ветры со всех сторон света свободно проникали сквозь разбитые стекла окон (первое оконное стекло, появившееся в этом краю); в безмолвных покоях гнездились самые разные птицы, а кошки, собаки, мыши и крысы беспрепятственно пробегали через зияющие дверные проемы. В таком состоянии я увидела это здание в 1876 году.

Несчастливая судьба прекрасного дворца напоминает судьбу его бывшего владельца, гордого князя. В 1864 году ах, бывший вассалом России, попытался сбросить это владычество. Он был захвачен в

<sup>48</sup>Очевидно, из того же красного дерева, тиса.

плен, вывезен из родной страны и сослан в Калугу, город, в который несколькими годами позже был водворен на жительство знаменитый Шамиль. Но Михаил Шервашидзе не доехал до своего места ссылки, он умер в дороге, если верить одним — своей смертью, если верить другим — от яда, который он принял сам<sup>49</sup>. Его тело было возвращено в Абхазию и похоронено в Моквском храме, недалеко от Очамчиры. Сын и наследник владельца Георгий был интернирован в Санкт-Петербург, где и жил на пенсией, выделенной российским правительством, которое не раз предлагало выкупить у него по-



Руины дворца аха в Очамчире

строенный отцом дворец. Но он отказывался. Однако, когда незадолго до последней войны ему было сделано еще одно предложение, он к нему прислушался, но не сошелся в цене, так как требовал миллион сто тысяч рублей, в то время как правительство давало не более девятисот тысяч.

Как известно, во время последней Кавказской войны<sup>50</sup> Абхазия выступила против России и встала на поддержку Турции; высадив-

<sup>49</sup>Владелец был сослан в Воронеж, где и жил два года до своей скорой, но ненасильственной кончины. Михаил Георгиевич умер в 1866 году на шестидесятом году жизни.

<sup>50</sup>Имеется в виду русско-турецкая война 1877–1878 гг. и возмущение абхазов против гнета русской администрации за возвращения своих изгнанных в Турцию соотечественников.

шись в Очамчире, турки изгнали оттуда русских и сожгли поселок, от которого не осталось камня на камне. Прекрасный дворец постигла та же участь. От него остались лишь руины, которые я сфотографировала, и вы можете их видеть в начале этой главы.

Эти каменные скелеты, единственное напоминание о поселке, который я видела процветающим, поднимаются над пустынной прибрежной равниной. Здесь нет усыпанных цветами пригорков, только груды обломков — остатки сожженных жилищ.

Так князь Георгий Шервашидзе потерял сумму, которую перед восстанием предлагало ему российское правительство. Во время мятежа уцелел единственный дом со всеми службами, который принадлежал мингрельскому торговцу по фамилии Баркалаев<sup>51</sup>. Под его крышей жил Хуссейн-паша, командующий турецкой армии в Абхазии. Этот дом находится поблизости от развалин дворца аха, извест-



Очамчира, ноябрь 1881 г. Дом главы округа

<sup>51</sup> Владетель был сослан в Воронеж, где и жил два года до своей до своей скорой, но насильственной кончины. Михаил Георгиевич умер в 1866 году на шестидесятом году жизни.

ного также как Владетель. В 1881 году сын бывшего владыки вернулся в Абхазию, где занялся эксплуатацией богатейших лесов для одной бельгийской компании.

В 1876 году население Очамчиры состояло в основном из мингрелов и турок; эти последние в большинстве своем являются лазами или переселенцами из Трапезунда. К этому основному ядру можно добавить несколько греков. Что касается русских, то за исключением группы чиновников, их очень мало. Упомянем, однако, нескольких военных, вышедших в отставку, и две семьи, которые попали некогда в плен к аху, затем натурализовались.

В поселке имелись кофейни на манер турецких, лавочки цирюльников, по тому же образцу, и сверх того, небольшая мечеть. Абхазские аборигены, которые не занимаются ни ремеслом, ни торговлей, живут в окрестных селах, где возделывают поля кукурузы. Женщин в Очамчире практически не видно. Почти все турки, обосновавшиеся в поселке, оставили жен у себя на родине, а те, которые живут здесь, показываются редко.

Была здесь также христианская церковь и школа, но и та и другая не процветали. Плохо управляемая местная школа резко контрастировала с Окумской в Самурзакане, которая как я уже говорила, была образцом для других. Эта школа служила только для мальчиков. Для образования девочек до сих пор ничего сделано не было.

Можно добавить, что в поселке возводилась больница, на строительство которой жители делали добровольные взносы. Климат, хотя и имеет тенденцию к улучшению, однако сохраняет возбудителя лихорадки, благодаря близким болотам, которые мало-помалу осушаются. Поэтому местным средством, применяемым без разбора ото всех недугов, является хинин. Такое лечение очень распространено во всех кавказских провинциях, и жители Очамчиры особенно усердно назначают себе сильные дозы этого лекарства. Странная вещь — турки в большинстве своем не заражаются местной малярией. Может, следует приписать этот иммунитет таинственным знаниям их муллы? Однако, когда приверженец Пророка чувствует

недомогание, он остерегается прибегать к хинину, прием которого запрещен мусульманскими пастырями. Он идет к служителю Магомета, и мулла выбирает стих из Корана, переписывает его на клочок бумаги, сжигает листок, тщательно собирает пепел, размешивает его в воде и заставляет больного выпить эту микстуру. Говорят, редки случаи, когда лечение не достигает цели. Играет ли здесь роль одна вера, или хитрый кудесник подмешивает в святое питье какое-то только ему известное снадобье? Это вопрос, прояснить который не входит в мою миссию.

Живописно расположенная на берегу моря Очамчира орошается двумя реками, одна из которых, Гализга, настолько изобилует рыбой, что для того, чтобы ее поймать, не нужны удочки. Рыбу убивают выстрелами из ружья, когда она стаями резвится у поверхности воды, или просто загребают руками. Другая речка, страшно мутная Адзиква, является настоящим раем для лягушек, этих водных тварей, вызывающих такое отвращение у аборигенов. Адзи по-абхазски значит «вода», ква — «река», а по-грузински это последнее слово означает «мутная»<sup>52</sup>. Вокруг поселка вздымается цепь гор, самые высокие из которых, расположенные почти за двадцать верст отсюда, десять месяцев в году покрыты снегом. Только в июне и июле их вершины обнажаются. Но стоит в Очамчире пойти дождям, как они тут же снова укутываются в свои белые меха. Верхний ярус горной растительности составляют главным образом дубы, платаны и самшит. Внизу растут каштаны. Воздух очень чист и земля превосходна.

Очамчирский округ делится на две части: Самурзакан и Кодор (этот последний так назван по протекающей по нему реке)<sup>53</sup>. У главы округа, имеющего штаб-квартиру в Очамчире, есть два заместителя, один для Кодора, также пребывающий в Очамчире, другой для Самурзакана, живущий в Окуме. После изгнания аха, который, не-

\* Абхазы объясняют также слог «ква» как звукоподражание, передающее кваканье лягушек.

<sup>52</sup> Адзиква — Черная речка (абх.). Вполне соответствует своему названию. Речка отнюдь не мутная, напротив. Однако дно ее усеяно мелкими черными ракушками — речными мидиями. Они и придают ложу реки смолянисто-воде черный цвет.

<sup>53</sup> Самурзаканский и Кодорский уезды.

смотря на деспотизм, пользовался определенным уважением, благодаря древности своего рода, правившего краем с пятнадцатого века, русскому правительству стоило большого труда усмирить этот горский народ, энергичный, цельный и непросвещенный, испытывающий естественное отвращение к введению нового режима, и рассматривающий всякую работу или торговлю как бесчестье. Когда в этих местах проводили индо-британскую телеграфную линию, труднее всего было найти местных рабочих. Не так давно, когда глава округа взялся строить дорогу близ Очамчиры, крестьяне наотрез отказались выполнять земляные работы, заявив, что они копают землю только затем, чтобы похоронить умерших. Однако они согласились рубить и свозить лес, необходимый для постройки мостов.

Система неограниченного военного правления, которой, как я говорила, подчиняется Абхазия, не призвана ускорять развитие в этом краю ростков цивилизации и еще менее — духа промышленности и торговли. Вся торговля здесь сосредоточена в руках греков и главным образом турок, которые экспортируют то через Батум, то через Трапезунд кой-какую местную продукцию: кукурузу, воск, мед, орехи и древесину. Добавим, что небольшой пароходик Русской судоходной компании совершает регулярные рейсы между Сухум-Кале и Очамчирой. Это наилучший путь для путешественника, желающего попасть из одного пункта в другой. Морской переход занимает около шести часов, тогда как по суше добираться гораздо дольше.

В мае 1876 года я добиралась из Сухум-Кале в Очамчиру морем. Когда на заре я сошла на берег, меня проводили к тому самому мингрельскому купцу Баркалаеву, чей дом стал историческим, благодаря проживанию в нем турецкого паши во время войны.

В то утро я увидела все семейство, только что вставшее с постели. Никогда не забуду, какое впечатление произвел на меня интерьер дома этого князя местной торговли. В нем царили беспорядок и грязь, типичные для Абхазии. Особенно чудно выглядела общая комната: родители и дети, куры и петухи, собаки и кошки — все были собраны вместе. Она напомнила мне уголок Ноева ковчега, как я его себе представляю. Но эта примитивная простота ничуть не ме-

шала главе семейства оказывать гостеприимство и никоим образом не охлаждала готовность гостей им воспользоваться.

Прошлой осенью, во время моего вторичного визита в Очамчиру я была приятно удивлена встрече со старыми знакомыми.

У проезжего путешественника нет времени узнать, не сменится ли приветливая улыбка, с которой его встречают, недовольной гримасой, если он зайвится еще раз. Я же испытала удовлетворение, когда люди, сердечно принимавшие меня ранее, встретили меня как старого друга. Среди них я должна упомянуть главу Очамчирского округа и его жену. Когда я прибыла (на сей раз на лошади), они дружески вышли мне навстречу и предложили свой дом в качестве главной ставки. Как говорится, нет худа без добра. Разрушение старого поселка способствовало тому, что жители выстроили новую Очамчиру, больше и лучше прежней. Базар и общественные здания стали просторнее. Дома приняли более привлекательный вид.

Дом главы округа, глядящий на море, один из самых красивых. Базар раскинулся в другой стороне. На самом берегу поднимается дозорная вышка, которая служит маяком для мореплавателей. Рядом, у ее подножия, стоит домик, занятый местными плотниками-турками. Я пожелала их сфотографировать и уже собрала их в группу (в которой был колоритный старик, вязавший чулок), как вдруг появился мулла и приказал всем встать, напомнив, что по правилам их религии они не должны позволять делать с себя портреты.

Из Очамчиры, моего наблюдательного центра, я делала вылазки по окрестностям, совершая увлекательные экскурсии. Меня сопровождал русский офицер, уже бывший моим чичероне в мой первый приезд, и которого я нашла таким же учтивым и приветливым, как и раньше. Его знание края и местного языка мне очень пригодилось. С нами был и один чапар, нагруженный моим фотографическим багажом. Благодаря любезности этого офицера, г-на В. С., я смогла посетить многие интересные места на Черноморском побережье.

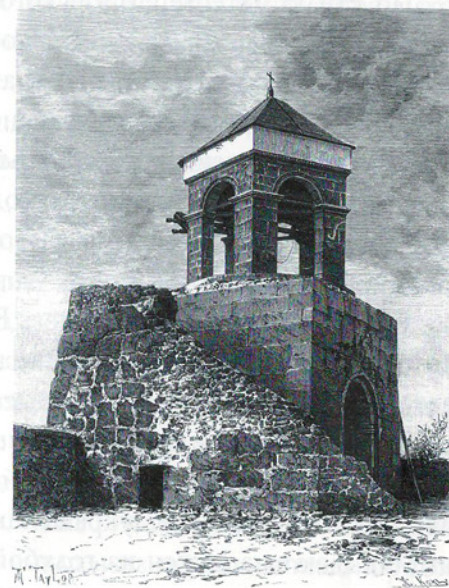
Одно из них — бухта Дгамыш, в которую впадает одноименная река между Кодором и Очамчирой. Эта бухта, откуда открывается

великолепный вид, образует правильный полумесяц. Окружающие ее равнины очень любимы пастухами. Они пригоняют сюда многочисленные стада, для которых здесь находится и водопой, и отличные пастбища.

По пути я останавливалась недалеко от бухты, там, где находится пост чапаров, в небольшой хижине, сплетенной из веток рододендрона. Ветки этого кустарника высоко ценятся за их прочность. Меня заверили, что хижина, в которой я находилась и которая на первый взгляд показалась мне очень хрупкой, могла устоять перед непогодой в течение полувека. В подтверждение мне привели несколько примеров. Рододендрон очень распространен на Кавказе. В минувшем ноябре я видела кусты всевозможных оттенков в полном цвету.

Почти в восьми верстах от Очамчиры находится храм, который в суеверных умах местного населения пользуется особой славой. Это Илорская церковь, некогда место частого посещения паломниками. Чтобы туда попасть, надо пересечь равнину, тянущуюся до реки Галидзга, затем преодолеть эту реку вброд, поскольку мостов там нет.

Перейдя на другой берег, вы оказываетесь на территории Илорской общины. Дорога становится отличной: это военная дорога, проложенная для связи Окума с Самурзаканом. Слева и справа от дороги богатство растительности и великолепие деревьев контрастируют с бедностью рассеянных тут и там жилищ. Окруженный стеной храм стоит в центре широкой равнины. Рядом с входом находится небольшая ниша с изображением святого Георгия, покровителя церкви.



Колокольня Илорской церкви

На старой медной треноге кружка для пожертвований: разбитая крышка и отсутствие запора свидетельствуют, что сюда уже давно никто ничего не опускал. Церковь кажется более древней, чем колокольня с башенкой в хорошем византийском стиле<sup>54</sup>. Огибающая стену лестница из двадцати шести выщербленных ступеней ведет в башню, прорезанную пятью романскими арками, в которых еще висят, немые и неподвижные, пять больших бронзовых колоколов, один из которых носит имя Шервашидзе<sup>55</sup>. Внизу, рядом с церковью, видно кладбище, необычайно печальный клочок земли, где лишь холмики без цветов и венков указывают места упокоения усопших.

По стилю интерьер Илорского храма напоминает мингрельскую церковь Мартвили<sup>56</sup>: как и эта последняя, он имеет своды в форме византийского креста, а на стенах сохранились остатки фресок. В храме, неоднократно разграбленном турками, которые сняли входные двери, украшенные серебряными пластинами, и увезли множество других ценных предметов, сегодня можно видеть лишь голые стены, покрытые зеленоватыми разводами сырости и плесени.

Иконостас, который, как говорят, был украшен фигурами с вставками из самоцветов, исчез. На его месте находится ширма, на которой грубо нарисованы лики святых. По сторонам два маленьких алтаря, напоминающих туалетные столики и украшенные старенькими покрывалами из красного кашемира, вышитыми женой последнего аха. На левом — очень древний образ святого Георгия, под ним — два золотых кинжала, украшенных камнями, их ржавые клинки выглядывают из ножен на голубой бархатной ленте, расшитой рубинами. Говорят, это оружие — подарок одного мусульманского

<sup>54</sup> Древний Илорский храм был разрушен в 1638 году и вскоре заново отстроен из руин. Словом, современная церковь не является памятником глубокой древности и не соответствует типу и стилю средневековой абхазской архитектуры.

<sup>55</sup> Примерно в 1858 году владетельный князь Абхазии Михаил Чачба-Шервашидзе отремонтировал Илорскую церковь и церковную ограду и помог с утварью. Возможно с этой княжеской благотворительностью и связано появление в Илорской церкви колокола по имени Шервашидзе.

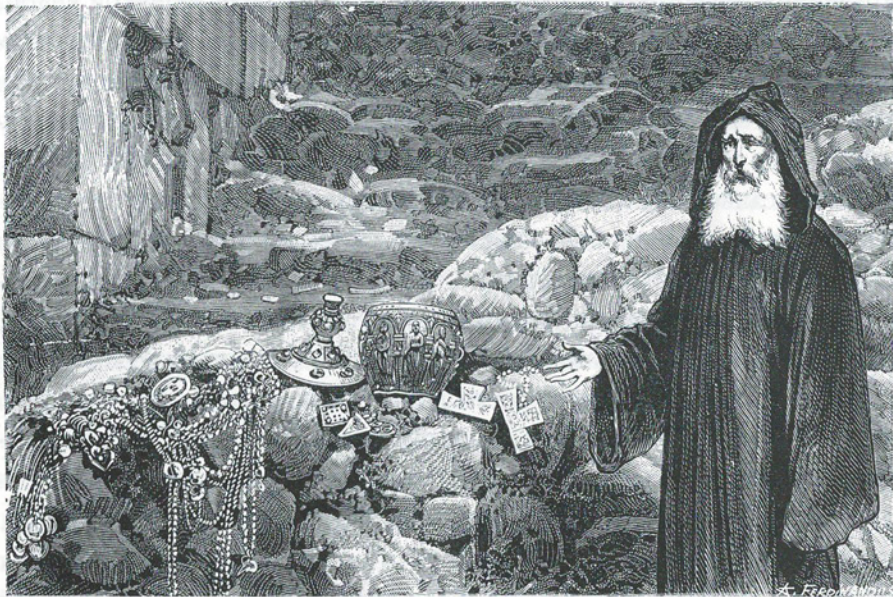
<sup>56</sup> Названные храмы с точки зрения церковного зодчества не имеют между собой ничего общего: они относятся к совершенно разным типам. Достаточно отметить хотя бы то, что храм в Мартвили — купольный, а Илорская — простейшая однозальная постройка с двускатной крышей.

начальника, явившегося чтобы ограбить храм, но остановленного чудом святого мученика. Упомянем еще одно сокровище ризницы, обетные дары, всякие старые предметы, собранные в грубом деревянном ящике, где наряду со стремением, кнутом, конской уздой, можно видеть разнообразные кольца, монеты, несколько старинных украшений и даже роговые ложечки, чтобы есть простоквашу. Все эти предметы — почтительные дары верующих, просивших помощи у святого.

Своей славой Илорская церковь обязана чуду, которое на протяжении веков повторялось каждый год в канун праздника святого Георгия. В этот день, 9 ноября (по греческому стилю), из моря выходил бык с золочеными рогами, и не известно как проникал в храм, двери которого перед этим тщательно запирались так, чтобы никто не мог туда войти до завтрашнего дня. Облако дымки, десятикратно за ночь обволакивавшее храм, возвещало верующим о явлении чудесного животного. Если небесная дымка не показывалась, это означало, что святой Георгий отказывал в своем покровительстве. Утром священник входил в церковь в сопровождении важнейших лиц края и приближался к быку. Если тот брыкался, это был дурной знак, если, наоборот, вел себя спокойно, можно было рассчитывать на благоприятный и счастливый год. Священное животное забивали как жертвоприношение, но его не съедали: кусочки мяса раздавали верующим, которые хранили их как реликвию или чудесный амулет от дурного глаза. К несчастью, уже несколько лет напрасно закрываются в определенный день выходы из церкви, и люди проводят бессонную ночь в ожидании. Никакое облако не сходит с небес и никакой бык Апис не проникает тайно через стены, чтобы предстать перед жертвенным мечом. Как говорят местные жители, святой Георгий перестал желать блага этому краю, и было подмечено, что это произошло после того, как один турецкий паша останавливался в храме и осквернил его\*.

\* На самом деле, чтобы избежать слишком больших скоплений народа, которые могли бы нарушать спокойствие, власти давно запретили появление священного быка в Илори.

В ноябре 1881 года Илорская церковь реставрировалась. Когда я туда приехала, то увидела разбросанные по земле предметы, составлявшие ее сокровища. Священник Сосим Хелая помог мне их



Священник, показывающий сокровища Илорской церкви

собрать. Каково же было его изумление, когда он увидел, что я раскладываю эти обетные дары на стене у подножия колокольни, чтобы их сфотографировать, и прошу его попозировать рядом с ними. Здесь вы видите репродукцию этого снимка.

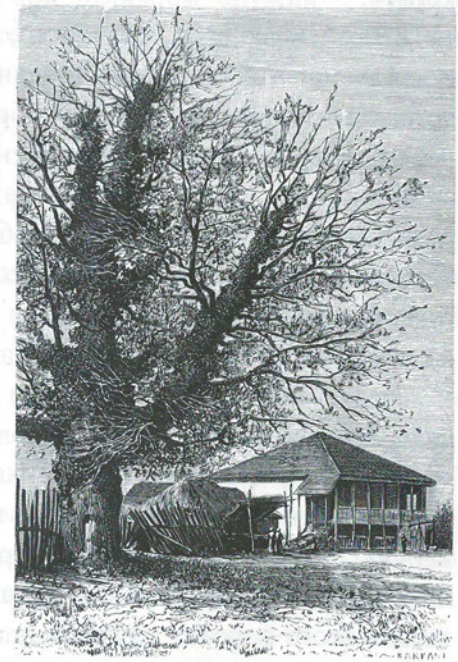
Когда я закончила свои манипуляции, старый священник убрал в какой-то закуток эти ничтожные предметы, составлявшие богатство вверенной ему церкви. Его удивление все росло, оттого что я придавала такое внимание запечатлению этих маленьких реликвий, имевших для меня ценность в виду своей наивной оригинальности и большой простоты. Затем, указывая на свой дом, стоящий против церкви, священник пригласил меня отдохнуть у него. Этот довольно приличного вида дом находился в тени великолепного дерева, покрытого роскошной зеленой листвой, несмотря на позднюю осень.

В этом жилище царил некоторый комфорт, и оно имело гораздо более процветающий вид, нежели храм, обслуживаемый этим сельским священником. Он угостил меня мамалыгой, изюмом и отличным вином — плодами принадлежавших ему полей и виноградников.

Но вернемся к Илору: это новое, радующее глаз селение, расположенное на одноименной реке и насчитывающее около двух тысяч дворов. Жилища здесь просторные, окруженные большими участками земли. От старого поселка, находившегося неподалеку от монастыря, почти ничего не осталось.

Ночь я провела у вдовы одного из тех абхазских дворян, чьи благородные титулы, как я уже говорила, записаны лишь в памяти стариков. И поскольку тогда как раз проходил раздел земли, хозяйский сын, служивший милиционером у главы Очамчирского округа, совершал объезд родного края с тем, чтобы народ признал в нем отпрыска аристократического рода. В доме присутствовал относительный комфорт. Усадьба, управляемая с умом, процветала, и молодой человек, несмотря на почти обязательные лохмотья, выглядел очень неплохо.

Старая дама, хоть и не имевшая другого потомства, кроме сына, тем не менее была окружена несколькими молодыми девушками, своими питомицами, которые называли ее матушкой; она занималась их воспитанием. В этих краях очень часто родители доверяют третьим лицам заботы о воспитании собственных детей, забирая их лишь перед вступлением в брак, вознаграждая тех, кто взял на себе столь дорогостоящее опеку, преподнесением в дар коней, скота или земли. Хотя вопрос



Дом илорского священника

о вознаграждении иногда вызывает споры, тем не менее этот обычай способствует установлению между семьями, вне всяких родственных связей, тесных и сердечных отношений, которые зачастую оказываются сильнее, чем кровные узы. Но самое священное братство у абхазов, как и у мингрелов, создается вскармливанием одной грудью. Не только кормилица рассматривается как вторая мать, имеющая в семье свою долю авторитета, но и ее дети стоят на равной ноге со своими молочными братьями и сестрами благородных кровей.

В этом краю, где земледelec, не имея права обладать недвижимостью, мог в любой момент, единственно по капризу аха, оказаться согнанным с поля, которое он обрабатывал, жители привыкли легко переносить свои пенаты с места на место и видеть в своем жилище лишь временное пристанище. Еще и теперь, если перестала нравиться местность, или здесь умер любимый родственник, или суеверный абориген связывает с этим местом какие-то несчастья, быстро принимается решение о переезде и так же быстро осуществляется. Дом, сделанный из переносных частей и деталей таким образом, что остается только снять крышу из осоки, плетеные стенки, опорные сваи и погрузить все это на быков или лошадей вместе с немудреной обстановкой, деревянными скамьями, матрасами, подушками, одеялами, очажной цепью и котлом, включая национальную гитару (абхерца), путешествует вместе с переселяющимся семейством. Это, несомненно, очень удобная и привлекательная сторона примитивной жизни этого народа, который, в отличие от нас, не является рабом комфорта, не знает излишеств, этих «столь необходимых» для цивилизованного человека вещей, и чувствует себя полностью удовлетворенным, если имеет утварь, соответствующую его каждодневным потребностям. В дороге пристанищ хватает. На ночь животных пускают пастись в загон, иногда даже не расседывая, а на заре караван переселенцев снова пускается в путь по горам и долам.

В одной из моих поездок по окрестностям Очамчиры я с удивлением встретила армянскую семью, возвращавшуюся в Грузию, откуда я приехала в Абхазию, после того, как здесь улеглись волнения.

Армяне, как известно, обладают талантом к торговле. Поэтому они съехались в Очамчиру, как только там начались восстановительные работы. Занимаясь всеми видами торговли, беря на себя любые поставки, они зарабатывали довольно значительные суммы и потом возвращались домой. Семью одного из этих торговцев я и встретила по пути, на берегу реки, где мы остановились позавтракать.

Перед тем как трогаться в путь, я попросила у них позволения сфотографировать их кортеж: поместь нищеты и богатства. Глава семьи, на коне, хорошо одетый и при отличном оружии — редкий случай у армян, которые обычно не вооружены. На шею своего коня он заботливо привязал чонгури, национальный инструмент вроде гитары, который можно увидеть и у бедных и у богатых, и звуки которого то оживляют праздник, то служат снотворным для больных.

Армянин, о котором я говорю, играл на чонгури, чтобы унять крики своего наследника, который, держась за материнскую юбку, позволял себя тащить. Этот непослушный ребенок не желал ни идти сам, ни садиться в арбу (повозку), куда его звал слуга, выполнявший по местному обычаю обязанности няньки. Рожица этого юного азиатского отпрыска под большой папайхой, составлявшей всю его одежду, напомнила мне о происхождении человека по Дарвину. Плодовитость его матери не оставляла никакого сомнения, так как, кроме младенца в пеленках, которого она укачивала на руках, еще один сидел у нее на плечах, и его неумолчный смех вторил плачу его братца. Женщина что есть мочи пронзительным голосом распевала жалобную армянскую песню, гортанные звуки которой не прибавляли гармонии этому столь разнообразному семейному концерту, который продолжался, пока они мне позировали, и отголоски которого я еще долго слышала вдалеке, после того, как они тронулись в путь. Костюм этой образцовой матери в отношении чистоты оставлял желать лучшего, но это небрежение было простительно при данных обстоятельствах. Она не носила грузинскую тасакраву (повязку) с вуалью. Ее прекрасные черные волосы падали мелкими косицами на плечи, покрытые шелковым платком с яркими цветами. На ее шее, запястьях и талии были надеты украшения большой художест-



Армянская семья возвращается в Грузию

венной ценности. Эти дорогие предметы составляли особый контраст с нищенской обувью их обладательницы.

Слева от нее шла старшая дочь, бедно одетая и нагруженная какими-то пожитками. За этой семейной группой ехала арба, запряженная двумя могучими буйволами, которыми правил молодой слуга, по мере надобности, с типичным для армян добродушием и терпением, выполнявший самые разные обязанности: возницы, повара и т.д., и даже няньки и воспитателя маленького крикуна, которого он постоянно ласково успокаивал, без особого, правда, успеха.

На арбу были нагружены предметы первой необходимости для путешествия. На самом верху находился котел для варки кукурузы. С одной стороны висел бубен, обязательный инструмент, имевшийся в каждой семье, бедной и богатой, служивший для сопровождения национальному танцу лезгинке.

За этим примитивным экипажем шагал слуга, тоже в большой папахе и в бурке. Он вел на поводу двух лошадей, нагруженных многочисленными узлами с постелью и другими предметами, необходимыми при устройстве кавказского жилья.

Во время моего первого посещения я побывала в Мухури, чтобы посмотреть винные погреба, принадлежащие князю Анчабадзе.

Между Илором и этим самурзаканским селением лежит уединенная равнина, прорезанная только тропками и поросшая дикими травами. В то время там прокладывали мощеную дорогу на Сухум-Кале, главный город Абхазии. По доброй воле или насильно, но на этот раз аборигенам пришлось оказать бесплатную помощь работам. Рядом течет Охурей, пограничная река между Самурзаканом и Абхазией, неподалеку от станции чапаров находится холодный родник, прозрачная вода которого, бегущая среди высоких папоротников, несет всей округе постоянную свежесть. Именно там я ожидала сменных лошадей, за которыми, как всегда, пришлось посылать людей в соседний лес на пастбище. Выехав из Илора на восходе солнца, к середине дня я прибыла в Мухури и остановилась у одного родственника того самого князя Анчабадзе, о ссоре которого с Дадияном

Мингрельским я уже рассказывала. Его усадьба выглядела очень неплохо, с обширным садом, ухоженными виноградниками, с уходящими вдаль грабовыми аллеями, с марани (погребом), изобилующим полными амфорами, помимо выстроившихся вдоль стены бочек, на которых можно было по-русски прочесть этикетку: «Изабелла». Это отменное легкое вино розоватого оттенка делается из винограда, растущего в окрестностях Одессы. Мой хозяин, случайно найдя у себя в Мухури бочку, налил в нее этот новый напиток, одновременно наполнив им амфору, чтобы посмотреть, какой из двух способов хранения окажется лучше, ибо князь был гурман и передовой человек. Пальма первенства досталась бочке. С тех пор сообразительный самурзаканец хранит свой любимый напиток только в винных бочках.

Непредвиденный инцидент задержал меня на несколько часов в Мухури. Единственная дочь князя, очаровательная пятнадцатилетняя женщина, всего две недели как вышедшая замуж, страстно желала получить мое дорожное платье, а взамен предлагала отдать мне самый красивый туалет из своего приданого.

Напрасно я объясняла ей, что не смогу в парчовом платье с длинными рукавами и глубоким вырезом на груди лазить по горам, — все было тщетно. Она примерила мое платье, которое пришлось ей впору, и не хотела его снимать. Я предложила сделать ей такое же, если у нее найдется ткань; она запрыгала от радости, что будет одета мною. Тут же был послан слуга, вернувшийся с куском красной хлопчатобумажной материи в крупный рисунок. Я скроила платье фасона «принцесса»\*. Женщины помогли мне его сметать. Я примерила платье на нее, оно так хорошо облегло фигурку моей юной заказчицы, что даже знаменитый Уорт\*\* пришел бы в восхищение.

Из Мухури военная дорога, построенная русскими солдатами, ведет в маленькое село, которое носит название «Каштановый

\* Длинное, приталенное, расклевенное книзу платье (прим. пер.).

\*\*Шарль-Фредерик Уорт (1825–1895), знаменитый французский портной английского происхождения (прим. пер.).

мост», на местном языке Чубурис-хиндже<sup>57</sup>. Моста уже нет, он был снесен бурным течением. Дом, в котором я остановилась на ночь, принадлежал одному из самых богатых местных князей. Он ничем не походил на те плетеные лачуги, в которых я привыкла останавливаться. Это была красивая трехэтажная постройка с двойной лестницей, ведущей на непременною веранду. Едва мы спешились, как толпой набежала «свита» подхватить под уздцы наших коней, и сам князь вышел нам навстречу с приветствием. Доносящиеся из дома аккорды гитары, сливающиеся с женскими голосами, выдавали присутствие прекрасного пола. Я заранее радовалась, входя в этот красивый дом. Но каково же было мое разочарование, как только я переступила порог! Этот дом, такой привлекательный снаружи, внутри оказался скопищем жуткой грязи, и что хуже всего, дамы были ему под стать. Несмотря на молодость, кожа их была увядшая, чего не могли скрыть обильные румяна, лежавшие на щеках слоем штукатурки. Одетые более чем небрежно, они стояли, подпирая грязную стенку, которая от соприкосновения с их нарядами наверняка чище не становилась. Мне трудно было поверить, что эти замарашки тоже княжны.

Ужин, которым угостил меня хозяин, не уступал всему остальному по степени неопрятности.

Князь, однако, приобрел кое-какой налет цивилизованности в России, куда он неоднократно высылался за конокрадство. Говорят, этот бессовестный барышник держит в своих владениях самые прекрасные образцы конской породы, какие есть в стране. Кроме того, у него имеются плантации хлопка, льна, конопли, ржи — всех культур, которые возделываются в Самурзакане, но, повторяю, не в Абхазии.

Недалеко от «Каштанового моста», на горе Сатанджо находится крепость Аттанджело, о которой упоминалось выше.

Во время моего первого пребывания в Абхазии летом 1876 года Очамчира была моим главным лагерем, как и прошлой осенью. Глава

<sup>57</sup> Чубурхинджи.

округа, гостьей которого я тогда была, сделал все возможное, чтобы показать мне край, сочетая приятное с полезным.

Верховые прогулки с пикником были очень популярны, как мы уже видели. Специально для меня организовали несколько таких увеселительных вылазок. Так что большую часть моих экскурсий я провела в многочисленной компании. Для жителей это было развлечение.



Интерьер дома моквского священника

Одной из наиболее любимых конечных целей таких вылазок была Моква, бывшая летняя резиденция последнего аха, расположенная в пятнадцати верстах от Очамчиры на реке Меркула, которая в этом месте называется Моква. Она берет начало на горе Панара<sup>58</sup> в шести верстах отсюда, возле села Гуп, и впадает в море в четырех верстах

<sup>58</sup>Очевидно – Панав.

от Очамчиры, поблизости от селения Ораду<sup>59</sup>, орошая на своем пути великолепные леса из липы, дуба, самшита и платана и поля, в которых кукуруза достигает небывалой высоты.

Дорога, ведущая в Мокву, до половины пути идет вдоль берега Черного моря. Местами приходится переезжать вброд небольшие озера, по берегам которых спокойно и сонно копошатся черепахи.

Я уже описывала пестрые и в чем-то карнавальные костюмы, в которые любят наряжаться местные наездники. Здесь в Абхазии мужчины носят черкесский костюм, получивший распространение на



Княгиня и ее сестра, предлагающие воду и полотенце г-же К. Серене в Мокве

всем Кавказе. Только они заменяют черкесскую шапку башлыком (по-абхазски ахуртапа<sup>60</sup>), сделанным из грубого коричневого сукна, из нее же сшита одежда с карманчиками для патронов (акумжу) и узкие штаны со штрипками (адзикуа). Что касается рубахи с рукавами (акаба), которая надевается под акумжу, то она делается из свет-

<sup>59</sup>Правильней Араду – Большой орех (абх.).

<sup>60</sup>Правильней – ахтарпа.

лой или белой хлопчатобумажной ткани. Кожаные носки (амест), доходящие повыше щиколотки, заменяют чулки; и, наконец, из обуви они носят легкие туфли без подметок, с острыми носами, которые называются эйма<sup>61</sup>, а для верховой езды еще и кожаные гетры. Все эти предметы, повторяю, сделаны руками женщин. Эки-



Моквский собор и развалины колокольни

пировку дополняет оружие, как правило, в плохом состоянии. У представительниц слабого пола, как я уже говорила, нет национального костюма, и только головной платок с белой вуалью и свешивающиеся на спину косы придают им некоторое своеобразие.

Наша кавалькада была просто блестящей, поскольку организованная властями края. Все население Моквы, около шестисот душ, выстроилось нас встречать двойной шпалерой: мужчины — с одной стороны, женщины — с другой. Обед состоялся в усадьбе местного священника, куда еще накануне легион поставщиков, поваров и по-

<sup>61</sup>Правильней — аймаа.

варят свезли и готовили на зеленой поляне тысячи разносолов для колоссального пиршества жданных гостей.

Священник, на которого по этому случаю свалились тяжелые обязанности метрдотеля, был почтенного вида старик в темном костюме и, что является редкостью среди мингрельского и грузинского духовенства, имел определенное образование. У него имелись книги, а на стенах его скромной комнаты рядом с портретами различных царей висели литографии, вырезанные из каких-то журналов, представлявшие Гете, Шекспира, Мандзони, Бетховена и Гарибальди.

Сервированный по-европейски стол вызвал восторг аборигенов, которые никогда не присутствовали на таком пиру. Устроившись возле стены в обычной для абхазцев позе — в одной руке кнут, другая на кинжале, — эти бесхитростные горцы демонстрировали живейшее удивление при виде стольких новых для них вещей. После того как приезжие гости отобедали, глава Очамчирского округа, бывший хозяином праздника, пригласил за стол остальных присутствующих. Согласно местному этикету сначала угощали князей, затем дворян, затем всех дам из их семей, а после них служанок, работниц и крестьянок. Затем последовали мужчины того же сословия, и в последнюю очередь — местная домашняя прислуга. Все эти гости, какую бы ступень они не занимали на социальной лестнице, испытывали одинаковую неловкость перед новой для них сервировкой, и каждый первым делом отодвигал подальше столовый прибор и салфетку, чтобы поесть с привычными для себя удобствами.

Время, прошедшее с момента этого праздника, данного в мою честь (1876 г.), было неблагоприятно для края, потому что в течение всего последнего восстания Моква\*<sup>62</sup> была театром кровопролитных боев между абхазами. Мне показали равнину, на которой Хирибс Маршани, глава мятежников, был взят в плен (21 июня 1877 г.) своим дядей Григорием Шервашидзе, генералом, служившим России. Перед этим мятежник, во главе значительного отряда, разорил Мок-

\* Мок по-абхазски значит «дождь». Считается, что название Моква (дождливое место) было дано этой местности из-за часто идущих там дождей.

<sup>62</sup>Данное объяснения названия Моква не является научным.

ву и разграбил церковь и дом священника. К моменту моего возвращения (1881 г.) старый священник умер. Меня так же хорошо принимал его сын, который продолжал жить в сильно поврежденном отцовском доме, отремонтировать который, как он говорил, у него не хватало средств, несмотря на то, что он был самой важной персоной во всей округе.

В вечер моего приезда Моква выглядела весьма печально. Шел проливной дождь.

Мой хозяин и его жена, княжеская чета, сделали все возможное, чтобы спасти меня от ненастья в почетной комнате. Первой их заботой было заткнуть дырки, оставшиеся в стенах от выстрелов повстанцев в 1878 году.

Для этой цели они использовали баранью шкуру, разрезав ее на кусочки. Чтобы высушить мою одежду, был разведен большой огонь. Эти ночные заботы не дали мне выспаться, так как отняли добрую часть ночи. На досуге я предавалась размышлениям о нестабильности человеческого существования, сравнивая радостное прошлое в Мокве с печальным настоящим.

Следующий день выдался таким же непогожим.

С нетерпеливым отчаянием я ждала первого луча солнца, чтобы сфотографировать самые колоритные фигуры, которых вокруг было множество.

Это было воскресенье, день, когда окрестные жители приезжают поговорить о делах со старшиной. Поскольку сын покойного священника был самым значительным лицом в селении, то на обед все собрались у него. Я присутствовала при приготовлениях. По решению общины был забит бык.

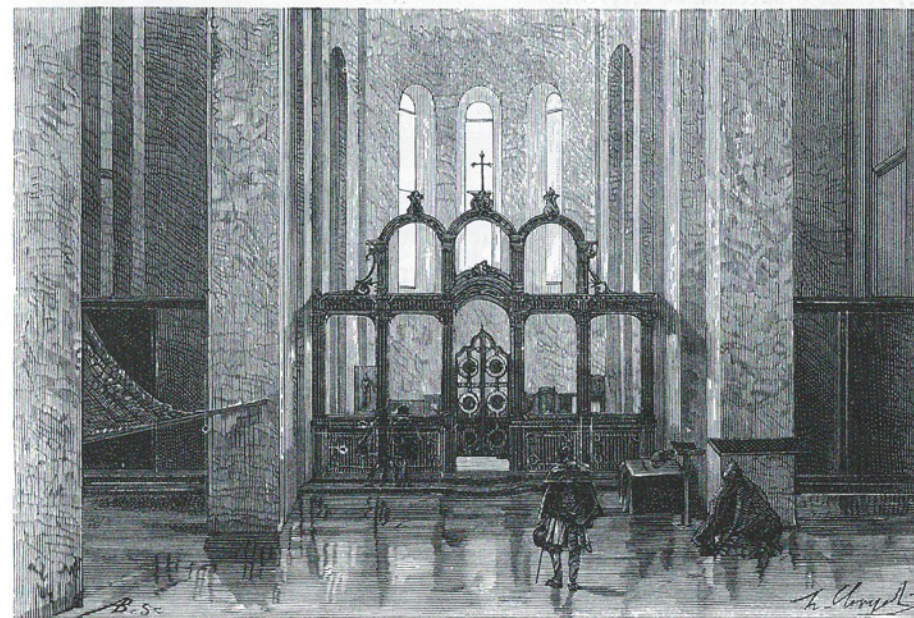
Бойней служила поляна. Несколько человек освеживали животное, разрезанное пополам. Одна половина, выпотрошенная, вычищенная, насаженная на вертел, то есть на крепкий сук, жарилась на костре. Несколько человек, сидя на корточках следили за приготовлением этого вкусного жаркого, привлекательный запах которого добирался и до моей комнаты, вызывая желание попробовать этот аппетитный ростбиф.

Урожай винограда был только недавно собран, и мне довелось наблюдать, как его выжимают.

Несмотря на дождь, мне удалось сфотографировать дом моего хозяина, куда собрались его гости. По обычаю хозяйки дома подносят важным гостям воду и полотенце для совершения туалета. Княгиня и ее сестра послужили мне камеристками. Дамы вообще стараются сделать все, чтобы быть приятными и развлечь гостей. То одна запекает, аккомпанируя себе на национальном инструменте, то они вместе исполняют хоры. Эти жалобные песни не кажутся мне гармоничными.

Сын старого священника не пошел по пути отца. Он стал торговцем и владельцем местного духана, заведения, с которым мои читатели уже знакомы, и которое предлагает разнообразные услуги местным жителям и в особенности путникам.

Нынешний священник, ставший моим чичероне, является моковским грузином. Во время войны он обслуживал одну поселковую церковь, где из-за фанатизма местных жителей жизнь его и его



Иконостас Моквского собора

семьи подвергалась большой опасности. Он мне рассказал, как спасся благодаря изобретательной хитрости.

Он уже отправил в безопасное место семью со слугами и ждал только подходящей okazji, чтобы присоединиться к ним. Поскольку okazия не представлялась, он ее создал сам.

Одним прекрасным утром он позвал самым ярым местным мятежников и показал им письмо с большой печатью, якобы только что конфиденциально полученное им из Тифлиса, в котором сообщалось, что подписан мир и что во всех населенных пунктах у священников будут собирать сведения о поведении жителей. Естественно, сказал он, он даст самые лестные отзывы обо всех присутствующих. Именно для этого он собирается ехать в Тифлис, откуда вернется вместе с семьей. Он также рассчитывает с арбой, на которой уехали его слуги, привезти много новых вещей, и добавил, что продаст по дешевке те, что имеет. Абхазы поверили в обман. Они раскупили все, от чего священник хотел избавиться, и, чтобы заручиться его благорасположением, даже одолжили ему коня, так как своего он отослал с верховым слугой.

На следующий день, когда он скакал в сторону Мингрелии, где укрывалась его семья, восставшие абхазы помогли туркам ворваться в Сухум-Кале и разорить его.

Этот священник рассказал мне про Моквский монастырь, имеющий достаточную известность, поскольку это один из древнейших монастырей Абхазии. Его церковь, как и Бедийская церковь в Самурзакане, раньше была местом пребывания богатейшего епископства. У подножия развалин течет Меркула или Моква. Во дворе перед зданием храма растет древний каштан. От его ствола, оплетенного гигантским плющом, ответвляются ветки величиной с дерево. От купола колокольни осталась великолепная арка, в щелях которой растут всевозможные дикie растения. Церковь реставрировалась в 1861–63 годах, и каменно-серый цвет, в который ее покрасили, жалко смотрится рядом с прекрасным естественным оттенком руин. Колонны перистилия, побеленные известью, еще больше подчеркивают этот досадный контраст. Здесь нанесен тот самый

ущерб вкусу и гармонии, которые, как говорится, «царапают» глаз. Заново был оштукатурен и интерьер церкви. Не только остатки мозаик и фресок исчезли со стен, грубый камень заменил беломраморные плиты, устилавшие некогда пол и местами еще видные. Во дворе валяются обломки резных колонн, свидетельствующие, насколько более развитым было искусство во времена постройки храма. Что касается иконостаса, то, как и в Илоре, это всего лишь ширма с грубо намалеванными образами.

Моквский храм, в котором находится могила последнего аха рядом с могилами его жены и дочери, не обладает никакими сокровищами. Из древностей здесь имеется лишь одна небольшая икона с грузинской надписью, изображающая сцену из Евангелия. Она была найдена в реке Дуаб, притоке Меркулы. К церкви примыкало большое трехэтажное здание. Это, несомненно, и был монас-



Руины моквского кладбища

тырь. Теперь он разрушен. Напротив находятся руины епископского дома с остатками колокольни. И, наконец, неподалеку при раскопках были найдены остатки нескольких домов и старинной церкви, заставляющие думать, что некогда этот край был обитаем неким цивилизованным народом, имя которого не сохранилось в истории.

На кладбище, вокруг развалин старинной церкви и возле новой, не видно ни одного из тех примитивных мавзолеев, которые мы уже описывали. Некогда стоявшие над могилами, они были разрушены, когда сами местные жители разорвали это священное место.

Осенью 1881 года я обнаружила новые руины рядом со старыми. Это был результат прошедшего здесь разрушительного восстания 1877 года. Но к великому удовлетворению жителей храм восстанавливается. Я даю здесь репродукцию интерьера церкви в момент, когда священник, за иконостасом, отправляет богослужение.

В окрестностях, так хорошо орошаемых Моквой, невероятно богатая растительность, а в горах прекрасные пастбища для скота. Только абхазские пастухи, люди крайне суеверные, решаются заходить далеко не во все уголки округи. Например, верстах в двенадцати от поселка, на границе с селением Чи-Лоу<sup>63</sup>, названным так по имени одного черкесского рода, устроившего здесь свои пенаты, есть гора, которая слывет убежищем злого духа: любая забредшая сюда скотина считается пропавшей. Это — Агарда, одна из вершин Панарского<sup>64</sup> хребта, откуда берет начало река Меркула. Высота ее около двух тысяч футов. Наверху находится восьмиметровая вертикальная скала со входом в пещеру. Входное отверстие имеет почти три метра в высоту и метр в ширину. Из подземелья вытекает ручей, называющийся Ачкитизгоу (река, выносящая навоз). Его вода заставляет крутиться стоящую на нем недалеко отсюда мельницу. Место, близ которого находится пещера, называется Скаршумула<sup>65</sup>.

Когда пробираешься в эту таинственную пещеру, приходится идти по колено в воде, а местами и по грудь, так что, чтобы ее обследовать, приходится ехать у абхаза на закорках. Ширина пещеры в разных местах разная. Есть места, где с трудом разойдутся два человека. Пол пещеры, уходящей вверх, до того неровный и местами скользкий, что приходится идти по руслу ручья. Высота тоже меня-

<sup>63</sup>Члоу.

<sup>64</sup>Панавского.

<sup>65</sup>Речь идет о пещере Абраскила. Согласно абхазского мифа богоборец Абраскил был наказан Богом за то, что дал людям огонь. В наказание он был прикован к столбу в этой пещере в селе Члоу.

ется: свод то поднимается на триста метров над головой, то, наоборот, можно пройти лишь согнувшись. С потолка свисают сталактиты самой причудливой формы, иногда образующие колонны по метру в обхвате.

Через три или четыре часа ходьбы со свечами или факелами добираешься до небольшого выступа, покрытого красноватой глиной, а затем к двум отверстиям, занавешенным сталактитами. Сбив эти каменные наросты, замечаешь входы в две галереи. Из одной бежит почти ледяная вода, из другой — наоборот, горячий источник.

Иностранцу, желающему, как я, посетить эту таинственную пещеру, необходимы надежные проводники и крепкие мужчины. Там бывает очень опасно. Зато нет ничего более фантастического, чем это путешествие в чрево горы при свете сорока или пятидесяти восковых свечей, которые превращают в маленькие солнышка капли воды, сверкающие на стенках, и бросают дрожащие отблески на мокрые колонны галерей: можно подумать, что находишься в индийской подземной пагоде, где зажжен огонь в честь бога Шивы. Добавьте к этому покрытые капюшонами головы абхазов, их сверкающее оружие, их лохмотья, в свете свечей кажущиеся покрытыми блестками, и вы легко представите, что эта прогулка способна поразить даже туриста, повидавшего немало других необыкновенных мест. И какое охватывает ощущение, когда, выйдя из этой холодной Тэнаре\*, вдруг вновь обретаешь и голубизну неба, и теплое дуновение зефира. Кажется, что ты буквально возрождаешься к жизни. Надо ли говорить, что местное население не любит забираться в это подземелье? Чаще всего только по распоряжению начальства они соглашаются сопровождать туда редких путешественников; для суеверных аборигенов темная пещера принадлежит к царству злых духов, в существование которых они верят, и одна мысль об этом наполняет их ужасом.

От горы Агарда до Очамчиры расстояние около тридцати верст. Этот путь приятно проделать вечером, при свете луны, когда рос-

\* Пещера Тэнаре в Лаконии на южной оконечности Пелопонеса считалась древними греками входом в Аид (прим. пер.).

кошный кавказский пейзаж тонет в прозрачной дымке, и поэтическая тишина окутывает уснувший лес. Это момент всеобщего покоя. Не слышно жужжания насекомых в траве и в томно склонившихся к земле кустах. Только светлячки (*lampyris italica*)<sup>66</sup> несметными роями летают вокруг по лесным лабиринтам, но ухо не воспринимает



Завтрак К. Серены в Кутоле

легкое трепетание их крылышек. Эти насекомые со светящимся брюшком высвечивают разом и стволы и самые верхние ветви деревьев. На их пути земля озаряется. Это похоже на блуждающие огоньки, которые ночью завладевают пространством и гаснут днем.

Местность приблизительно в десяти верстах от Очамчыры, где вьется Меркула, орошается еще одним потоком, более быстрым и глубоким — рекой Джукмур, через которую у впадения ее в Черное

<sup>66</sup>Светляки «загораются» лишь летом в пору сева и «гаснут» к середине июня.

море есть паромная переправа, поддерживаемая турками, живущими в двух хижинах на берегу.

Во время моего посещения прошлой осенью, я оказалась там на заходе солнца. Я остановилась перед хижинами перевозчиков, угостивших меня свежесобраным в соседнем лесу виноградом. Я приняла угощение и стала медленно его смаковать, так как глаза мои не могли оторваться от роскошного зрелища волн, ярко подсвеченных последними лучами солнца. Эти воды, как я их сейчас видела, должны были зваться не Черным морем, а Золотым.

## IV.

Панихида в Квитаули. — Кесария — великая княгиня. — Шервашидзе. — Отъезд в Атару. — Абхазия древняя и современная. — Имена Цкургили и Атара. — Старые леса. — Ночное плавание. — Город Сухум-Кале и его окрестности. — Келасури и его крепость. — Интернациональный завтрак. — Прибрежные экскурсии: Лыхны и Пицундская церковь; крепость Гагры; праздник в мою честь в саду-кладбище. — Заключение.

**Я** уже посетила очень интересную часть Абхазии, но мне еще оставалось познакомиться со многими ее странными обычаями.

Полученное мной приглашение присутствовать на траурной церемонии, которую кавказцы называют тирили<sup>67</sup>, позволило мне увидеть ее в другом аспекте.

Эта траурная церемония состоялась в Квитаули<sup>68</sup>, приблизительно в двенадцати верстах от Очамчиры, в родовом имении бывшего аха, нынешним владельцем которого является князь Григорий Шервашидзе, тот самый генерал на службе у русских, о котором я уже говорила.

В тот раз тирили отмечался в честь годовщины смерти его матери, покойной княгини Кесарии Шервашидзе, урожденной Дадиан, и двух других сыновей усопшей, умерших в разное время.

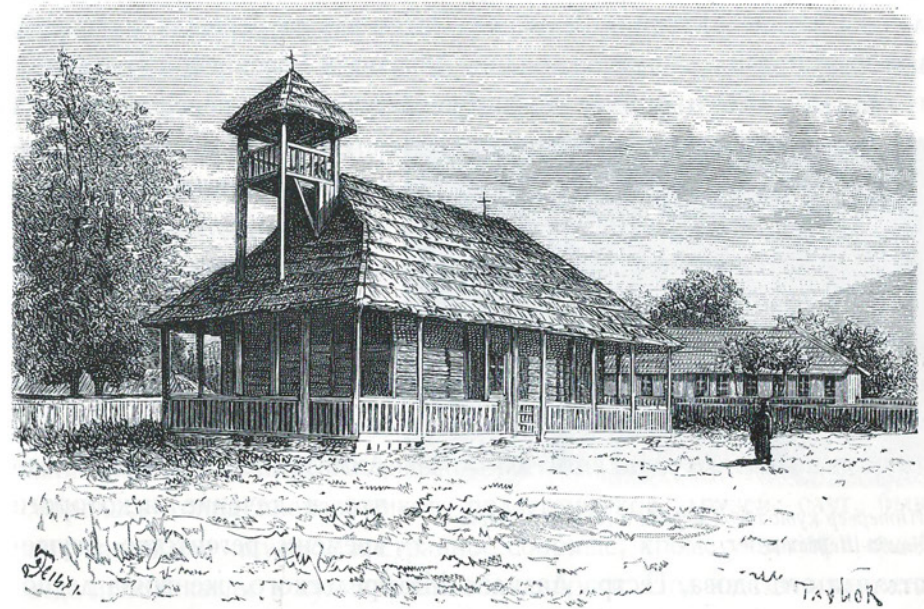
Мы уже видели, что правители Абхазии были по очереди то христианами, то мусульманами: отсюда смешанная религия в крае. При деде и отце Михаила, Келеш-Бее и Сафар-Бее, которые оба воспитывались в Турции, произошло усиление исламизма<sup>69</sup>. Затем Сафар-Бей, женившись на сестре Дадиана Левана, перешел в христианство, и под влиянием православных княжон из мингрельского рода

<sup>67</sup>Тирили — оплакивание покойника, а также плач на поминках (мингр.). Поскольку консультанты автора были чаще мингрелы, то и среди «кавказских» терминов в тексте чаще встречаются мингрельские названия.

<sup>68</sup>Кутол, абхазское селение, резиденция владетеля Абжуа, центральной области Абхазского княжества.

<sup>69</sup>Владетель Келешбей, в первые годы XIX в. принял тайно православное крещение. Георгий (Сафарбей) был крещен официально. А сын последнего Михаил и вовсе был активным восстановителем православия среди своего народа.

остальные ветви семейства, правящего в Абхазии, тоже отреклись от ислама. В их числе был и Александр Шервашидзе (его мусульманское имя Али-Бей), супруг княгини Кесарии.



Площадь и церковь в Кутоле

Поскольку разные ветви рода Шервашидзе постоянно конфликтовали между собой, то позднее между ними был произведен окончательный раздел края. При правлении аха Сафар-Бея его брат Хасан-Бей получил территорию от Сухум-Кале до реки Кодор, его кузен Али-Бей получил земли между Кодором и Охуреем. Будучи почти независимы в управлении своими наделами, оба князя признавали господство аха, резиденция которого находилась в Лыхны между Гудаутой и Пицундой<sup>70</sup>. В случае нападения извне они должны были выступить под его знаменами.

После смерти Али-Бея его вдова Кесария стала регентшей под протекторатом России. В течение двенадцати лет, до совершенноле-

<sup>70</sup>Такое разделение княжества на уделы существовало издревле.

тия своего старшего сына Григория (1838–1848), она осуществляла мудрое правление, стараясь посеять в краю семена цивилизации и в особенности способствовать установлению христианства. За эти усилия царь Николай наградил ее крестом, а от своего народа она получила звание «Кесария Великая». Затем власть перешла к ее сыну, который правил до присоединения Абхазии к Российской Империи.

Когда в 1837 году умер Хасан-Бей, его владения перешли сначала



*Интерьер куталской церкви и могила Кесарии Чачба-Шервашидзе*

к его сыну Саид-Бею (Димитрий Шервашидзе), затем к его внуку Георгию, которому до сих пор принадлежит большая их часть. Что касается аха Сафар-Бея, то после него осталось двое малолетних сыновей — Димитрий и Михаил, так что в течение некоторого времени регентство осуще-

ствляла его вдова, сестра Дадиана Мингрельского, женщина деспотичная и амбициозная. Ее старший сын Димитрий умер, провластвовав всего один год и так и не женившись. Его брата Михаила подозревали в отравлении, и эти подозрения, похоже, подтверждаются признанием, недавно сделанным на одре смерти (в апреле 1876 г.) преданным слугой князя Михаила, неким Кягурзой Чирикбаем<sup>71</sup>, в том, что он самолично поднес яд Димитрию. Как бы там ни было, Михаил-Бей, признанный царем Александром как ах Абхазии, правил до 1866 года. Я уже говорила выше, как он кончил.

Могила его отца Сафар-Бея находится в церкви села Лыхны, где он проживал, и которая была разрушена турками<sup>72</sup>. Али-Бей похоронен в Квитаули, где поныне живущий его сын Григорий по-

<sup>71</sup> Фигурирует в русских исторических документах под именем Кягуса Чирикба. Помещик, жил в селе Яштхуа, рядом с Сухумом. Постоянно наращивал свои наделы и увеличивал число подвластных. Был склонен к захватам и интригам.

<sup>72</sup> Ни могила владетеля, ни церковь турками не разрушались. Очевидно, путешественники ввели в заблуждение информаторы.

строил церковь, торжественное открытие которой было приурочено к тирили в память о его матери и двух братьях\*. Этот тот самый Григорий, который заслужил чин генерала во время последнего восстания, взяв в плен, как мы уже знаем, своего племянника Хирибса Маршани, главу партии мятежников.

Я провела целую неделю в Квитаули, где была гостьей князя Григория и его семьи. Я присутствовала при приготовлениях к церемонии, имевшей большое значение для поминовения памяти очень почитаемой княгини Кесарии. Я видела пролог и эпилог этого странного ритуала.

Не буду возвращаться к трагикомичным сценам этого торжественного плача, который я подробно описала в части, посвященной Мингрелии. Достаточно сказать, что театром для тирили послужила большая поляна с небольшим домиком напротив новой церкви, в котором некогда жил один из покойных князей. Перед этим полуразвалившимся жилищем, состоявшим всего из двух маленьких комнат, собралась толпа плакальщиков, родственников, друзей, слуг, бывших вассалов — шумное и странное сборище, кроме участия в панихиде исполнявшее и кулинарные обязанности. Под навесы из зелени на поляну выносятся столы для гостей. Под другим зеленым куполом, затянутым черной материей, стоят застеленные одеялами скамьи, на которых разложены одежды всех троих покойных. Этот специальный павильон плача предназначен для женщин из княжеской семьи, плакальщиц и плакальщиков. Здесь должны развернуться главные сцены поминальной церемонии.

Бог знает, сколько плакальщиков в лохмотьях, несмотря на дождь, — само небо присоединилось к церемонии, — собралось с утра на мокрой поляне! В семь часов первая трапеза — обязательный пролог траурной пьесы — была подана толпе статистов. Две пары крепких аборигенов приближаются, неся на плечах толстые палки с

\* Из уважения к памяти княгини Кесарии, глава мятежников Хирибс Маршани, который был ее внуком и воспитанником, запретил грабить Квитаули, как им были разграблены все владения, принадлежавшие представителям его рода, хранившим верность России. Мы уже знаем, что абхазы почитают связи между опекуном и воспитанником более священными, чем даже родственные узы (прим. автора).

двумя огромными котлами; в одном — кукурузная каша, в другом — баранина. Когда эти припасы съедены, каждый начинает одеваться для исполнения своей роли.

Когда часы бьют восемь (церковь в Квитаули, выстроенная местным владыкой, обладает такой редкостью как часы), все уже на своих местах. Дождь кончается, но небо остается серым и печальным, под стать готовящейся сцене. Глава семейства князь, одетый в чоху из грубой черной материи с газырями того же цвета, и два его сына, стоящие по бокам, принимают под деревом соблезновения гостей. Обе вдовы в павильоне плача сидят, скорчившись, на разостланных на земле коврах перед скамьями с одеждой покойных супругов. Одна из них, чье вдовство длится уже три года, отрешенно спокойна. Ее костюм не является костюмом глубокого траура: на ней платье из черной альпаги. Черная косынка в качестве налобной повязки и белая вуаль вокруг головы и шеи. Ее невестка во вдовьем наряде: черная хлопчатобумажная рубаша, которую она разорвала своими руками в день похорон мужа и которую должна носить в течение года. Неприбранные волосы падают на плечи. Сидящие рядом на земле плакальщицы, как и она, держат в руках по одной старой туфле покойных, которой ударяют себя в лоб каждый раз, как запевают рефрен, который перемежают плачем и криками.

Продолжение сцены читателю известно. Заметим только, что сумма денег, по обыкновению поднесенных по этому случаю, — а мы видели, что тирили продолжается несколько дней, — достигла почти пяти тысяч рублей (17 или 18 тысяч франков), не считая полусотни коней и более полутора сотен быков и баранов. Причем эти последние находятся в двойном трауре, так как их почти тут же забивают для того, чтобы поддержать силы всей этой оравы плакальщиков и плакальщиц, изнуренных дикой демонстрацией своего заказного горя.

Распорядительницей этого траурного торжества была старая кормилица князя Григория, подтверждавшая этим свой титул, священный для абхазов. Вооруженная большой палкой она раздвигала толпу, которая склонялась перед ней. Она дирижировала плакальщиками, которые по ее знаку затягивали хором стенания, состояв-

шие из слогов оу, уа с различными интонациями, нарастающими крещендо. Долго еще после недели, проведенной в Квитаули, мне казалось, что я слышу эти траурные хоры, мрачное своеобразие которых я никогда не забуду.

В минувшем ноябре я второй раз посетила Квитаули. Мне на встречу вышел старый священник. У него был все тот же почтенный облик и все тот же гнусавый голос, поразивший меня, когда он читал поминальные молитвы.

Местность же имела совсем другой вид. Поляна была пуста. Не было слышно никаких звуков, кроме блеяния коз и баранов. Эти жалобные звуки напоминали слышанные мной ранее меланхолические оу и уа, бесконечно повторенные хором плакальщиц в день панихиды. От одного воспоминания эти печальные крики, казалось, снова зазвучали у меня в ушах.

Поскольку дом князя, где я останавливалась в прошлый раз, был заброшен ввиду его разоренного состояния, священник и его жена, мингрельская аристократка, предложили мне гостеприимство в своем зимнем убежище, хижине, служившей одновременно столовой, гостиной, спальней, кухней и даже хлевом. Они жили там, потому что в их домике, где нельзя было развести огонь, было очень холодно. Это приветливая чета, чьи возраст и ласковость заставляли думать о Филемоне и Бавкиде, прилагали все усилия, чтобы как можно лучше принять меня в своем бедном жилище.

Моя хозяйка, родом из Мингрелии, принесла в своем приданом (наверное, полвека тому назад) хозяйственную утварь, которая была в ходу у нее на родине, но абсолютно неизвестна абхазам, не достигшим уровня цивилизации современных колхов<sup>73</sup>. Так она вынула из деревянного сундука, расписанного большими цветами и узорами,

<sup>73</sup>По всему абхазскому побережью были десятки бухт и пристаней, с которых во все времена велась оживленная торговля. А потому общение с цивилизованным миром здесь было не менее интенсивным, чем в других причерноморских областях, в том числе и в Колхиде. Разумеется, что во времена таких национальных бедствий, какие постигли Абхазию в середине XIX столетия, отмечался глубокий упадок жизненного уровня населения.

чашку, тарелки и даже столовый прибор, которые вызывали удивление окружающих.

Священник, который провел всю свою жизнь в Абхазии, знал только нравы и старинные обычаи своего края. Он родился и воспитывался в имении Квитаули и уже много лет исполнял обязанности духовника в семье Шервашидзе. У абхазов еще встречаются примеры сохранения традиций самых давних времен, особенно в глубинке и в труднодоступных горах. Часто, когда я их наблюдала, мне казалось, что я переносусь во времена Гомера, ибо среди примитивных народов Кавказа абхазы остаются наиболее верны античным традициям.

Итак, я провела ночь под соломенной крышей дома священника. На следующий день они с женой, встав рано утром, приготовили мне завтрак, за которым заботливо наблюдали. Я посадила с собой за стол моего проводника и сына старшины, что противоречит правилам, так как мужчины никогда не садятся за стол вместе с женщинами. Воспользовавшись прояснением погоды, так как постоянно лил дождь, я попросила поставить стол перед хижинкой, чтобы наслаждаться видом равнины, окруженной зелеными рощами из буков и грабов, чья роскошная, замечательно красивая листва является одним из чудес этого края, так щедро одаренного природой.

Фотография, представляющая мой завтрак в Квитаули, заслуживает особого упоминания. Перед тем как усесться самой рядом с заранее сформированной группой, я показала приемному сыну хозяйина, как надо открывать и закрывать фотокамеру. Он сфотографировал нас за пять секунд и очень удачно, как можно убедиться по репродукции.

Погода позволила мне также запечатлеть церковь, на открытии которой я присутствовала несколько лет тому назад, во время памятного тирили.

Внутри находится надгробная плита княгини Кесарии Великой, память о которой, как я уже говорила, очень почитаема. Эта плита находится справа в нескольких метрах от иконостаса, как видно на гравюре.

Из Квитаули я снова поехала по дороге на Атару, но на этот раз кавалькада была гораздо меньше, чем тогда, когда после церемонии тирили я сопровождала семейство Шервашидзе в Атару, их резиденцию на берегу Кодора.

Тогда, при отъезде из Квитаули вместе с княгинями, я была свидетельницей новой для меня сцены, сцены прощания. Собравшись в комнате, где сидели их знатные госпожи, женщины более низкого положения терпеливо ждали подходящего момента для последнего прощания. По обыкновению они стояли у стен, кто, держась за руки, кто, обняв друг дружку за талию. Это были очаровательные группы.



*Берег Черного моря возле древней Диоскурии*

Неподвижные, они следили глазами за каждым движением своей госпожи. По ее знаку эта трогательная церемония началась. Самое почтительное приветствие — это трижды сделать круговое движение рукой над головой того, перед кем преклоняешься, будь то мужчина или женщина. Затем приложить голову к груди со стороны сердца, глубоко поклониться перед тем, кого приветствуешь. Хозяйка Квитаули и другие дамы из ее семьи проделали это перед отъездом перед всеми женщинами и девушками. Безразличие, с которым принима-

лись эти знаки глубокого почтения, странно контрастировали с их униженностью.

Я с тем большим воодушевлением приняла приглашение князя сопровождать его в Атару, что он предложил быть моим чичероне во время осмотра его владений, раскинувшихся до самого Черного моря на исторической территории, знаменитой в древние времена.

Мы покинули Квитаули многочисленным кортежем. К княгиням Шервашидзе присоединились многие дамы, жаждавшие чести быть в их эскорте. Все эти дамы ехали верхом на превосходных конях. Единственная среди них, я ехала на муле, сидя по-европейски. Впереди и позади нашей женской группы ехал эскадрон господ с целой армией слуг. Одни сопровождали вьючных животных, нагруженных сумами с монетами, пожертвованными во время траурной церемонии. Другие вели коней и скот, полученных по этому же случаю. Наша кавалькада немного напоминала мне банду грабителей, уносящих богатую добычу. Эта поездка стала для меня роковой. Едва мы двинулись в путь, как полил проливной дождь. Я открыла зонтик. Мой мул испугался и встал на дыбы. Я спрыгнула вниз и попала на камень, которым так сильно поранилась, что была вынуждена несколько месяцев провести в Атаре, не имея возможности двинуться\*.

Я не могу нахвалиться заботой, которой меня окружили моя прелестная хозяйка и ее очаровательная дочь, которой тогда было двенадцать лет и которую я снова увидела несколько месяцев назад в самом расцвете молодости и красоты. Но, несмотря на их добрую заботу, моей судьбе было не позавидовать. Для моих компаньенок, которые почти не видели других горизонтов, кроме атарской равнины, перспектива провести тут часть лета была не столь обескураживающей, как для меня. Наконец я поправилась и смогла посетить окрестности в сопровождении моего хозяина. Он говорил по-русски,

\* В моей книге «От Балтики до Каспия» я привожу подробности своего печального пребывания на берегу Кодора, где среди лишений, которые мне пришлось вынести, самым тяжелым оказалась невозможность с кем-нибудь поговорить, так как никто меня не понимал.

и таким образом я могла получить точные сведения о его семье и местных традициях.

Страбон\* сообщает, что на территории, простирающейся от Ингура до Кодора, существовало несколько греческих колоний, которые образовали небольшую процветающую республику, главным центром которой был город Диоскурия, в который со всех сторон прибывали купцы. От этого первого периода цивилизации не осталось ни малейших следов. Страбон говорит также об аборигенах одной части этой страны, которых он называет «фтирофагами» (пожирателями вшей)<sup>74</sup> из-за их нечистоплотности, худобы и болезненного вида. Современные абхазы очень подходят под описание этого



Развалины в лесу в имени Цкургили

\* Если верить Страбону (29 год до н.э.), сотня разных народов приезжала в Диоскурию, где главным товаром для обмена была соль.

<sup>74</sup>Фтирофаги (или вшеседы) употребляется не в отношении абхазов, а в отношении – адыгов. Это ошибка древнего историка. Дело в том, что на языке адыгов – «цыфы» означает человек. Это же слово может быть переведено на языке ближайших абхазов, как вшеед. А потому абхаз-информатор мог ввести в заблуждение иностранца, возможно шутливо исказив значение слова «цыфы» – человек, передав его, как «вшеед».

древнего населения, и можно предположить, что они происходят от этого корня. Позднее, когда в эти края проникло христианство, здесь началась вторая эра процветания, о которой, несмотря на молчание историков, свидетельствуют остатки замечательных сооружений (монастырей и храмов), которые до сих пор находятся на этой земле. Затем снова край пришел в упадок и так в нем и пребывает.

И однако, какой другой край более одарен природой, чем эта абхазская земля, такая плодородная, так прекрасно орошаемая, лежа-



Сухум-Кале, 1876 г. Общий вид

щая у самого Черного моря? Если абориген до введения нового порядка не способен возделывать благодатный край, в котором живет, почему бы не прийти сюда иноземным колонистам, как в античные времена, и не оплодотворить эти кавказские предгорья и не дать уроки трудолюбия ленивым местным жителям? Ведь жалко смотреть на эти огромные пространства невозделанной земли в таком прекрасном краю. Существует, например, поместье площадью более шести миллионов квадратных метров, называемое Холодный Источник (Цкургили), принадлежащее одному из сыновей Али-Бея, где, кроме нескольких полей кукурузы, не видно никаких следов выращивания чего-либо. Это владение тянется от Кодора до

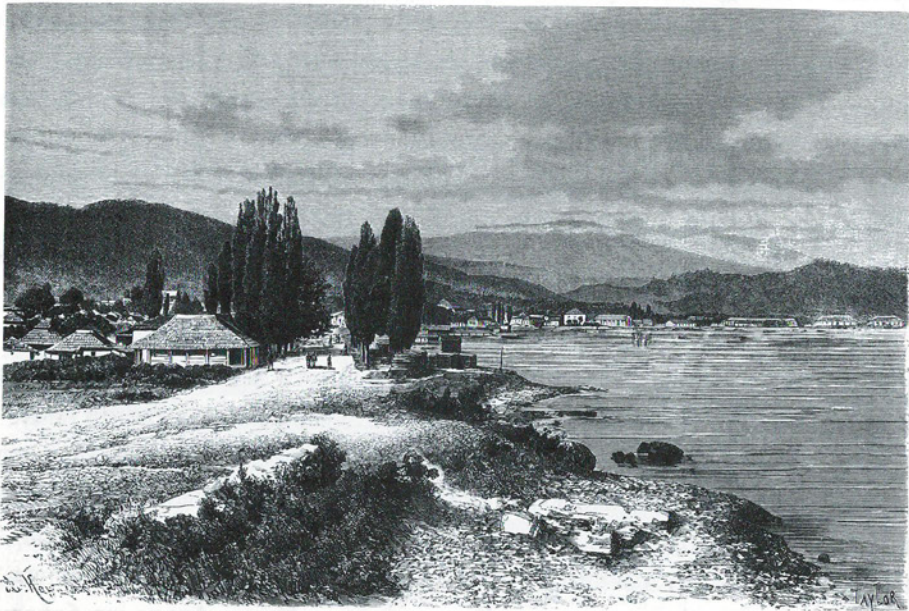
прибрежного мыса, возле которого располагалась древняя Диоскурия. Ныне это место называется Скурча. Там находится природная бухта, способная надежно укрыть от непогоды два десятка небольших парусников.

В настоящее время вся эта местность выглядит дикой и пустынной. Как на руинах эллинского города, так и на останках последующих эпох вырос высокий лес. При вырубке деревьев в одном лесу обнаружили остатки церкви, возраст которой уточнить не удалось. Немного дальше, за Кодором, приблизительно в восьми верстах от его левого берега, поднимается древняя башня, которая носит странное и необъяснимое имя Саттамаша (место развлечения). По местным преданиям, тут спрятаны сокровища, но раскопки, проведенные недавно владельцем имения, были тщетны. Ничего, кроме камней и песка, там не нашли.

Кодор, одна из самых больших и бурных рек Абхазии, берет начало на горе Марух, вершина которой почти всегда покрыта снегом, затем, оросив Цебельдинскую долину, где он разделяется на несколько рукавов, впадает в море у села Карачай, в пяти верстах от источника, который дал имя имению Цкургили. Два высоких мыса, у которых кончается река, это мысы Кодор и Искурия. Этот последний назван так по имени притока, который Кодор принимает здесь, у самого устья. Дорога между Квитаули и именем Атара на берегу вышеупомянутой реки проходит через лесистые холмы и заросли папоротников. Как и везде в Абхазии, в Атаре\* есть огороженный участок, включающий в себя церковь, кладбище и разные постройки (плетенные хижины и деревянные домики), предназначенные для гостей и для членов семьи. Здесь, так же как и в Цкургили нет и следа выращивания плодовых и овощных культур. Зато в зеленом уголке на другом берегу реки стоит колокольня старинного Драндского (или Кодорского) монастыря. Узкие живописные тропки ведут к

\* Во время захвата Абхазии турками (1877 г.) командующий армии Хусейн-паша жил в Атаре. Он был так очарован этой местностью, что попросил султана подарить ее ему. Но Атара была сожжена абхазскими мятежниками, и желание турецкого военачальника не смогло осуществиться. Я навестила Атару в ноябре 1881 года и не нашла даже ее останков. Была выжжена даже часть ее великолепных лесов.

руинам этого здания в византийском стиле. Все, что от него осталось, — это части беломраморных колонн, которые находились внутри храма. Абхазы, имеющие страсть к металлам, при совершенном неумении ими пользоваться, не могут видеть гвоздь или кусок железа и не завладеть им. Это они сняли опорные пояса с несущих



Набережная Сухум-Кале

свай, так что те преспокойно обрушились. Церковь, бывшая некогда центром епископства, была обнесена стеной из камня — полезная предосторожность, ввиду того, что дорога, у которой она расположена, ведущая в Сухум, в Мингрелию и к Цебельдинским горам, была тем путем, по которому непокорные власти аха племена являлись время от времени грабить Абхазию.

Богатая природа Абхазии украшает руины памятников, свидетельствующих о ее прежнем блеске. Побегии ломоносов и виноградных лоз обвиваются вокруг этих почтенных каменных останков, образуя изящный купол из зелени, сквозь который громадные буки и грабы вздымают свои величественные кроны, сплетая рос-

кошь своей густой листвы с цветущими и сгибающимися под тяжестью плодов ветвями. Кроме жилища в Атаре, владелец поместья имеет еще одно на берегу моря. Между ними простираются прекрасные, почти нетронутые леса, эксплуатацию которых только начинает одна английская компания. Возможно, впервые за много веков стук топора дровосека раздастся в этих массивах, где зеленые своды настолько густы, что едва пропускают дневной свет. Кроме хозяев имения и их слуг, редкие чужаки рискуют забредать в этот пустынный лес, тянущийся до мыса Скурча (древней Диоскурии).

Сплетение лиан и ползучих растений, непроходимая густота ветвей и гигантские заросли кустарников делают путь очень трудным. Поминутно ноги лошади запутываются в крепких силках оказывающих сопротивление растений, и единственный способ от них избавиться — это прибегнуть к помощи отточенного кинжала.

В этой коварной чаще полно змей. Кроме того, с наступлением ночи свой жуткий концерт начинают волки, шакалы и медведи, спугнуть которых способны лишь pistolетные выстрелы. Нередко случается, что проезжающих через лес всадников преследует по пятам целая стая голодных хищников, подходящих так близко, что в темноте видны их горящие глаза, и прекращающих преследование лишь на самой опушке леса. Так было и со мной, когда в сопровождении моего хозяина и его свиты я проезжала ночью через лес. Один из людей выстрелил так метко, что ослепил одного медвежонка, шкуру которого я получила в подарок. Я провела несколько дней в Скурче, на пустынном побережье, где некогда процветала богатая Диоскурия. Я жила в деревянном доме на опушке леса и часто видела, как из чащи выходили дикие звери, которые, особенно ночью, подходят к самому жилью. Поэтому целая свора лающих собак охраняет подступы к лесу со стороны моря. Недалеко от этого жилища на берегу стоит сторожевая вышка, с которой открывается вид до мыса Искурия. Я хотела воспользоваться тем, что древний Понт Эвксинский, столь страшный в определенную пору года, нежно ласкал тихий песчаный берег Скурчи, и совершить ночную прогулку до

Сухум-Кале, главного порта Абхазии. Маленькие каботажные парусники проделывали этот путь за несколько часов.

Вид с моря на заход солнца несказанно красив. Светило исчезает за высокой горой конической формы, которую местные жители зовут «Шапкой Сафар-Бея». Морская гладь, в которой тонут последние солнечные отблески, загорается пламенем, контрастируя с бледным лунным сиянием на темной береговой растительности. Проходят часы в этих волнующих видениях, где настоящее перемешано с едва различимыми картинами прошлого, затем, на рассвете, вдалеке появляется мерцающий свет — это портовый маяк Сухум-Кале\*.

Все еще спит в тихом городе, едва подернутом розовой утренней дымкой. Набережные безмолвны, улицы пустынные, а вокруг спящих домов в прохладном предрассветном воздухе, кажется, слышен шум крыльев улетающих снов. Эти дома в европейском стиле сразу заявляют иностранцу, что он вступает в новую, современную Абхазию, завоеванную цивилизацией\*\*. Общий вид города живописен. На зеленом фоне холмов выделяются группы домов. На берегу бухты вдоль набережной выстроились турецкие и греческие кофейни и лавки. В ее конце, почти напротив паровой пристани, поднимаются два здания, одно из которых — старая крепость — представляет прошлое, а другое — новая таможня — настоящее.

Цитадель, ключ и оплот Абхазии, была построена в 1578 году, при царствовании султана Амурата. Три сменивших друг друга владычества оставили свои следы в этой прямоугольной, в настоящее время разрушенной постройке. Большая плита у порога одной из дверей с надписью по-арабски — это сувенир оттоманской эпохи. Могилы абхазских правителей напоминают о более позднем периоде, а присутствие русских пушек говорит о нынешних хозяевах края.

Население Сухум-Кале — это смесь турок, лазов, греков, армян и русских. Абхазов здесь меньшинство. Они живут в соседних селах и

\* Бухта Сухум-Кале имеет 15 верст в ширину от мыса Сухум до мыса Кодор и 7 верст в глубину. Одна верста приблизительно равна одному километру. (Прим. автора)

\*\*Мы описываем город Сухум-Кале таким, как мы видели его перед последней Кавказской войной, в которой он был частично разрушен. (Прим. автора)

целыми кавалькадами приезжают в город, когда этого требуют дела, а потом сразу же уезжают обратно. Почва в окрестностях очень заболочена и летом здесь свирепствует лихорадка, которой подвержено почти все население. Однако, никаких мер, чтобы как-то исправить это положение, не принимается. Врачей не хватает, а часто не хватает и хинина, так как это лекарство используют на Кавказе от всех болезней.



Окрестности Сухум-Кале. Берега Келасура

Окрестности не лишены приятности, но там не хватает тени, и, несмотря на непосредственную близость моря. Жара стоит удрушающая. Некоторое время назад иностранные поселенцы начали осваивать отдельные участки пригородной зоны. Однако до сих пор там не сделали озеленения. Зато были возведены просторные казармы и военный госпиталь поблизости от старинной крепости. Будучи пограничным портом, Сухум-Кале — это прежде всего город военных. Каждое воскресенье и в те дни, когда приходят пароходы из Одессы и Поти, гарнизонный оркестр устраивает более или менее веселые концерты духовой музыки в павильоне, специально для этой

цели выстроенном на берегу залива. Пароходное сообщение — это единственная ниточка, связывающая город с Европой, с Тифлисом и с другими районами Кавказа. Сухопутных дорог, можно сказать, не существует.

Здесь, как и везде в Абхазии и Мингрелии, любимым развлечением населения являются благочестивые конные вылазки, хороший повод для пикников и игр. Обычно их конечной целью является какой-нибудь известный святой храм. Там, например, в трех верстах от города находится сельская часовня Святого Георгия, в которой можно увидеть икону этого воина, украшенную алмазами и бирюзой и слывущую чудотворной. Праздник этого святого, отмечаемый 28 апреля (9 мая), — это первое в году весеннее развлечение, привлекающее тысячи участников. В этот день, как того и следует ожидать после того, что я говорила о местных нравах, маленькое сельское кладбище, прилегающее к часовне, превращается в ярмарочную столовую залу, где толпа пирует и танцует с оргиастическим воодушевлением, мало вяжущимся со святостью места. Вечером все пускаются в обратный путь, распевая, гарцуя на конях, проделывая конные трюки, популярные в этом краю. Непременный атрибут этого дня — конечно же скачки, которые проходят на берегу моря, на дороге, ведущей из города к часовне Святого Георгия.

С набережной Сухум-Кале можно заметить маленькую прибрежную деревушку, с которой у меня связаны приятные воспоминания: это деревня Келасури\*, название которой означает «крепость, окруженная высокими стенами»<sup>75</sup>. Мне была предложена гос-

\* Келасури была полностью разрушена турками во время взятия Сухум-Кале в 1877 году. Келасури, расположенная в шести верстах от Сухум-Кале, получила свое имя от водного потока Келасур, берущего начало в одном горном ущелье. Его воды отличаются от морских. На его берегах много обкатанных камней из гранита и слюдяного сланца, принесенных бурным течением. Местами берега очень живописны. Келасур орошает равнину, расстилающуюся перед сухумской бухтой. Келасури находится у самого устья реки. Ее богатая лесами долина имеет всего полверсты в ширину. Некоторые из этих лесов напоминают настоящие сады, так как плодовые деревья растут там вперемешку, совершенно диким образом.

<sup>75</sup> Данное название производят от греч. «клизура» — узкий горный проход или греч. «эклессия» — церковь. Вторая версия, на наш взгляд, предпочтительней, ибо здесь действительно имеется церковь во имя святого Георгия.

теприимная трапеза представителями разных национальностей, составляющих население города. Меньше чем за час красивые лодки, снующие вдоль берега, перевезли все общество в выбранное для встречи место.

Келасури хранит достаточно останков древних оборонительных сооружений, чтобы оправдать свое название. Часть цитадели еще высится на склоне холма; увитая плющом и ползучими растениями, она напоминает средневековые бурги, чьи легендарные руины погрузились в Рейн. К какому времени относится эта постройка? Это трудно сказать. Большинство древних сооружений, которыми усеяна кавказская земля, не имеет даже преданий. От форта, расположенного на середине склона, стена спускается к берегу моря, где находится второе оборонительное сооружение; таким образом доступ и снизу и сверху был перекрыт. В каменной стене был сделан лишь один арочный проем, дающий проход сухопутной дороге, связывающий Келасури с Сухумом.

Входная арка в цитадель еще не разрушена. По крепости этой конструкции можно легко судить о том, чего стоило это замечательное укрепление, предназначенное для того, чтобы держать в почтении мингрелов, которые оспаривали у абхазов владычество над Самурзаканом. На одном участке внутри ограды находится большой, выложенный камнем квадрат, разделенный надвое и сильно обветшавший, — это могила Хасан-Бея, бывшего при жизни владельцем территории Келасури, и его жены и дочери. В этом месте, больше похожем на плодовый сад, чем на кладбище, встречаются и другие надгробные памятники, но меньшего размера; это отдельные могилы Батал-Бея, Таяр-Бея и Халил-Бея, троих Шервашидзе, скончавшихся до окончательного перехода семьи в христианство. Обрамление этих гробниц, заросших высокими папоротниками и стеблями кукурузы, выглядит как колодезная кладка.

Месторасположение Келасурской крепости, называемой Тубуни<sup>76</sup>, очень живописно. На заднем плане возвышается горный хребет,

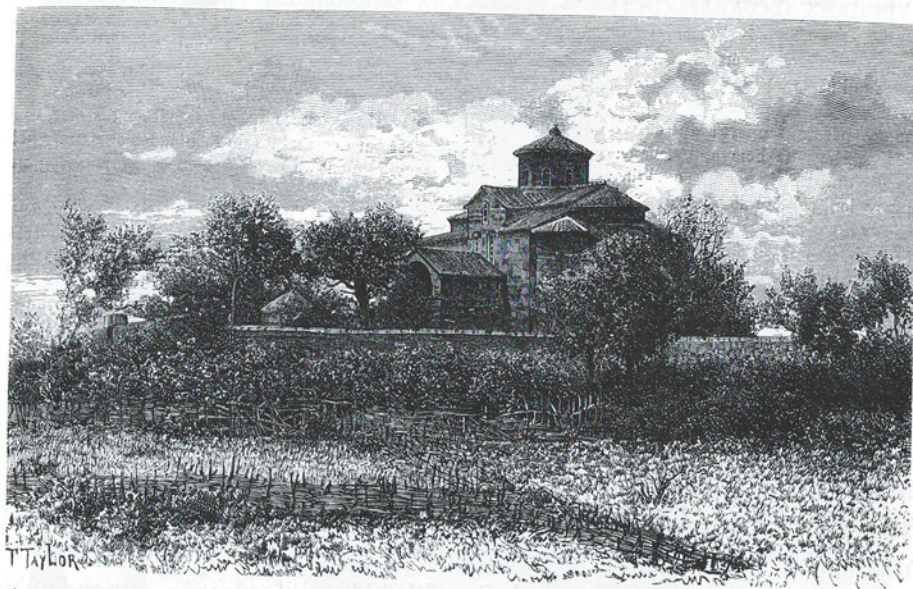
<sup>76</sup> Тхубун. Название этого села сохранилось по сей день.

некоторые вершины которого покрыты вечными снегами. Среди них местные жители выделяют семь основных гор, которым даны свои имена: Марух, Щоудыд, Абсидзто (Absidzto), Амткел, Ачажупа, Мумписто (Moumpisto), Журиви (Jouřivi). Все эти названия, без сомнения, не известны нашим географам. С другой стороны, на берегу полукруглой бухты раскинулся город Сухум со своими белыми строениями. Неподалеку от крепости находится дом нынешнего владельца этих мест. Это вилла, окруженная садом на европейский манер. Ниже, ближе к морю, находятся несколько жилищ мусульманских семей, которые странно контрастируют своей чрезмерной чистотой с грязными хижинами абхазов. Стопки постельных принадлежностей, накрытые белой простыней, скамьи, застеленные персидскими коврами, ярко раскрашенные сундуки, аккуратная развешенная одежда — все выдает руку заботливой хозяйки.

Я зашла в один из этих приветливых домов и застала там крестьянку столь же кокетливую, сколь кокетлив был интерьер ее жилища. Три зеркала на стенах говорили о том, что хозяйка имела желание нравиться. Стих из Корана, переписанный большими буквами, занимал на стене комнаты место, где у нас обычно висит Христос. Легкая закуска, предложенная мне как нельзя более гостеприимным образом, позволила продемонстрировать блестящие мельхиоровые приборы, тщательно уложенные в кожаный мешочек, завернутый в шелковую бумагу и перевязанный розовой ленточкой. Добавим, что женщины не только не удалились при появлении иностранных визитеров, но, чтобы доставить им удовольствие, принялись играть на гитарах и петь.

На этой широкой, заросшей травой Келасурской равнине, под тенью прекрасных фруктовых деревьев состоялся интернациональный пикник, на который я была приглашена. На кухне, оборудованной прямо на месте, как это обычно здесь делается, быстро приготовили все блюда меню. Как сейчас вижу два воткнутых в землю толстых кола, на которых лежит деревянный вертел с шипящим над огнем сочным жарким (шашлыком). Заметьте, это не куски ягнатины или козлятины, а целые животные, только что забитые и жарящиеся

над потрескивающим пламенем. Чаще всего выбранные жертвы присутствуют при разведении костра, на котором будет подрумяниваться их нежное мясо, так как считается, что шашлык бывает хорош только, когда животное убивают в самый последний момент. За приготовлением шашлыка следят двое: один, сидя на корточках, крутит вертел, не покладая рук; другой, стоя перед жарким с пучком перьев в руке, по мере надобности сбрызгивает его из кастрюли смесью масла, перца и соли. Мало-помалу мясо подрумяни-



*Лыхненская церковь*

вается, распространяя аппетитный аромат, и через час шашлык готов. Его приносят гостям прямо на вертеле, и каждый, по очереди, отрезает себе, сколько хочет.

Но давайте опишем по порядку этот гомеровский пир. Начали, естественно, с русских закусок, так сказать, «по кусочку на зубочек», которые нам ловко приготовил на скамье из дерна молодой русский парень в национальном костюме, то есть красной рубашке с широкими рукавами и штанах, заправленных в высокие сапоги. Эти маленькие кусочки, представляющие прелюдию к пиру, были

проглочены в благоговейной тишине. Затем был подан кислый суп на курином бульоне (чихиртма). Затем далма<sup>77</sup> из мясного фарша, завернутого в виноградные листья, с заправкой из кислого молока с шафраном. Это два грузинских блюда, к вкусу которых иностранец привыкает с трудом. Турция была представлена пловом. Короче, каждая страна внесла свою долю в меню этой вавилонской трапезы, в которой участвовали, рассевшись на траве, едоки всех национальностей и в различных костюмах: одни в белых фуражках, другие в турецких фесках, третьи в абхазских башлыках, греческих шапках или грузинских папах. Все в полном согласии, которое не было нарушено и при поднятии тостов за здоровье: православный чокался с турком, грек с итальянцем, протестант с абхазом. Речи толумбаша (председателя застолья) прибавляли всеобщего оживления. Грузины, полные презрения к малоемким сосудам, именуемым стаканами, прибегли к помощи гигантских рогов тура (местного дикого барана), честно сослуживших свою службу. И наконец пение и танцы увенчали эту пантагрюэлловскую пирушку. Давно эхо древнего Келасури не отзывалось на такие взрывы веселья.

Зато, если перенестись назад, шум битв должен был часто тревожить покой этой зеленой равнины, где нынче разгулялась наша компания. Топографически этот уголок земли представлял естественную защиту греческой республики Диоскурии от беспокойных соседних племен. Это единственное место побережья древнего Понта Эвксинского, где от Большого Кавказского хребта спускается поперечный отрог к самому морю, деля надвое район, идущий к Азовскому морю. Отсюда та важная роль, которую испокон веков играла крепость Келасури, стена которой была границей грузинского города Цхуми<sup>78</sup>, на чьем месте сейчас стоит Сухум-Кале. Еще лет пятнадцать назад ныне безлюдное селение было оживленным; его базар, державшийся главным образом на турках, был маленьким центром торговли, куда съезжались за товаром все окрестные ла-

<sup>77</sup> Долма или толма. Армянское блюдо.

<sup>78</sup> Здесь следует иметь в виду политический, а не этнический смысл определения «грузинский».



Пиундзский храм. Престольный собор католикосов Абхазских

вочники. Только после восстания 1866 года жители покинули его. Мелкие торговцы переехали в Сухум-Кале, Гудауту и Очамчиру, так что в бывшем торговом поселке осталось лишь грустное воспоминание об исчезнувшем, без сомнения, навсегда процветании.

Небольшой русский военный корабль всегда находится на рейде Сухум-Кале, готовый обслужить принадлежавшую Абхазии часть побережья. Так, во время моего посещения, на рейде стояла шхуна «Салгир» капитана Кракина, на борту которой я проделала небольшую развлекательную экскурсию вдоль берега. Эта прогулка была для меня тем более привлекательной, что, не говоря уже о галантности офицеров, чьей гостьей я оказалась, мы шли от стоянки к стоянке, останавливаясь во всех промежуточных пунктах, так что, отправившись из Сухума после полудня, мы прибыли в место нашего назначения Гагру только на следующий день, затратив почти сутки на морской путь, преодолеваемый торговыми судами за несколько часов.

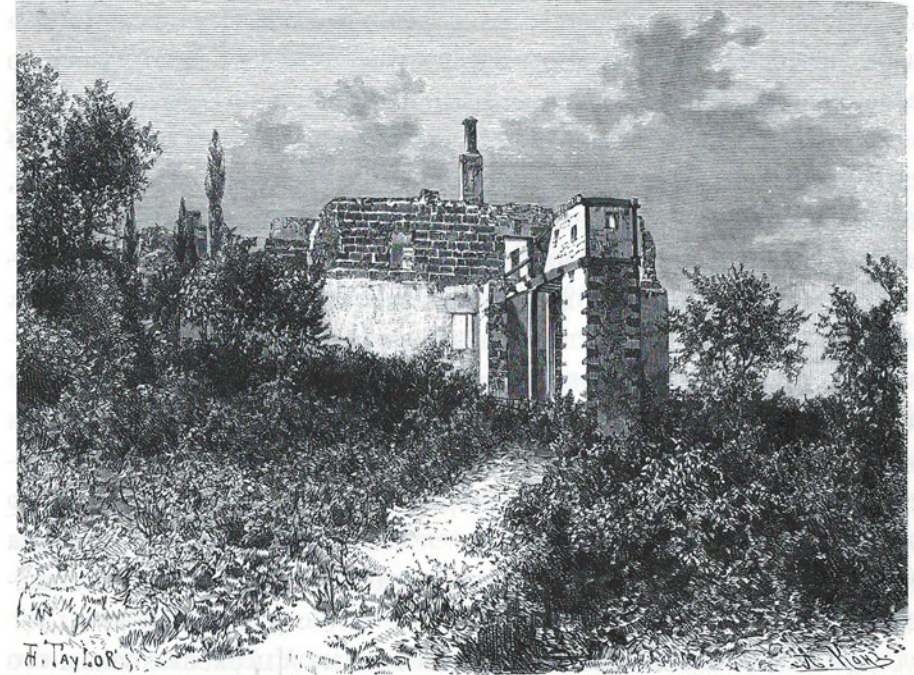
Первый после Сухума населенный пункт на этом направлении — Гудаута, который я уже упоминала, небольшое селение, часть населения которого составляют лазы, а наиболее примечательным объектом является кофейня хозяина-турка. Дальше на берегу появляется Лыхны\*, чудесное зеленое гнездышко, потерявшее свой престиж княжеской резиденции после смерти последнего аха. Жилище владельца, построенное на вершине холма, где сохранились остатки античной башни<sup>79</sup>, было сожжено турками, которые часто нападали на этот район Абхазии. Именно во время такого вторжения в 1830 году Михаил Шервашидзе, вассал России, был защищен войсками госу-

\* Ах Михаил-Бей изменил название Лыхны на Суук-Су, по имени источника, бывшего в его окрестностях. На многих географических картах Лыхны обозначаются по-разному. На карте Гамбы это место названо Лохин. На карте царя Александра Имеретинского (1738 г.) — Литни (монастырь). Наконец на русской карте (1834 г.) — Лекне.

<sup>79</sup> Владетельский дворец расположен на приподнятом плато. По имеющимся археологическим данным нахождение в Лыхны античной башни, тем более в пределах владетельской резиденции, не подтверждается. Князь Михаил Георгиевич был человеком глубоко православным и не являлся ревнителем мусульманской культуры, хотя был вполне толерантным по отношению к вероисповеданию своих вассалов, среди которых встречались и мусульмане.

дарства сюзерена, которые заняли Сухум, Бамбору, Пицунду и Гагру, то есть все укрепленные пункты побережья.

Я уже много говорила о великолепии лесов, расположенных по другую сторону от Сухума, но я не могу обойти молчанием, насколько я была поражена богатством растительного мира этого берега, особенно в Лыхны.



Дом аха в Лыхны

Лыхненская церковь находится внутри той же ограды, где раньше стоял дом аха, разрушенный, как я уже говорила, турками. В этих местах старые культовые здания построены в византийском стиле. Лыхненская церковь кажется скопированной в более простых и уменьшенных пропорциях с Пицундского монастыря. Она построена из желтоватого известняка, добываемого в местных горах. Восьмиугольный барабан прорезан окнами. Интерьер неплохо сохранился, особенно фрески. Они напомнили мне все уже виденные

мною стеной росписи. Здание церкви окружено стеной, которая неоднократно реставрировалась. В некоторые времена года, и особенно когда я посетила Лыхны, храм был так покрыт вьющимися растениями и густыми кустарниками, что мне стоило труда пробиться сквозь лабиринт листвы и цветов.

Пицундская церковь, которую я только что упомянула, расположена в небольшой бухте, хорошо защищенной от северного ветра. На песчаном берегу растет великолепный сосновый лес. Пройдя через него, выходишь к местному чуду — церкви середины шестого века, основание которой приписывается Юстиниану-Августу\*.

Из бухты ее видишь не сразу, так как она удалена от мыса. Но стоит сойти на берег, как замечаешь вдали внушительное здание, скрытое массивом деревьев: дубов, орехов, платанов и лип, которые, возможно, старше самого древнего храма. Храм разорился неоднократно, а именно, в 1390 году Даданом Вамеком, который взял отсюда материал для постройки часовни в Хоби, о которой я говорила, рассказывая о Мингрелии. Затем снова в 1529 году, когда по преданию, местные патриархи уже покинули свой монастырь и укрылись в Гелатском монастыре в Имеретии\*\*, забрав с собой книги, летописи и сокровища, некоторые из которых мне показали во время посещения этого монастыря\*\*\*<sup>80</sup>. С тех пор титул католикоса Абхазии присоединен к титулу митрополита, который носит Кутаисский прелат.

Древний Пицундский храм считался главной церковью западного Кавказа, ибо в течение двенадцати веков в нем пребывали местные

\* См. Procopé, de Bello Gothico, II, 471, 472, 473.

\*\* См. «Тур дю Монд», 6 ноября 1880 г.

\*\*\* Хотя это событие и относят к этому времени, дата не очень достоверная. На то, что патриарх еще жил в Пицунде, указывает Грузинская летопись, переведенная Броссе (младшим), где говорится, что Хонский епископ был посвящен в сан в 1529 году тем самым Пицундским патриархом. В Пицунде можно видеть небольшой колокол, на котором выбита эта дата в память об этой церемонии.

<sup>80</sup> Перенос в Гелати престола католикосов Абхазских произошел веком позже. Колокол, о котором идет речь, был католическим и вряд ли был связан с православным храмом и теми событиями, о которых здесь говорится. Вероятно он был привезен из Италии специально для малого Пицундского храма, который был передан владельцем Абхазии Беслако Чачба в середине XVII века католической миссии.

патриархи, оказывая большое влияние на весь край. Память о былой славе навсегда останется здесь, так как это место продолжает быть объектом паломничества. В отдельные дни здесь бывает большое скопление верующих, которые приходят сюда, как и прежде, оставить жертвования и обетные дары, вроде тех, что я описывала и фотографировала в сокровищнице Илорской церкви, то есть кучу всяких старых вещей. Здесь встречались и очень древние монеты, но они уже давно исчезли.

Пицундская церковь особо замечательна своими пропорциями. Снаружи кирпичный барабан купола опирается на три высоких фронтона. Здание построено из разных строительных материалов: тесаного камня, красного кирпича, сероватого известняка: это смешение цветов дает интересный эффект. Медь с купола была снята. Я уже упоминала страсть абхазов к любому металлу при неумении им пользоваться. Церковь находится на эспланаде, перед входом растут почтенные вязы, в тени которых отдыхают верующие, постоянно навещающие величественный храм. Тридцатисестьфутовый барабан купола прорезан восемью окнами<sup>81</sup> высотой в четырнадцать футов. К центральной части примыкают четыре крыла, образующие греческий крест. Алтарь, освещаемый тремя высокими восемнадцатифутовыми окнами, имеет в глубину вместе с предалтарной частью восемь футов. Большой неф от нартекса до центральной части имеет длину тридцать футов; общая длина здания — 118 футов, ширина — 68 футов и высота — 102 фута вместе с толщиной свода. На стенах кое-где сохранилась фресковая роспись. Особо я отметила ряд медальонов в нижней части стены с изображениями святых, подобных тем, что я сфотографировала в Бедийской церкви.

В настоящее время в Пицунде живут несколько монахов. Не раз поднимался вопрос о реставрации этого прекрасного образца византийской архитектуры. Легенда говорит, что стена, окружающая церковь, строилась наспех, в час надвигающейся гибели, благими усилиями жителей поселка, которые использовали в дело любые по-

<sup>81</sup> Двенадцатью.

падавшиеся им под руку материалы и, в частности, обломки строе- ний античного города Питиуса, который располагался недалеко отсюда и чьи остатки еще можно кое-где видеть. Если обследовать развалины стены, то видно, что она сложена из совершенно раз- нородных кусков.

Что касается моей экскурсии по этой части Черного моря, то тщетны были бы мои усилия передать все приятные впечатления от путешествия. Эти горы с покрытыми снегом вершинами и зелеными подножьями, эта прекрасная водная гладь, в которой они отражаются, эта размеренная и дисциплинированная жизнь экипажа военного судна — все это оставило во мне неизгладимые воспомина- ния. С наступлением ночи жизнь на борту приобрела какие-то осо- бенно волнующие черты. После ужина матросов, состоявшего из ячневой каши с маслом, которую капитан не преминул попробовать перед раздачей, все собрались на палубе на молитву, которая летом читается в восемь часов, после чего запели вечерний гимн, и со- звучие этих низких голосов, теряющихся в безбрежной шире, созда- вало самую грандиозную мелодию, которая только может звучать между небом и землей.

Наконец мы причалили в Гагре. Сначала можно было подумать, что мы находимся в какой-то нормандской деревне. Длинная верени- ца гигантских тополей отражалась в спокойных водах, делаая Черное море совсем зеленым. Но перенеся взгляд дальше, видишь, как на смену этому изящному пейзажу приходит гораздо более грандиоз- ный — высокая горная цепь, отделяющая Абхазию от Черкессии, удаленная от берега всего на пятьдесят верст. На эти вершины взбираются по крутым извилистым тропам, по которым вниз везут древесину, принадлежащую английской компании, которая недавно начала здесь лесоразработки, так как после поражения черкесов<sup>82</sup>,

<sup>82</sup>Здесь под черкесами подразумеваются абхазы-джигеты, жители северо-западной части гагрского и сочи-адлерского районов, в этот период не входившие непосредственно в состав Абхазского княжества, признававшие лишь номинально центральную власть и только во время внешних угроз становившиеся под знамена абхазского владетеля.

покинувших эти места, участки были розданы русским и ино- странцам.

Высадившись в Гагре, я увидела на берегу моря штабеля бревен, готовых к отправке на специальных баржах. Гагра не выглядит уны- лой, хотя и пустовата. Торговый мир представлен тут тремя духана- ми (магазин-распивочная), которые содержит один предпринима- тель, заключивший контракт с российским правительством на обес- печение продовольствием военного гарнизона, состоящего из четверти пехотного батальона, то есть двухсот пятидесяти человек. Принимая во внимание относительную прохладу климата, крепость служит летним госпиталем для военных Черноморского побережья. Здесь есть место для двухсот больничных коек. Что касается вы- здравливающих, их постели устроены в палатках во внутреннем дворе крепости.

Рядом с фортом находится маленькая церковь, которой более тысячи лет, хотя она хорошо сохранилась. Из ее свода не выпало ни одного камня, только алтарь исчез. Ризница, тоже нетронутая, была превращена в погреб для приготовления кваса (хлебного или фрук- тового напитка). Этот храм посвящен святой Ипатии, проповеднице и мученице, явившейся, по преданию, распространять христианство в этих краях. На склонах соседних гор до сих пор показывают пещеры, где она укрывалась от преследования варваров-язычников. Русские почитают ее как Ипатию Гагрскую<sup>83</sup>.

Во времена Византийской империи Гагра была местом ссылки; можно сказать, что она является им до сих пор для военнослужа- щих, которых посылают в этот своеобразный уголок побережья чах- нуть от одиночества и скуки; однако, как бы ни было печально пребывание здесь в глазах тех, кто вынужден тут жить, это место не лишено очарования для туриста. Его орошает красивая речка Гагринска<sup>84</sup>, богатая форелью. Ее берега поросли высокими камыша-

<sup>83</sup>Ипатий Гангрский, святой епископ Гангры, города в Пафлагонии, в Малой Азии. Был убит еретиками в 326 году. Привязка этого святого к Гагре в Абхазии относится к рус- ским монахам, появившимся в Абхазии в последней четверти XIX в. и оспаривается церковными историками.

<sup>84</sup>Русское, искаженное. Настоящее название — Гагриш.

ми, а исток питается снеговой водой. Она падает с горы водопадами, вырываясь из ущелья приблизительно в двух верстах от крепости.

Когда речка не подпитывается тающими снегами соседних склонов, ее русло пересыхает. Тогда пруд и источники внутри крепости, которые она наполняет, также истощаются, и начинается общая нехватка воды. Летом это довольно распространенное явление. Недостаток воды — самое большое несчастье Гагры, хотя весной она обеспечена ею в достатке. Густо заросшие окрестности изобилуют разнообразными фруктами, а воздух буквально напоен ароматом высоких акаций и благоуханием розовых кустов.

Природа здесь сверхизобильна, а ее плоды очень разнообразны. Здесь растут белые тополя, рядом с ними инжир, самшит, остролист, виноградные лозы с тяжелыми гроздьями, колючие кусты с розовыми цветами, ломоносы. Эти богатства земли, омываемой морем и увенчанной горным кряжем со снежными вершинами, создают величественнейший пейзаж.

Я вспоминаю большой сад, расположенный недалеко от крепости, который, как мне кажется, в течение пяти лет с 1859 по 1864 гг. был театром кровопролитной борьбы между черкесами и русскими. Каждое дерево в нем было местом засады, из которой засевавший там горец посылал смертоносную пулю в любого вышедшего из форта солдата. За каждого убитого черкеса, по их закону, девять русских должны были погибнуть от руки членов семьи убитого. Могилы русских офицеров, павших на этом месте, покоятся среди цветущих кустов этого сада, бывшего одним из центров сопротивления. Кто подумает сегодня при виде живописных аллей этого прекрасного места, что страшная война унесла тут столько жизней!

В день, когда я приехала в Гагру, погода стояла отличная. Командующий фортом и его жена, оба грузины, были со мной крайне предупредительны. Верхом на конях они сопровождали меня в самые замечательные уголки. Обед, которым они угостили капитана и офицеров «Салгира» и в котором я приняла участие, был великолепен. Я бы никогда не поверила, что в этом удаленном от всего ос-

тального мира уголке можно найти столько гастрономических деликатесов и лакомств.

Изысканные блюда, чудесные вина, прекрасные плоды и обилие цветов соперничали количеством и качеством друг с другом на столах, вынесенных в цветущую тень сада, где временно царил мир.

В довершение удовольствия несколько молодых пехотинцев, артистический цвет батальона, спели для нас две народные мелодии под аккомпанемент двух барабанов. Затем, после кофе, поданного в беседке, другие солдаты исполнили разные оригинальные танцы, и среди них казацкие пляски и танцы крестьян-черемисов Архангельской губернии, что говорит о том, что в гагрском гарнизоне были рекруты из самых отдаленных уголков империи. И, наконец, в завершение праздника, труппа самодеятельных актеров, тоже из армейских рядов, побаловала нас небольшим водевилем, сыгранным с естественностью и задором. Декорациями была сама природа. Короче, я могу сказать, что редко театральное представление производило на меня такое приятное впечатление, как эта непритязательная пьеса, сыгранная солдатами-новобранцами, чьи новенькие белые костюмы выделялись на фоне благоухающих розовых кустов. Пусть мир, — прошептала я про себя, — позволяет и дальше проводить время подобным образом этим веселым новобранцам святой Руси! Увы! Этому пожеланию не суждено было исполниться. Через некоторое время война на Кавказе вспыхнула вновь.

Я находилась там в этот печальный период, о котором сохраняю вечные воспоминания.

Совсем недавно я снова повидала этот загадочный Кавказ, который меня так интересовал. Дважды я рискнула путешествовать по этим местам, одна, доверяя людям, надеясь на собственные силы.

И я не пожалела. У всех и повсюду я находила искреннее, сердечное гостеприимство, свойственное кавказцам. Я этого никогда не забуду.

Моя вторая поездка по Абхазии была еще более рискованная, чем первая. Но и тут мне не в чем раскаиваться. Хотя она не обо-

шлась без опасностей и риска, я рассматриваю ее как паломничество, которое я должна была обязательно совершить.

Ограниченный период времени, который у меня был, неизбежно оставил лакуны в том, что могло бы быть более совершенным. Но если читатели журнала «Тур дю Мوند» следили за моим рассказом не без интереса, то все опасности, которым я подвергалась во время моего быстрого путешествия по Абхазии в качестве самодеятельного фотографа, будут полностью вознаграждены.

*Карла Серена*

## Перечень иллюстраций

- Река Ингур. *Рисунок Тейлора по фотографии Карлы Серены.*
- Столбы индо-британского телеграфа около Оцарце. *Рисунок Тейлора по фотографии К. Серены.*
- Крепость Оцарце. *Рисунок Тейлора по фотографии Карлы Серены.*
- Самурзаканский дворянин, пробующий кинжал. В глубине духан в Оцарце. *Рисунок А. Сируи по фотографии К. Серены и М. Ермакова.*
- Карта Абхазии и Мингрелии. *Гравюра Эрхарда.*
- Амбары в Саберии. *Рисунок Поля Ланглуа по фотографии К. Серены.*
- Самурзаканское жилище. *Рисунок П. Ланглуа по фотографии М. Ермакова.*
- В доме у юнкера Лакербея. *Рисунок А. Сируи по фотографии К. Серены.*
- Школа в Окуме. *Рисунок А. Фердинандуса по фотографии К. Серены.*
- Знатный самурзаканец-конокрад. *Рисунок П. Фрителя по фотографии М. Ермакова.*
- Суд в Окуме. *Рисунок А. Фердинандуса по фотографии К. Серены.*
- Окумский базар. *Рисунок А. Фердинандуса по фотографии К. Серены.*
- Село Эшкыт. *Рисунок Поля Ланглуа по фотографии К. Серены.*
- Кладбище семьи Лакербей в окрестностях Окума. *Рисунок Тейлора по фотографии К. Серены.*
- Самурзаканские слуги. *Рисунок И. Прянишникова по фотографии.*
- Дом старшины в Эшкети. *Рисунок Поля Ланглуа по фотографии К. Серены.*
- Всадники, ожидающие решения их споров на поляне в Бедиа. *Рисунок И. Прянишникова по фотографии Карлы Серены и М. Ермакова.*
- Фрески Бедийского собора. *Рисунок Д. Лансло по фотографии К. Серены.*
- Бедийский храм. *Рисунок Д. Лансло по фотографии К. Серены.*
- Семья моего чапара в селе Бедиа. *Рисунок И. Прянишникова по фотографии К. Серены.*
- Интерьер храма. *Вид алтарной части. Рисунок Д. Лансло по фотографии К. Серены.*
- Вход в Бедийский монастырь. *Рисунок Тейлора по фотографии К. Серены.*
- Возвращение из Бедийского монастыря. *Рисунок И. Прянишникова по мотивам текста и наброску.*

Процессия с чучелом. *Рисунок И. Прянишникова по мотивам текста и фотографиям.*

Руины дворца аха в Очамчире. *Рисунок Тейлора по фотографии К. Серены.*

Очамчира, ноябрь 1881 г. Дом главы округа. *Рисунок Тейлора по фотографии К. Серены.*

Колокольня Илорской церкви. *Рисунок Тейлора по фотографии К. Серены.*

Священник, показывающий сокровища Илорской церкви.

*Рисунок А. Фердинандуса по фотографии К. Серены.*

Дом илорского священника. *Рисунок Тейлора по фотографии К. Серены.*

Армянская семья, возвращающаяся в Грузию. *Рисунок И. Прянишникова по фотографии К. Серены.*

Интерьер дома моквского священника, воскресенье. *Рисунок Э. Ронжа по фотографии К. Серены.*

Княгиня и ее сестра, предлагающие воду и полотенце г-же К. Серене в Мокве. *Рисунок Э. Ронжа по фотографии К. Серены.*

Моквский собор и развалины колокольни. *Рис. Клерже по фотографии К. Серены.*

Иконостас Моквского собора. *Рисунок Клерже по фотографии К. Серены.*

Руины моквского кладбища. *Рисунок Тейлора по фотографии К. Серены.*

Завтрак К. Серены в Кутоле. *Рисунок И. Прянишникова по фотографии К. Серены.*

Площадь и церковь в Кутоле. *Рисунок Тейлора по фотографии К. Серены.*

Интерьер церкви в Кутоле и могила княгини Кесарии Шервашидзе. *Рисунок Тейлора по фотографии К. Серены.*

Берег Черного моря возле древней Диоскурии. *Рисунок Тейлора по фотографии.*

Развалины в лесу в имении Цкургили. *Рисунок П. Ланглуа по фотографии.*

Сухум-Кале, 1876 г. Общий вид. *Рисунок Тейлора по фотографии.*

Набережная Сухум-Кале. *Рисунок Тейлора по фотографии.*

Окрестности Сухум-Кале. Берега Келасура. *Рисунок Тейлора по фотографии.*

Лыхненская церковь. *Рисунок Тейлора по фотографии.*

Пицундский храм. Престольный собор католиков Абхазских.

*Рисунок Д. Лансло по фотографии.*

Дом аха в Лыхны. *Рисунок Тейлора по фотографии.*

## ОГЛАВЛЕНИЕ

### Глава I ..... 9

Панихида в Квитаули. — Кесария — великая княгиня. — Шервашидзе. — Отъезд в Атару. — Абхазия древняя и современная. — Имена Цкургили и Атара. — Старые леса. — Ночное плавание. — Город Сухум-Кале и его окрестности. — Келасури и его крепость. — Интернациональный завтрак. — Прибрежные экскурсии: Лыхны и Пицундская церковь; крепость Гагры; праздник в мою честь в саду-кладбище. — Заключение.

### Глава II ..... 41

Старая Очамчира и руины дворца аха Михаила Шервашидзе. — Население поселка. — Общий взгляд на район. — Мой приезд в новую Очамчиру. — Вылазки по окрестностям. — Илорская церковь и бык святого Георгия. — Ночь у абхазской вдовы. — В Мухури. — Кавалькада. — Праздник в Мокве; развалины монастыря и храм. — Гора Агарда.

### Глава III ..... 71

Села Эшкети и Бедиа. — Группы и жанровые сцены. — У местного князя. — Танцы и развлечения. — Бывший Бедийский монастырь. — Антон Шервашидзе. — Горами и ущельями. — Серные ванны Ткварчели. — Абхазская свадьба.

### Глава IV ..... 102

Первый опыт фотографии. — Остановки в Тифлисе, Ново-Сенаки, Зугдиди. — Завтрак у подножия крепости Рухи. — Переправа через Ингур. — Исторический экскурс. — Левый берег Ингура и крепость Оцарце. — Почтовая станция и милиционеры. — Село Саберия. — Гостеприимное угощение. — Суевория. — Раздел земель. — Местная знать. — Особенности нравов. — Городок Окум. — Этнические типы региона.

ОТ АВТОРА

Составитель: **Мария Гицба**  
 Художник: **Евгений Шворак**  
 Верстка и дизайн: **Александр Голодковский**  
 Корректор: **Мария Елисеева**  
 Компьютерный набор: **Дамей Чачхалиа**  
 Фирма «Этеор»

Карла Серена ПУТЕШЕСТВИЕ ПО АБХАЗИИ